

Сборникъ „Живы“

ПОЛНОЕ
собрание сочинений

И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

Томъ XI.

ИЗДАНИЕ

Ноябрь 1898.

А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ.

30-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1899 г.

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1899 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. А. ГОНЧАРОВА,

съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожало-
стиннымъ, и факсимиле.

Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1899 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца. Содержаніе отдѣльных томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимиле И. А. Гончарова.—Біографическій очеркъ С. А. Венгерова.—Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки.—Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. ТОМЪ II. Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II. ТОМЪ III. Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части I и II. ТОМЪ IV. Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV.—ТОМЪ V. Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—V. ТОМЪ VI. Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы VI—VIII. Часть II. Главы I—IV. ТОМЪ VII. Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Главы V—IX. ТОМЪ VIII. Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части I и II. ТОМЪ IX. Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть III. ТОМЪ X. Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части IV и V.—ТОМЪ XI. Три очерка: I. Литературный вечеръ. II. Мильонъ терзаній. III. Замѣтки о личности Бѣлинскаго.—Иванъ Савичъ Поджабринъ. Очеркъ. ТОМЪ XII. Воспоминанія: I. Въ университетѣ. II. На родинѣ.—Слуги стараго вѣка: I. Валентинъ. II. Антонъ. III. Степанъ съ семьей. IV. Матвѣй.—Превратность судьбы.—Май мѣсяць въ Петербургѣ. Очеркъ.

Соч. Гончарова могутъ быть пріобрѣтены въ видѣ бесплатнаго приложенія подпиской на „Ниву“ только въ теченіе 1899 г. и отдѣльно отъ „Нивы“ не продаются.

12 КНИГЪ «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльных и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1899 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПБ. **5 р. 50 к.** Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) **6 р. 25 к.** Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7 р.** ЗА ГРАНИЦУ **10 р.**

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

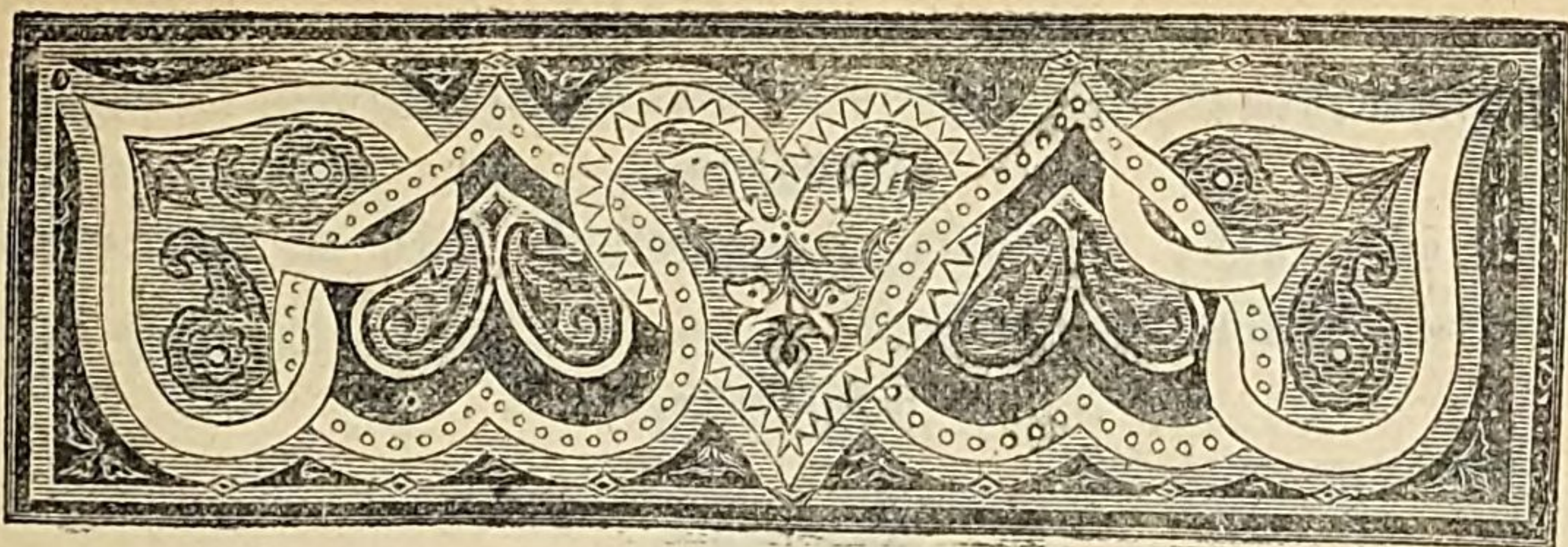
ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса Ср. Подъяч., № 1.

ЗАВТРАКЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Николай Ивановичъ Балагалаевъ, предводитель, 45 лѣтъ.
Петръ Петровичъ Пехтеревъ, бывшій предводитель, 60 лѣтъ.
Евгеній Тихоновичъ Сусловъ, судья.
Антонъ Семеновичъ Алукинъ, сосѣдь-помѣщикъ.
Мирволинъ, бѣдный сосѣдь-помѣщикъ.
Ферапонтъ Ильичъ Безпандинъ, помѣщикъ.
Анна Ильинишна Каурова, сестра его, вдова, 45 лѣтъ.
Порфирій Игнатьевичъ Наглановичъ, становой.
Вельницкій, письмоводитель предводителя.
Герасимъ, камердинеръ Балагалаева.
Карпъ, кучеръ Кауровой.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Балагалаева.

Театръ представляетъ столовую. Въ срединѣ выходъ, направо кабинетъ, окна позади, въ сторонѣ накрытый столъ съ закуской. Герасимъ хлопочетъ около стола. Услышавъ стукъ экипажа, онъ подходитъ къ окну.

ЯВЛЕНІЕ I.

Герасимъ и Мирволинъ.

Мирволинъ.

Здравствуй, Герасимъ! какъ поживаешь?.. А что, онъ еще не выходилъ?

Герасимъ *(накрывая на столъ)*.

Здравствуйте. Гдѣ это вы достали лошадь?

Мирволинъ.

А что, вѣдь недурна лошаденка? Мнѣ за нее вчера двѣсти рублей предлагали.

Герасимъ.

Кто предлагалъ?

Мирволинъ.

А купецъ изъ Карачева предлагалъ.

Герасимъ.

Что жъ вы не отдали?

Мирволинъ.

Зачѣмъ отдать? самому нужна. Ахъ, братецъ, дай-ка рюмочку: смерть что-то въ горлѣ, знаешь, того, да и жара притомъ... *(Пьетъ и закусываетъ)*. Это ты къ завтраку накрываешь?

Герасимъ.

А то къ обѣду, что ль?

Мирволинъ.

Сколько приборовъ! Развѣ кого ждуть?

Герасимъ.

Видно ждуть.

Мирволинъ.

Не знаешь, кого?

Герасимъ.

Не знаю. Говорятъ, будто сегодня Безпандина съ сестрой мирить хотятъ: такъ вотъ развѣ по этому случаю.

Мирволинъ.

Э-э! неужели? Что жъ, и хорошо. Надо жъ имъ покончить—подѣлиться. Вѣдь это, наконецъ, срамъ. А правда ли, говорятъ, Николай Ивановичъ у Безпандина хотятъ рощу купить?

Герасимъ.

А Господь ихъ знаетъ!

Мирволинъ *(въ сторону)*.

Вотъ бы, кстати, лѣску-то попросить.

Балагалаевъ *(за кулисами)*.

Филька! Вельвицкаго мнѣ позвать.

Мирволинъ.

Знать, изъ кабинета въ гостиную дверь растворена...
Ну-ка, другую рюмочку, Гарася...

Герасимъ.

А что? вѣрно, горло все...

Мирволинъ.

Да, братъ, что-то саднить. (*Пьетъ и заѣдаетъ. Герасимъ выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Балагалаевъ и Вельвицкій.

Балагалаевъ.

Такъ, такъ, такъ-такъ-то, ты ужъ такъ и распорядись! слышишь? (*Мирволину*). А, ты, здравствуй!

Мирволинъ.

Нижайшее мое почтеніе, Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ (*Вельвицкому*).

Какъ я тебѣ сказалъ, ты понимаешь. Вѣдь ты понялъ?

Вельвицкій.

Какъ же-съ, какъ же-съ.

Балагалаевъ.

Ну, да, этакъ будетъ хорошо. Ну, теперь ступай... Я тебѣ дамъ знать, я велю тебя позвать. Можешь идти.

Вельвицкій.

Слушаю-съ. Такъ, стало-быть-съ, бумагу по дѣлу вдовы Кауровой приготовить-съ?..

Балагалаевъ.

Ну, конечно, конечно... Я удивляюсь! Ты долженъ былъ понять, наконецъ, братецъ.

Вельвицкій.

Да вы ничего не изволили мнѣ...

Балагалаевъ.

Мало чего! Не все же мнѣ тебѣ сказывать, наконецъ!

Вельвицкій.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Балагалаевъ.

А не слишкомъ понятливъ этотъ молодой человѣкъ.
(Къ Мирволину). Ну, какъ ты? (Садится).

Мирволинъ.

Слава Богу-съ, Николай Ивановичъ, слава Богу-съ. Какъ
вы въ своемъ здоровьѣ?

Балагалаевъ.

Я ничего. Въ городѣ былъ?

Мирволинъ.

Какъ же-съ, былъ; новаго, впрочемъ, ничего-съ. Купца
Селедкина, третьяго-дня, параличъ хватилъ; да ему не
въ диво. Стряпчій, говорятъ, вчера свою супругу опять
того-съ...

Балагалаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Экой неугомонный!

Мирволинъ.

Журавлева доктора видѣлъ-съ; вамъ кланяться прика-
залъ. Петра Петровича въ новой коляскѣ встрѣтилъ.
Знать, куда въ гости собирались: съ лакеемъ, и на лакеѣ
шляпа новая.

Балагалаевъ.

Онъ сегодня у меня будетъ. А что, у него коляска
хороша?

Мирволинъ.

Какъ вамъ сказать-съ? Нѣтъ, по-настоящему, нехоро-
ша: фигурой, точно, беретъ, а въ сущности,—нѣтъ, я не
знаю, она мнѣ не нравится. Какъ можно сравнить съ ва-
шей коляской!

Балагалаевъ.

Ты думаешь? она на лежачихъ?

Мирволинъ.

На лежачихъ-то она на лежачихъ, да что въ томъ
толку? помилуйте-съ! больше для важности. А это онѣ
любятъ, поважничать-то. Онѣ, говорятъ, опять намѣрены
баллотироваться.

Балагалаевъ.

Въ предводители?

Мирволинъ.

Точно такъ-съ. Что жъ, пожалуй! Опять на вороныхъ изволятъ прокатиться.

Балагалаевъ.

Ты думаешь? Впрочемъ, Петръ Петровичъ, и долженъ сказать, весьма почтенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно заслуживаетъ... Конечно, съ другой стороны, лестное вниманіе дворянства... Выпей-ка водки.

Мирволинъ.

Покорнѣйше благодарю-съ.

Балагалаевъ.

А что, развѣ уже пилъ?

Мирволинъ.

Никакъ нѣтъ-съ! не то, чтобы пилъ, а такъ, что-то грудь... *(Кашляетъ)*.

Балагалаевъ.

Э, вздоръ! выпей.

Мирволинъ *(пьетъ)*.

За ваше здоровье. А вѣдь, знаете ли что, Николай Ивановичъ, вѣдь Петра Петровича настоящая фамилія не Пехтерьевъ, а Пехтерёвъ,—Пехтерёвъ, а не Пехтерьевъ.

Балагалаевъ.

Почему ты это думаешь?

Мирволинъ.

Какъ же намъ этого не знать! помилуйте! Мы и батюшку ихъ знавали, и дядьевъ-то всѣхъ. Всѣ Пехтерёвыми прозывались; искони Пехтерёвы, а не Пехтерьевы. Пехтерьевъ — этакой и фамиліи у насъ никогда не бывало... что за Пехтерьевъ?

Балагалаевъ.

А!.. Впрочемъ, не все ли равно? было бы сердце доброе.

Мирволинъ.

Совершенную истину изволили сказать-съ: было бы сердце доброе. *(Глянувъ въ окно)*. Кто-то пріѣхалъ-съ.

Балагалаевъ.

А я еще въ шлафрокъ. Это я съ тобой заболтался. *(Встаетъ)*.

Алупкинъ (за кулисами).

Доложи, А-а-лупкинъ, дворянинъ...

Герасимъ (входитъ).

Алупкинъ господинъ васъ спрашиваетъ-съ.

Балагалаевъ.

Алупкинъ! Кто, бишь, это? Проси. А ты займи его, пожалуйста. Я сейчасъ... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мирволинъ и Алупкинъ.

Мирволинъ.

Николай Ивановичъ сейчасъ пожалуютъ. Не угодно ли пока присѣсть?

Алупкинъ.

Покорнѣйше благодарю. Постоимъ-съ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

Мирволинъ.

Мирволинъ, помѣщикъ, здѣшній житель... можетъ-быть, слышали?

Алупкинъ.

Никакъ нѣтъ-съ, не слыхалъ-съ... Впрочемъ, очень радъ случаю. Позвольте узнать: вамъ Балдашова, Татьяна Семеновна, родственница?..

Мирволинъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Какая это Балдашева?

Алупкинъ.

Тамбовская помѣщица, вдова-съ.

Мирволинъ.

А! Тамбовская!

Алупкинъ.

Да-съ, тамбовская, вдова-съ. А позвольте узнать, вамъ здѣшній становой приставъ знакомъ?

Мирволинъ.

Порфирій Игнатьичъ? Еще бы! старинный пріятель.

Алупкинъ.

Величайшая бестія, какая только есть на свѣтѣ. Вы

меня извините, я человекъ откровенный, солдатъ: я привыкъ выражаться прямо, безъ обиняковъ. Надо вамъ сказать...

Мирволинъ.

Не угодно ли вамъ чего-нибудь закусить съ дороги?

Алупкинъ.

Покорнѣйше благодарю. Надо вамъ сказать, что я въ здѣшнихъ краяхъ поселился недавно, а до сихъ поръ я жилъ больше въ Тамбовской губерніи. Но, получивъ, послѣ покойницы жены, въ наслѣдство пятьдесятъ-двѣ души въ здѣшнемъ уѣздѣ...

Мирволинъ.

А гдѣ именно, позвольте узнать?

Алупкинъ.

Сельцо Трюхино, въ пяти верстахъ отъ большой воронежской дороги.

Мирволинъ.

А знаю, знаю! хорошее имѣніе.

Алупкинъ.

Дрянъ совершенная: одинъ песокъ... Итакъ, получивъ наслѣдство послѣ покойницы жены, я почелъ за благо переселиться сюда-съ, тѣмъ болѣе, что у меня въ Тамбовѣ домъ, съ позволенія сказать, просто развалился. Вотъ-съ я и переселился, — и что же? Вашъ становой уже успѣлъ повредить мнѣ самымъ неприличнымъ образомъ.

Мирволинъ.

Скажите, какъ это непріятно!

Алупкинъ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте. Другому бы ничего, а у меня дочь Екатерина—вотъ что прошу разсудить; однако, я надѣюсь на Николая Ивановича. Хотя я всего два раза имѣлъ удовольствіе ихъ видѣть, но я столько слышался о ихъ справедливости...

Мирволинъ.

Да вотъ они сами-съ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Балагалаевъ (во фракъ. Алупкинъ кланяется).

Балагалаевъ.

Мнѣ очень пріятно. Прошу присѣсть... Я... я, помнится, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ у почтеннаго Аѳанасія Матвѣича.

Алупкинъ.

Точно такъ-съ.

Балагалаевъ.

Вѣдь вы, кажется, недавно стали нашимъ, — недавно, то-есть, въ нашъ уѣздъ переѣхали?..

Алупкинъ.

Точно такъ-съ.

Балагалаевъ.

Вы, я надѣюсь, не будете раскаиваться. (*Небольшое молчанье*). Жаркій день какой сегодня...

Алупкинъ.

Николай Ивановичъ, позвольте старому солдату объясниться съ вами откровенно.

Балагалаевъ.

Сдѣлайте одолженіе. Что такое?

Алупкинъ.

Николай Ивановичъ! вы нашъ предводитель! Николай Ивановичъ! вы, такъ сказать, нашъ второй отецъ; я самъ отецъ, Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ.

Я, повѣрьте, слишкомъ хорошо знаю, слишкомъ чувствую; это мой долгъ. Притомъ, лестное вниманіе дворянства... Говорите, что такое?

Алупкинъ.

Николай Ивановичъ! вашъ становой—первый плутъ-съ.

Балагалаевъ.

Гмъ! Однако, вы сильно выражаетесь.

Алупкинъ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте! благоволите выслушать... У сосѣдняго мужика Филиппа мой мужикъ яко бы козла укралъ... А позвольте узнать, на что мужику козелъ?..

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, на что мужику козелъ? Да и, наконецъ, почему жъ именно *мой* мужикъ этого козла укралъ? почему не другой? Какія доказательства? Положимъ даже, точно, мой мужикъ виноватъ—такъ я-то что? я-то зачѣмъ отвѣчать долженъ? меня-то зачѣмъ беспокоить? Что жъ, послѣ этого, я за всякаго козла отвѣчать буду? И становой будетъ мнѣ въ правѣ грубить... помилуйте! Онъ говоритъ: козелъ на вашемъ скотномъ дворѣ отыскался... Да провались онъ совсѣмъ со своимъ козломъ! Тутъ дѣло не въ козлѣ, а въ приличіи!

Балагалаевъ.

Позвольте, я, признаться, хорошенько не понимаю. Вы говорите, вашъ мужикъ укралъ козла?

Алупкинъ.

Нѣтъ, это не я говорю,—это становой говоритъ.

Балагалаевъ.

Да, вѣдь, кажется, на то есть законный порядокъ. Я, право, не знаю, почему вамъ было угодно обратиться ко мнѣ?

Алупкинъ.

Да къ кому же, Николай Ивановичъ? Вы извольте разсудить. Я старый солдатъ, я обиду получилъ, честь моя страдаетъ. Становой мнѣ говоритъ, и самымъ этакъ неприличнымъ образомъ: дескать, я васъ... Помилуйте!

Герасимъ (*входитъ*).

Евгеній Тихонычъ пріѣхать изволили.

Балагалаевъ (*встаетъ*).

Извините, пожалуйста... Евгеній Тихонычъ! Милости просимъ! Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Сусловъ.

Сусловъ.

Хорошо, хорошо! спасибо... Господа! честь имѣю...

Мирволинъ.

Наше вамъ, Евгеній Тихонычъ!

Сусловъ.

А, здравствуй!

Балагалаевъ.

А что ваша супруга?

Сусловъ.

Жива... Экая жара! Если бъ не къ вамъ, Николай Ивановичъ, ей-Богу съ мѣста не тронулся бы.

Балагалаевъ.

Спасибо, спасибо. Не угодно ли? (*Къ Алупкину*). Вы извините... какъ васъ по имени и по отчеству?

Алупкинъ.

Антонъ Семеновъ.

Балагалаевъ.

Любезный мой Антонъ Семенычъ, вы мнѣ послѣ изложите ваше неудовольствіе, а теперь... вы видите сами... Я, съ своей стороны, повѣрьте, особое обращу вниманіе, — будьте покойны. Вы съ Евгеній Тихонычемъ знакомы?

Алупкинъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Балагалаевъ.

Такъ позвольте же васъ представить. Судья нашъ, благороднѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, душа открытая, почтеннѣйшій человѣкъ... Евгеній Тихонычъ!

Сусловъ (*у стола, закусываетъ*).

Чего?..

Балагалаевъ.

Позвольте познакомить васъ съ новымъ жителемъ нашего уѣзда:—Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, новый помѣщикъ.

Сусловъ (*продолжая ѣсть*).

Мнѣ чрезвычайно пріятно. Вы откуда къ намъ?

Алупкинъ.

Изъ Тамбовской губерніи.

Сусловъ.

А! у меня въ Тамбовѣ родственникъ живетъ, пустѣйшій человѣкъ. Впрочемъ, Тамбовъ—ничего, городъ хорошій.

Алупкинъ.

Городъ, точно, ничего.

Сусловъ.

А что жъ наши голубчики?.. они, пожалуй, и не приѣдутъ вовсе?

Балагалаевъ.

Нѣтъ, этого я не думаю. Меня ужъ и то удивляетъ, что ихъ до сихъ поръ нѣтъ... Они должны были первые приѣхать.

Сусловъ.

А чтò, какъ вы думаете, мы помиримъ ихъ?

Балагалаевъ.

Должно надѣяться... Я и Петра Петровича пригласилъ. А! кстати! позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, Антонъ Семенычъ. Вы можете помочь намъ въ дѣлѣ, которое, такъ сказать, равно касается до всѣхъ дворянъ.

Алупкинъ.

Та-акъ.

Балагалаевъ.

Здѣсь есть у насъ одинъ помѣщикъ — Безпандинъ, и хорошій, кажется, человѣкъ, а сумасбродъ; то-есть, не то чтобы сумасбродъ, а кто его знаетъ! У Безпандина сестра, Каурова, вдова: женщина, по правдѣ сказать, до крайности безтолковая, упрямая... Впрочемъ, вы ее увидите.

Мирволинъ.

Это у нихъ въ роду-съ, Николай Ивановичъ: ихняя матушка, покойница Пелагея Арсеньевна, еще того хуже была-съ. Говорятъ, въ молодыхъ лѣтахъ будучи, кирпичъ имъ на голову упалъ, такъ, можетъ, отъ этого-съ...

Балагалаевъ.

Можетъ-быть. Потому, природа... Вотъ между этимъ Безпандинымъ и его сестрой, вдовой Кауровой, третій годъ идетъ распря по случаю дѣлежа. Тетка ихъ родная имъ обоимъ, по духовному завѣщанію, имѣніе оставила, — имѣніе, замѣтьте, благопріобрѣтенное... Ну, не могутъ подѣлиться, хоть ты тресни... Особенно сестрица просто ни на чтò не согласна. До суда дѣло доходило; высшимъ властямъ прошенія подавали: долго ли тутъ до бѣды?

Вотъ я и рѣшился, наконецъ, пресѣчь, такъ сказать, твердою рукою корень зла, остановить, наконецъ, вразумить... Я имъ сегодня у себя свиданіе назначилъ, но ужъ въ послѣдній разъ; а тамъ я ужъ другія мѣры приму... Изъ чего, въ самомъ дѣлѣ, мучиться? Пусть судъ ихъ разбираетъ. Въ миротворцы, въ свидѣтели, я пригласилъ почтеннаго Евгенія Тихоныча, Пехтерёва Петра Петровича, бывшаго предводителя... Такъ не угодно ли и вамъ помочь намъ, то-есть, въ этомъ дѣлѣ?

Алупкинъ.

Я съ удовольствіемъ... но, не будучи знакомъ, кажется...

Балагалаевъ.

Что жъ такое! Это ничего... Вы здѣшній помѣщикъ, человѣкъ разсудительный. Напротивъ, оно еще лучше: имъ нельзя будетъ сомнѣваться въ вашемъ безпристрастіи.

Алупкинъ.

Извольте-съ, я готовъ.

Герасимъ (*входитъ*).

Госпожа Каурова пріѣхали-съ.

Балагалаевъ.

Легка на поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Каурова (*въ шляпкѣ и съ ридикюлемъ*).

Балагалаевъ.

А, наконецъ! Милости просимъ, Анна Ильинишна! милости просимъ... Сюда... не угодно ли-съ?

Каурова.

Оерапонтъ Ильичъ еще не пріѣзжалъ-съ?

Балагалаевъ.

Нѣтъ еще; впрочемъ, онъ теперь скоро будетъ. Не угодно ли закусить?

Каурова.

Покорно благодарю-съ. Я постное кушаю-съ.

Балагалаевъ.

Что жъ, вотъ рѣдька, огурцы... Чаю не прикажете ли?

Каурова.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю: я ужъ завтракала. Вы извините меня, Николай Ивановичъ, коли я опоздала. (*Садится.*) И то слава Богу, что въ цѣлости доѣхала; кучеръ мой чуть-чуть меня не вывалилъ.

Балагалаевъ.

Скажите пожалуйста; а кажется дорога недурна.

Каурова.

Не въ дорогѣ дѣло-съ, Николай Ивановичъ; охъ, не въ дорогѣ!.. Я, вотъ, пріѣхала, Николай Ивановичъ, только я никакой пользы отъ этого не ожидаю. Нравъ Ѳерапонта Ильича мнѣ слишкомъ извѣстенъ... охъ, слишкомъ!

Балагалаевъ.

Ну, это мы увидимъ, Анна Ильинишна! Я такъ, напротивъ, надѣюсь сегодня кончить ваше дѣло; пора.

Каурова.

Дай Богъ, дай Богъ. Я, вы знаете, Николай Ивановичъ, я на все согласна. Я человѣкъ смирный... Я не прекословлю, Николай Ивановичъ; гдѣ мнѣ! Я вдова беззащитная: на васъ однихъ надѣюсь... А Ѳерапонтъ Ильичъ извести меня хочетъ... Что жъ? Богъ съ нимъ! лишь бы дѣтокъ малолѣтныхъ не погубилъ. А ужъ я что!..

Балагалаевъ.

Полноте, Анна Ильинишна, полноте! Вотъ я вамъ лучше представлю новаго нашего помѣщика, Алупкина, Антона Семеныча.

Каурова.

Очень рада-съ, очень рада-съ.

Балагалаевъ.

Онъ, если вы позволите, также будетъ участникомъ въ нашемъ дѣлѣ.

Каурова.

Согласна, Николай Ивановичъ, я на все согласна. По мнѣ, хоть весь уѣздъ, всю губернію созовите: у меня совѣсть чиста, Николай Ивановичъ. Они, я знаю, за меня

заступятся. Они не дадутъ меня въ обиду... А вы какъ въ своемъ здоровьѣ, Евгеній Тихонычъ?

Сусловъ.

Хорошо. Чтò мнѣ дѣется! Покорно благодарю.

Мирволинъ (*цѣлуя руку Кауровой*).

Какъ ваши дѣтки, Анна Ильинишна?

Каурова.

Слава Богу, пока еще живы. Охъ, долго ли? Скоро, скоро они совсѣмъ осиротѣютъ, бѣдняжки!

Сусловъ.

Полноте! Зачѣмъ вы это говорите, Анна Ильинишна? Вы еще насъ всѣхъ переживете, матушка!

Каурова.

Какъ зачѣмъ я это говорю, отецъ мой! Стало-быть, есть причины, коли ужъ я не могу промолчать. То-то вотъ и есть! а еще, кажется, судья. Стану я говорить безъ доказательствъ!

Сусловъ.

Ну какія же доказательства?

Каурова.

Извольте, извольте... Николай Иванычъ, прикажите позвать моего кучера.

Балагалаевъ.

Кого?

Каурова.

Кучера, моего кучера, Карпушку. Его Карпушкой зовутъ.

Балагалаевъ.

Для чего?

Каурова.

Да ужъ прикажите. Вотъ, Евгеній Тихонычъ доказательствъ требуетъ...

Балагалаевъ.

Да позвольте, Анна Ильинишна...

Каурова.

Нѣтъ ужъ, сдѣлайте одолженіе.

Балагалаевъ.

Ну, пожалуй. (*Мирволину.*) Сбѣгай, братецъ, пожалуйста, прикажи.

Мирволинъ.

Сейчасъ. (*Выходитъ.*)

Каурова.

Вы мнѣ все не хотите вѣрить, Евгеній Тихонычъ. Ужъ это не въ первый разъ! Богъ съ вами!

Алупкинъ.

Однако, позвольте; я все-таки не могу понять, зачѣмъ вамъ угодно было позвать вашего кучера. Кажется, къ чему тутъ кучеръ?.. Не понимаю.

Каурова.

А вотъ увидите.

Алупкинъ.

Не понимаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Карпъ и Мирволинъ.

Мирволинъ.

Вотъ-съ кучеръ.

Каурова.

Карпушка... слушай... гляди на меня; вотъ они не хотятъ вѣрить, что Оерапонть Ильичъ нѣсколько разъ тебя хотѣлъ подкупить... Слышишь ли ты, что я тебѣ говорю?..

Сусловъ.

Ну что жъ ты молчишь, любезный? Ихъ братецъ подкупалъ тебя?

Карпъ.

Какъ подкупалъ?

Сусловъ.

Я не знаю. Вотъ, Анна Ильинишна говоритъ

Каурова.

Карпушка! слушай, гляди на меня... Вѣдь ты помнишь, сегодня чуть меня не вывалилъ... помнишь?..

Карпъ.

Когда-съ?

Каурова.

Когда?... Экой глупый!.. Разумѣется, на поворотѣ, не доѣзжая плотины. Еще одно колесо чуть не выскочило.

Карпъ.

Слушаю-съ.

Каурова.

Ну, и помнишь ты, что я тебѣ сказала тогда? Я тебѣ сказала: „признайся—сказала я тебѣ—Оерапонтъ Ильичъ тебя подкупилъ: дескать, Карпуша, голубчикъ, ушиби, молъ, твою барыню до смерти, а ужъ я тебя не оставлю“... Ну, и помнишь ты, что ты мнѣ отвѣчалъ?.. Ты мнѣ отвѣчалъ: „виновать, сударыня, точно, я предъ вами виновать“.

Сусловъ.

Да позвольте, Анна Ильинишна: виновать — это еще ничего не доказываетъ... Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? сознаться, что ли, онъ хотѣлъ въ подкупѣ, въ намѣреніи зашибить васъ — вотъ что нужно узнать... Сознался ли ты?.. а?.. сознался?

Карпъ.

Въ чемъ сознался?

Каурова.

Карпушка! слушай, гляди на меня... Вѣдь Оерапонтъ Ильичъ хотѣлъ тебя подкупить? Ну, конечно, ты не согласился... Но я вѣдь правду говорю?

Карпъ.

Какъ вы изволите говорить-съ.

Каурова.

Ну вотъ видите...

Сусловъ.

Да позвольте, позвольте!.. Ты мнѣ, братецъ, отвѣчай, да толковито, смотри...

Каурова.

Нѣтъ, вы позвольте, Евгеній Тихонычъ! я на это не могу согласиться. Вы его запугать хотите — я этого не позволю. Ступай, Карпушка, ступай; да пропись, смотри;

а то вѣдь ты совсѣмъ спишь. (*Карпъ уходитъ*). А отъ васъ, Евгеній Тихонычъ, признаюсь, я этого не ожидала. Чѣмъ, кажется, я это заслужила?

Сусловъ.

Да что вы насъ морочите!..

Балагалаевъ.

Ну, полноте, полноте, Анна Ильинишна! присядьте, успокойтесь. Мы это все разберемъ.

Герасимъ (*входитъ*).

Г-нъ Безпандинъ изволили пріѣхать.

Балагалаевъ.

А, наконецъ! Ну, проси, разумѣется.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Безпандинъ.

Балагалаевъ.

А! здравствуйте!.. Однако, вы заставили себя подождать.

Безпандинъ.

Виновать, виновать, Николай Ивановичъ! такая вышла задача... Здравствуйте, Евгеній Тихонычъ, судья неумытный, какъ вы поживаете?

Сусловъ.

Здравствуйте!

Безпандинъ.

Вообразите... (*Кланяясь сестрѣ*) что меня задержало... Представьте себѣ: у меня сѣдло мое украли... И кто укралъ—неизвѣстно!.. Дѣлать нечего: взялъ сѣдло у стремяннаго. (*Пьетъ*). Я, вы знаете, всюду верхомъ ѣзжу, сѣдло премерзкое, фалейторское... рысью, просто, нѣтъ никакой возможности...

Балагалаевъ.

Оерапонтъ Ильичъ! позвольте васъ познакомить... Алупкинъ, Антонъ Семенычъ...

Безпандинъ.

Очень радъ... Вы охотникъ?

Алупкинъ.

То-есть, въ какомъ смыслѣ охотникъ?

Безпандинъ.

Въ какомъ смыслѣ? ну, разумѣется, въ какомъ: до дичи, до собакъ...

Алупкинъ.

Нѣтъ-съ, я собакъ не люблю, а изъ ружья въ сидячую птицу стрѣляю.

Безпандинъ (*смѣется*).

Въ сидячую, въ сидячую...

Балагалаевъ.

Однако, извините, господа! Позвольте прервать вашъ любопытный разговоръ. Мы о собакахъ и сидячихъ птицахъ въ другое время поговорить можемъ. А теперь я предлагаю, не теряя времени, приступить къ нашему дѣлу, для котораго мы собрались. Мы и безъ Петра Петровича начать можемъ... какъ вы думаете?

Сусловъ.

Пожалуй!

Балагалаевъ.

И потому, Ѳерапонтъ Ильичъ, покорно прошу васъ присѣсть, и васъ также, Антонъ Семенычъ! (*Садятся*).

Безпандинъ.

Николай Ивановичъ, я васъ душевно уважаю и всегда уважалъ, и теперь, вотъ, по вашему же желанію, пріѣхалъ; только позвольте вамъ напередъ сказать, если вы надѣетесь какого-нибудь толку добиться отъ почтеннѣйшей моей сестрицы, то предупреждаю васъ...

Каурова (*приподнимаясь*).

Вотъ видите, Николай Ивановичъ, вотъ, вы сами видите...

Балагалаевъ.

Позвольте, позвольте, Ѳерапонтъ Ильичъ, и вы, Анна Ильинишна! я долженъ васъ попросить сперва меня выслушать. Я имѣлъ удовольствіе пригласить васъ обоихъ сегодня къ себѣ для того, чтобъ покончить, наконецъ, ваши распри. Какой примѣръ, посудите сами: братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы...

Безпандинъ.

Позвольте, Николай Ивановичъ...

Алупкинъ.

Г-нъ Безпандинъ, прошу не прерывать.

Безпандинъ.

А вы что мнѣ за наставникъ?

Алупкинъ.

Я вамъ не наставникъ, но, будучи приглашенъ Николаемъ Ивановичемъ...

Балагалаевъ.

Да, Оерапонтъ Ильичъ, я ихъ пригласилъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ нашимъ Евгеніемъ Тихонычемъ, въ посредники... Оерапонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна! Я обращаюсь къ вамъ... Какъ, братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы рожденные, не могутъ жить въ ладу, въ мирѣ, въ согласіи!.. Оерапонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна! Образумьтесь, я вамъ говорю! Вѣдь для чего все это я говорю? я это для вашего же блага говорю... Вы сами посудите, что мнѣ? но я для вашего блага говорю!

Безпандинъ.

Да вѣдь вы, Николай Ивановичъ, не знаете, что это за женщина! Вѣдь вы послушайте-ка ее; вѣдь это Богъ знаетъ, что такое... помилуйте!

Каурова.

А вы-то сами что? Вы кучера моего подкупаете, дѣвокъ ко мнѣ съ отравой подсылаете, вы моей смерти добиваетесь. Я даже удивляюсь, какъ я еще до сихъ поръ уцѣлѣла!..

Безпандинъ.

Какого кучера я подкупалъ... что вы? что вы?

Каурова.

Да, сударь! Онъ подъ присягой готовъ все показать. Вотъ эти господа—свидѣтели.

Безпандинъ (*обращаясь къ остальнымъ*).

Что это она за дичь поретъ?

Алупкинъ (*Кауровой*).

Позвольте, позвольте, вы напрасно на меня ссылаетесь.

Я рѣшительно ничего не понялъ, что тутъ вашъ кучеръ говорилъ. Это опять что-то въ родѣ моего козла.

Каурова.

Вашего козла? А чѣмъ мой кучеръ похожъ на козла? Сами вы скорѣй...

Балагалаевъ.

Оставьте это, господа, ради Бога!.. Анна Ильинишна! Оерапонтъ Ильичъ! Что за охота упрекать другъ друга?.. Не лучше ли позабыть прошедшее?.. Право, послушайтесь меня, помиритесь! Примите другъ друга въ объятья! Вы не отвѣчаете...

Безпандинъ.

Да что... помилуйте! какъ это можно! Если бъ я зналъ, да я бы ни за что не пріѣхалъ!

Каурова.

И я тоже бы не пріѣхала.

Балагалаевъ.

Какъ же вы мнѣ сейчасъ говорили, что вы на все согласны?

Каурова.

На все, только не на это.

Сусловъ.

Эхъ, Николай Ивановичъ! позвольте вамъ сказать, не такъ вы дѣло повели. Вы имъ толкуете о мирѣ, согласіи... развѣ вы не видите: что это за люди?

Балагалаевъ.

А какъ же по-вашему, Евгеній Тихонычъ?

Сусловъ.

Да вы для чего ихъ пригласили?.. для дѣлежа? Вѣдь отъ этого у нихъ и ссора идетъ. Пока они не подѣлятся, ни вамъ, ни мнѣ, никому не будетъ покоя, и мы, въ эти-то жары, вмѣсто того, чтобы дома сидѣть, будемъ трястись по дорогамъ. Такъ приступимте же къ дѣлежу, коли вы ихъ надѣетесь уговорить... Гдѣ планы?

Балагалаевъ.

Ну, приступимте. Герасимъ!..

Герасимъ (входя).

Чего извольте?

Балагалаевъ.

Вельвицкаго мнѣ позвать.

Безпандинъ.

Я вамъ заранѣе объявляю, что я на все согласенъ; что Николай Ивановичъ скажетъ, тому и быть.

Каурова.

И я тоже.

Сусловъ.

Посмотримъ.

Мирволинъ.

Вотъ что похвально, то похвально.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Вельвицкій (съ планами).

Балагалаевъ.

А! подойди сюда. (*Развертываетъ планы*). Принеси-ка вонъ столикъ... Вотъ-съ, извольте посмотрѣть... вотъ-съ... „Сельцо Кокушкино, Раково тожъ, душъ по 8-й ревизіи мужеска пола 94...“ Посмотрите-ка, какъ барандашомъ все перечерчено: не въ первый разъ мы надъ этимъ планомъ бьемся... „Всей земли 712 десятинъ, неудобной 81, подъ усадьбой съ выгономъ 6; черезполосица есть, но немного“. Вотъ это имѣнье намъ приходится поровну раздѣлить между отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Оерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовой подпоручика, Анной Кауровой; поровну, замѣтьте: такъ сказано въ завѣщаніи покойной ихъ тетушки, архитекторской вдовы Филокалосовой.

Безпандинъ.

Старуха передъ смертью изъ ума выжила. Чтò бы все оставить мнѣ, и не было бы никакой непріятности...

Каурова.

Вишь, вы какіе!

Безпандинъ.

Ну такъ законную бы часть вамъ опредѣлила... Да чтò отъ бабы ожидать путнаго!.. Правда, вы, говорятъ, каждое утро ея болонку чесали да мыли.

Каурова.

А вотъ вы и солгали! стану я пса чесать!.. какъ же!.. такая я женщина... Вотъ вы—другое дѣло: вы извѣстный собачникъ; вы, говорятъ, вашего пса,—прости Господи мое прегрѣшеніе!—въ самую морду цѣлуете.

Балагалаевъ.

Господа, я долженъ васъ обоихъ попросить нѣсколько помолчать... Такъ вотъ какъ-съ: вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ ихъ тетушка скончалась, и съ тѣхъ поръ, представьте, никакого рѣшенія. Наконецъ, я согласился быть между ними посредникомъ, потому что это, вы понимаете, мой долгъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ. Вотъ видите ли-съ, въ чемъ главное затрудненіе: г-нъ Безпандинъ и сестрица ихъ не желаютъ жить въ одномъ домѣ; стало-быть, усадьбу слѣдуетъ раздѣлить. А раздѣлить ее нѣтъ возможности!

Безпандинъ (*помолчавъ*).

Ну... я отказываюсь отъ теткинаго дома; Богъ съ нимъ!

Балагалаевъ.

Вы отказываетесь?

Безпандинъ.

Да, но я надѣюсь на вознагражденіе.

Балагалаевъ.

Конечно, это требованіе справедливо.

Каурова.

Николай Иванычъ! это хитрость. Это съ его стороны уловка, Николай Иванычъ! Опъ черезъ это надѣется получить самую лучшую землю, коноплянники и прочее. На что ему домъ? У него свой есть. А теткинъ домъ и безъ того куда плохъ!

Безпандинъ.

Коли онъ такъ плохъ...

Каурова.

А коноплянниковъ я не уступлю. Помилуйте! я вдова, у меня дѣти... Что жъ я буду дѣлать безъ коноплянниковъ, посудите сами.

Безпандинъ.

Коли онъ плохъ...

Каурова.

Воля ваша...

Алупкинъ.

Да дайте же ему договорить!

Безпандинъ.

Если онъ такъ плохъ, уступите его мнѣ, и пусть васъ вознаградятъ.

Каурова.

Да, знаю я ваши вознагражденія!.. какую-нибудь десятишку негодную, камень на камень, или, еще того хуже, болото какое-нибудь, гдѣ одинъ тростникъ, котораго даже крестьянскія коровы не ѣдятъ!

Балагалаевъ.

Такого болота въ вашемъ имѣніи и нѣту вовсе...

Каурова.

Ну, не болото, такъ другое что-нибудь въ этомъ родѣ. Нѣтъ, вознагражденіе... покорно благодарю: знаю я, что это за вознагражденія!

Алупкинъ (*Мирволину*).

Что, у васъ въ уѣздѣ всѣ женщины таковы?

Мирволинъ.

Бываютъ и хуже.

Балагалаевъ.

Господа, господа! позвольте, позвольте... Я долженъ васъ опять попросить нѣсколько помолчать. Я вотъ что предлагаю. Мы теперь сообща раздѣлимъ всю дачу на два участка: въ одномъ будетъ заключаться домъ съ усадьбой, а къ другому мы нѣсколько лишней земли прибавимъ, и пусть они потомъ выбираютъ.

Безпандинъ.

Я согласенъ.

Каурова.

А я не согласна.

Балагалаевъ.

Почему же вы не согласны?

Каурова.

А кому первому придется выбирать?

Балагалаевъ.

Мы жребій кинемъ.

Каурова.

Сохрани Господи и помилуй! что вы это! ни за что на свѣтъ! Али мы нехристи какіе?

Безпандинъ.

Ну, *вы* выберете.

Каурова.

Я все-таки не согласна!

Алупкинъ.

Да отчего же?

Каурова.

Какъ же я стану выбирать? ну, а если я ошибусь...

Балагалаевъ.

Позвольте, однако, отчего же вы ошибетесь? Участки будутъ равны, а если какой лучше выйдетъ, Терапонть Ильичъ вамъ предоставляетъ право выбора.

Каурова.

А кто мнѣ скажетъ, какой лучше будетъ? Нѣтъ, Николай Ивановичъ, это уже ваше дѣло: ужъ вы, батюшка, потрудитесь, назначьте сами; какой вы участокъ мнѣ назначите, тотъ и возьму, и довольна буду.

Балагалаевъ.

Ну, пожалуй. Итакъ, домъ со службами и съ усадьбой предоставляется госпожѣ Кауровой.

Безпандинъ.

И съ садомъ?

Каурова.

Разумѣется, съ садомъ! какъ же дому быть безъ саду? да и садъ-то дрянъ: всего пять-шесть яблонь, яблочки на нихъ кислыя-прекислыя... Просто, вся усадьба гроша не стòитъ.

Безпандинъ.

Такъ предоставьте ее мнѣ, Боже мой!..

Балагалаевъ.

Итакъ, домъ съ садомъ и со службами и вся господская усадьба предоставляется г-жѣ Кауровой. Хорошо. Въ та-

комъ случаѣ, не угодно ли вамъ посмотрѣть?.. Вельвицкій, прочти, братецъ, какъ было я раздѣлилъ?

Вельвицкій (*читаетъ по тетради*).

„Проектъ раздѣла между помѣщикомъ Оерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовою, дворянкою Кауровой...“

Балагалаевъ.

Начни съ направленія линіи.

Вельвицкій.

„Направленіе линіи отъ точки А“.

Балагалаевъ.

Извольте глядѣть: отъ точки А.

Вельвицкій.

„Отъ точки А, на границѣ дачи Волухиной, до точки Б, на углу плотины“.

Балагалаевъ.

До точки Б, на углу плотины... Евгеній Тихонычъ, что же вы?

Сусловъ (*издали*).

Я вижу.

Вельвицкій.

„Отъ точки Б“...

Каурова.

А позвольте узнать, чей будетъ прудъ?

Балагалаевъ.

Разумѣется, общій; то-есть правый берегъ будетъ принадлежать одному, лѣвый другому.

Каурова.

А, вотъ какъ!

Балагалаевъ.

Далѣе, далѣе...

Вельвицкій.

„Пустоши же раздѣлить поровну: въ первой сорокъ-восемь, во второй семьдесятъ-семь десятинъ“

Балагалаевъ.

Такъ вотъ что я теперь предлагаю... Тотъ, кто не получаетъ усадьбы, беретъ всю первую пустошь за себя, то-

есть получаетъ двадцать-четыре десятины лишняго. Вотъ пустоши: первая и вторая.

Вельвицкій.

„Владѣтель перваго участка обязывается переселить на свой счетъ два двора во второй участокъ; а выселеннымъ крестьянамъ коноплянниками пользоваться два года...“

Каурова.

Ни крестьянъ переселять, ни коноплянники уступать я не намѣрена.

Балагалаевъ.

Да полноте!

Каурова.

Ни за что, Николай Ивановичъ, ни за что!

Алупкинъ.

Не извольте перебивать, сударыня!

Каурова (*крестится*).

Что это? что это? во снѣ я, что ли?.. да послѣ этого я, право, не знаю, что и сказать! Коноплянники на два года, общій прудъ! Да этакъ лучше я отъ дома откажусь...

Балагалаевъ.

Да позвольте, однако, замѣтить вамъ, что Оерапонтъ Ильичъ...

Каурова.

Нѣтъ, батюшка, не извольте беспокоиться. Знать, я васъ чѣмъ обидѣла...

Балагалаевъ (*вмѣстѣ съ нею*).

Да выслушайте меня, Анна Ильинишна! вы толкуете о дворахъ, о коноплянникахъ, а вашъ братецъ можетъ къ другому участку присоединить двадцать-четыре десятины...

Каурова (*вмѣстѣ съ нимъ*).

Не говорите, не говорите, Николай Ивановичъ! Помилуйте! что я за дура буду, что коноплянники даромъ отдамъ! Вы бы одно вспомнили, Николай Ивановичъ: я вдова—за меня заступиться некому; дѣти у меня малолѣтнія: вы бы хоть ихъ пожалѣли.

Алупкинъ.

Это ужъ слишкомъ, слишкомъ! нѣтъ, это слишкомъ!..

Безпандинъ.

Стало-быть, вы находите, что мой участокъ лучше вашего?

Каурова.

Двадцать-четыре десятины!..

Безпандинъ.

Нѣтъ, скажите, лучше?..

Каурова.

Помилуйте! двадцать-четыре десятины!..

Алупкинъ.

Да вы отвѣчайте: лучше? а? лучше, лучше?

Каурова.

Да что ты это, батюшка, на меня все вскидываешься? Или у васъ въ Тамбовѣ такой обычай? Откуда вдругъ появился, ни знамо, ни вѣдомо, и что за человѣкъ, Господь его знаетъ, а посмотри ты, какъ пѣтушится!

Алупкинъ.

Однако, прошу не забываться, сударыня. Даромъ что вы, сколько мнѣ извѣстно, женщина, я не посмотрю: я старый солдатъ, чортъ возьми!

Балагалаевъ.

Полноте, полноте, господа! Антонъ Семенычъ, успокойтесь, прошу васъ. Вѣдь это ни къ чему не поведетъ...

Алупкинъ.

Да вѣдь, помилуйте...

Каурова.

Вы сумасшедшій! Онъ сумасшедшій!

Безпандинъ.

Я, все-таки, опять васъ спрашиваю, Анна Ильинишна, по-вашему, мой участокъ лучше?

Каурова.

Ну, да, лучше, то-есть земли больше.

Безпандинъ.

Ну, помѣняйтесь. *(Она молчитъ)*.

Балагалаевъ.

Ну-съ, что жъ вы не отвѣчаете?

Каурова.

Что жъ мнѣ безъ дому быть? На что жъ послѣ этого мнѣ и деревня?..

Безпандинъ.

Да коли мой участокъ лучше — отдайте мнѣ домъ и возьмите себѣ эти двадцать-четыре десятины. (Оба молчатъ).

Балагалаевъ.

Однако, позвольте, Анна Ильинишна, будьте же, наконецъ, благоразумны, послѣдуйте примѣру вашего братца... Я сегодня не нарадуюсь, глядя на него. Вы видите сами, вамъ всевозможныя дѣлаются уступки; вамъ остается только объявить ваше желаніе насчетъ выбора.

Каурова.

Я ужъ сказала, что я не намѣрена выбирать...

Балагалаевъ.

Вы не намѣрены выбирать и не соглашаетесь ни на что... помилуйте! Я вамъ долженъ замѣтить, Анна Ильинишна, что моихъ силъ недостаетъ... Если сегодня мы опять ничѣмъ не покончимъ, то ужъ я не намѣренъ болѣе служить посредникомъ между вами. Пусть судъ васъ дѣлитъ. Скажите намъ, по крайней мѣрѣ, что вы желаете?

Каурова.

Я ничего не желаю, Николай Ивановичъ! я на васъ полагаюсь, Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ.

Однако, вотъ вы мнѣ не довѣряете... Вѣдь надобно жъ это покончить. Анна Ильинишна... Помилуйте! Вѣдь третій годъ!.. Ну, скажите, на что вы рѣшаетесь?

Каурова.

Что мнѣ вамъ сказать, Николай Ивановичъ? Я вижу, вы всѣ противъ меня. Васъ, вотъ, пятеро, а я одна... Я женщина: конечно, вамъ легко меня запугать; а у меня, кромѣ Бога, нѣтъ защитника. Я въ вашей власти: дѣлайте со мной, что хотите.

Балагалаевъ.

Однако, это непростительно. Наконецъ, вы Богъ знаете

что говорите... Насъ пятеро, а вы однѣ... Да развѣ мы къ чему-нибудь васъ принуждаемъ?

Каурова.

А какъ же-съ?

Балагалаевъ.

Это ужасно!

Алупкинъ (*Балагалаеву*).

Да бросьте ее!

Балагалаевъ.

Постойте, Антонъ Семенычъ!.. Анна Ильинишна, матушка! выслушайте меня. Скажите намъ, что вамъ угодно: оставить при васъ домъ, что ли, и уменьшить долю вознагражденія вашего братца, и насколько уменьшить,—вообще, какія ваши условія?

Каурова.

Что мнѣ вамъ сказать, Николай Ивановичъ? Конечно, мнѣ съ вами не сладить... Но Господь насъ разсудитъ, Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ.

Ну, послушайте: вы, я вижу, недовольны моимъ предложеніемъ...

Алупкинъ.

Да отвѣчайте же...

Сусловъ (*Алупкину*).

Оставьте: вы видите, женщина съ норовомъ.

Каурова.

Ну, да-съ, недовольна.

Балагалаевъ.

Прекрасно! такъ скажите же намъ, въ чемъ ваше не-удовольствіе состоитъ?

Каурова.

Этого я не могу сказать.

Балагалаевъ.

Отчего же вы не можете?

Каурова.

Не могу-съ.

Балагалаевъ

Да вы меня, можетъ-быть, не понимаете?

Каурова.

Я васъ слишкомъ хорошо понимаю, Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ.

Ну, такъ скажите же намъ, наконецъ, въ послѣдній разъ, чѣмъ васъ можно удовлетворить, на какія предложенія вы бы изъявили согласіе?

Каурова.

Нѣтъ-съ, извините! Силой вы что хотите можете со мной дѣлать: я женщина; а съ моего согласія, извините... я умру, а моего согласія не дамъ.

Алупкинъ.

Вы женщина?.. Нѣтъ, вы чортъ! вотъ кто вы! Вы сутяга!..

Балагалаевъ.

Антонъ Семенычъ!

Каурова.

Батюшки! батюшки!

Сусловъ и Мирволинъ.

Полноте, полноте!

Вмѣстѣ.

Алупкинъ (*Кауровой*).

Слушай! я старый солдатъ: я даромъ грозить не стану. Эй, не дурачься, опомнись, а то худо будетъ... Я не шучу... слышишь?.. Если бъ ты возражала путѣмъ, я бы ничего не говорилъ; а то ты упираешься, какъ волъ... Баба, берегись,—говорять тебѣ, берегись...

Балагалаевъ.

Антонъ Семенычъ, я, признаюсь...

Безпандинъ.

Николай Ивановичъ, это мое дѣло!.. (*Алупкину*). Милостивый государь! позвольте узнать, съ какого права...

Алупкинъ.

Вы заступаетесь за вашу сестру?

Безпандинъ.

Вовсе не за сестру: мнѣ моя сестра вотъ что—тьфу!.. а я за честь фамиліи.

Алупкинъ.

За честь фамиліи? А чѣмъ я вашу фамилію оскорбилъ?

Безпандинъ.

Какъ, чѣмъ оскорбили? Вотъ это мнѣ нравится! Стало-
быть, по-вашему, всякій заѣзжій чудакъ...

Алупкинъ.

Что, милостивый государь?..

Безпандинъ.

Что, милостивый государь?..

Алупкинъ.

А вотъ что-съ: въ чужомъ домѣ ругаться неприлично.
Вы дворянинъ, и я дворянинъ, такъ не угодно ли завтра...

Безпандинъ.

На чемъ хотите! хоть на ножахъ.

Балагалаевъ.

Господа, господа! что вы это? какъ вамъ не стыдно?
помилуйте! въ моемъ домѣ...

Безпандинъ.

Вы меня не запугаете, милостивый государь!

Алупкинъ.

Я васъ не боюсь; а ваша сестра... неприлично сказать,
что она такое.

Каурова.

Согласна, отцы мои, на все согласна!.. дайте подписать:
все, что угодно, подпишу.

Сусловъ (*Мирволину*).

Гдѣ моя шапка? не видалъ, братецъ?

Балагалаевъ.

Господа, господа!

Герасимъ (*входитъ и кричитъ*).

Петръ Петровичъ Пехтерьевъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Пехтерьевъ.

Пехтерьевъ (*входя*).

Здравствуйте, мой любезный Николай Ивановичъ!

Балагалаевъ.

Мое почтеніе, Петръ Петровичъ! Что ваша супруга?

Пехтерьевъ (кланяется встѣмъ).

Господа... Моя жена здорова, слава Богу. Снѣгъ Балагалаевъ! я виноватъ: опоздалъ. Вы, я вижу, безъ меня начали, и хорошо сдѣлали... Какъ ваше здоровье, Евгенийъ Тихонычъ, Ѳерапонтъ Ильичъ, Анна Ильинишна? (Мирволину). А! и ты тутъ, убогій?.. Ну, что, подвигается дѣло?..

Балагалаевъ.

Ну, этого нельзя сказать...

Пехтерьевъ.

Неужели? А я такъ думалъ... Эхъ, господа, господа! это нехорошо. Позвольте старику побранить васъ... Надо кончить, надо кончить.

Балагалаевъ.

Не хотите ли закусить?

Пехтерьевъ.

Нѣтъ, благодарствуйте... (Отводитъ въ сторону Балагалаева и указываетъ на Алупкина). Qui est ça?

Балагалаевъ.

Новый помѣщикъ—нѣкто Алупкинъ. Я вамъ его представляю... Антонъ Семенычъ! позвольте познакомить васъ съ почтеннѣйшимъ нашимъ Петромъ Петровичемъ... Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, изъ Тамбова.

Алупкинъ.

Очень радъ.

Пехтерьевъ.

Добро пожаловать въ наши края... Да позвольте... Алупкинъ? я знавалъ одного Алупкина въ Петербургѣ. Высокій такой былъ мужчина, видный, съ бѣльмомъ на глазу, въ карты игралъ сильно и дома все строилъ... не родня вамъ?..

Алупкинъ.

Никакъ нѣтъ-съ. У меня нѣтъ родственниковъ.

Пехтерьевъ.

Нѣтъ родственниковъ?.. Скажите... Что ваши малютки, Анна Ильинишна?

Каурова.

Цокорно васъ благодарю, Петръ Петровичъ! Слава Богу.

Пехтерьевъ.

Однако, господа, что жъ, давайте, давайте. Мы поболтаемъ послѣ... На чемъ я васъ прервалъ?

Балагалаевъ.

Вы нисколько насъ не прервали, Петръ Петровичъ! Вы даже очень кстати пріѣхали. Дѣло вотъ въ чемъ-съ...

Пехтерьевъ.

Что это, планы?.. *(Садится къ столу).*

Балагалаевъ.

Да, планы. Вотъ, видите ли, Петръ Петровичъ, мы никакъ не можемъ добиться толку, не можемъ, то-есть, согласить господина Безпандина съ ихъ сестрицей. Я, признаюсь, даже начинаю сомнѣваться въ успѣхѣ и готовъ отказаться.

Пехтерьевъ.

Напрасно, напрасно, Николай Ивановичъ, немножко терпѣнія... Предводитель! да это должно быть олицетворенное терпѣніе!

Балагалаевъ.

Вотъ, видите ли, Петръ Петровичъ: съ общаго согласія господъ владѣльцевъ, усадьба не раздѣляется, а къ одному участку приписывается; теперь вотъ въ чемъ затрудненіе: какое вознагражденіе назначить за усадьбу? Я предлагаю всю эту пустошь отдать...

Пехтерьевъ.

Эту пустошь... да, позвольте, да, да...

Балагалаевъ.

Вотъ надъ этимъ мы теперь и бьемся... Они, вотъ, согласны, а сестрица ихъ не только не согласна ни на что, но даже вообще не хочетъ объявить своего желанія.

Алупкинъ.

Какъ говорится, ни тпру, ни ну!

Пехтерьевъ.

Такъ, такъ, такъ! А знаете ли что, Николай Ивановичъ? конечно, это вамъ лучше извѣстно, а я бы на вашемъ мѣстѣ не такъ эту дачу раздѣлилъ.

Балагалаевъ.

А какъ же-съ?

Пехтерьевъ.

Я, можетъ-быть, и вздоръ скажу; но вы извините старика... *Savez-vous, cher ami?* мнѣ кажется, я бы вотъ какъ раздѣлилъ... позвольте карандашикъ.

Мирволинъ.

Вотъ-съ карандашъ...

Пехтерьевъ.

Спасибо... Я бы, Николай Ивановичъ, вотъ какъ... посмотрите: отсюда—вотъ сюда, отсюда—сюда... отсюда вотъ куда, а отсюда, наконецъ, сюда.

Балагалаевъ.

Да помилуйте, Петръ Петровичъ! во-первыхъ, эти участки выйдутъ неровные...

Пехтерьевъ.

Что за бѣда!

Балагалаевъ.

А во-вторыхъ, въ этомъ участкѣ совсѣмъ сѣнокосовъ нѣтъ.

Пехтерьевъ.

Это ничего не значить: трава вездѣ расти можетъ.

Балагалаевъ.

Да сверхъ того, рошу вы, стало-быть, предоставляете одному владѣльцу?

Каурова.

Ахъ, вотъ этотъ бы участокъ я взяла съ удовольствіемъ!

Балагалаевъ.

А каково, на примѣръ, будетъ мужичкамъ отсюда вонъ куда ѣздить?

Пехтерьевъ.

На всѣ ваши возраженія отвѣчать было бы весьма легко; но, впрочемъ, конечно, вы должны лучше знать... вы меня извините...

Каурова.

А мнѣ этакъ очень нравится.

Алупкинъ.

То-есть какъ?

Каурова.

А вотъ какъ Петръ Петровичъ раздѣлилъ.

Безпандинъ.

Позвольте взглянуть.

Каурова.

Воля ваша, а только я съ Петромъ Петровичемъ согласна.

Алупкинъ.

Это ужасно... вѣдь не видѣла ничего, а туда же толкуетъ!

Каурова.

А ты почему знаешь, батюшка, видѣла я что или нѣтъ?..

Алупкинъ.

Ну, коли видѣли, такъ скажите, какой вы себѣ участокъ берете?

Каурова.

Какой? вотъ этотъ, съ рощей, да съ сѣнокосомъ, да гдѣ земли побольше.

Алупкинъ.

Да, все вамъ однѣмъ отдать!

Сусловъ (Алупкину).

Оставь.

Пехтерьевъ (Безпандину).

По-вашему какъ?

Безпандинъ.

По-моему, коли правду говорить, этакъ неудобно будетъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться, если мнѣ этотъ участокъ дадутъ.

Каурова.

И я готова согласиться, если мнѣ этотъ участокъ дадутъ.

Алупкинъ.

Какой?

Каурова.

А вотъ, что братецъ мой для себя спрашиваетъ.

Сусловъ.

Вотъ, говорите послѣ этого, что она ни на что не согласна!

Пехтерьевъ.

Однако, позвольте, позвольте... двоимъ нельзя одинъ

и тотъ же участокъ опредѣлить; надо, чтобъ одинъ изъ васъ пожертвовалъ, оказалъ великодушіе—взялъ похуже.

Безпандинъ.

А смѣю спросить, для какого дьявола буду я оказывать великодушіе?

Пехтерьевъ.

Для какого... какія вы, однако, странныя слова употребляете!.. для вашей сестрицы.

Безпандинъ.

Вотъ тебѣ на!

Пехтерьевъ.

Ваша сестра, не забудьте, принадлежитъ къ слабому полу; она женщина, а вы мужчина... она вѣдь женщина, Оерапонтъ Ильичъ!

Безпандинъ.

Нѣтъ-съ, это, я вижу, ужъ философія пошла...

Пехтерьевъ.

Какую же вы тутъ философію находите?

Безпандинъ.

Философія!

Пехтерьевъ.

Однако, это меня удивляетъ... Васъ это не удивляетъ, господа!

Алупкинъ.

Меня-съ? Меня сегодня ничто удивить не въ состояніи-съ. Вы мнѣ можете сказать, что вы родного отца своего съѣли; я не удивлюсь, я повѣрю...

Балагалаевъ.

Господа, господа! позвольте мнѣ сказать слово. Самое ихъ, какъ бы снова возгорѣвшее, упорство доказываетъ вамъ, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, что ваше раздѣленіе несовсѣмъ удачно.

Пехтерьевъ.

Неудачно! Позвольте... почему же неудачно, это слѣдуетъ доказать... Я не спорю, можетъ-быть, ваше предложеніе прекрасно; но и о моемъ предложеніи тоже нельзя судить съ перваго взгляда. Я провелъ черту, такъ сказать, ангрѣ; конечно, я могъ ошибиться въ мелочахъ.

Разумѣется, нужно уравнивать оба участка, сообразить, раз-
смотреть подробно; но почему же неудачно?..

Алупкинъ (Суслову).

Какую онъ это черту провелъ?

Сусловъ.

Ангрò.

Алупкинъ.

А чтò значить: ангрò?

Сусловъ.

А Господь его знаетъ! должно-быть, нѣмецкое слово.

Балагалаевъ.

Положимъ, Петръ Петровичъ, что ваше предложеніе
отлично, превосходно; но главное дѣло, надо поровну раз-
дѣлить. Вотъ съ чемъ задача.

Пехтерьевъ.

Такъ-съ. Впрочемъ, конечно, вамъ лучше знать... Ко-
нечно, я въ этомъ случаѣ не могу съ вами тягаться. Мое
предложеніе, вы говорите, неудачно...

Балагалаевъ.

Да нѣтъ, Петръ Петровичъ...

Каурова.

Я понимаю, почему Николай Ивановичъ такъ на своемъ
настаиваетъ.

Балагалаевъ.

Чтò вы хотите сказать, сударыня, объяснитесь...

Каурова.

Да ужъ я знаю!

Балагалаевъ.

Я прошу васъ объясниться.

Каурова.

Николай Ивановичъ намѣренъ у Оерапонта Ильича рощу
за безцѣнокъ купить... Такъ вотъ отъ этого они такъ
и стараются, чтобъ она ему досталась.

Балагалаевъ.

Позвольте вамъ замѣтить, Анна Ильинишна, что вы за-
бываетесь! Оерапонтъ Ильичъ развѣ дитя? Развѣ вы не
получите вашей половины?.. Да и кто вамъ сказалъ, что

я намѣренъ купить эту рощу? и развѣ вы можете запретить вашему братцу продавать свою собственность?

Каурова.

Этого я не могу ему запретить, да дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что вы насъ не по чистой совѣсти дѣлите, не по справедливости, то-есть, а какъ для васъ выгоднѣе.

Балагалаевъ.

О, это слишкомъ!

Алупкинъ.

А, вотъ, и вы теперь то же говорите!

Пехтерьевъ.

Все это запутано, признаюсь, очень темно и запутано.

Балагалаевъ.

Это, наконецъ, всякаго выведетъ изъ терпѣнія... Что тутъ запутаннаго? что тутъ темнаго? Ну, да! я намѣренъ купить у Оерапонта Ильича рощу; я, можетъ-быть, весь его участокъ намѣренъ приобрѣсти. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? позвольте спросить?.. Я не по чистой совѣсти дѣлю... и повернулся у васъ языкъ это сказать? Анна Ильинишна—женщина, я ее извиняю; но вы, Петръ Петровичъ... запутано! Вы бы сперва посмотрѣли, вѣрно ли раздѣлено имѣніе... Стало-быть, вѣрно, коли имъ предоставляется выборъ участка.

Пехтерьевъ.

Напрасно вы такъ горячитесь, Николай Ивановичъ.

Балагалаевъ.

Помилуйте, когда меня Богъ знаетъ въ чемъ подозрѣваютъ,—меня, предводителя, удвоеннаго лестнаго вниманія дворянства! Помилуйте, еще бы не горячиться, когда задѣваютъ мою честь!

Пехтерьевъ.

Вашей чести никто не задѣваетъ, да и притомъ, почему жъ, если можно безобидно, какъ говорится, согласить собственную выгоду съ выгодой другого, почему жъ и не сдѣлать такъ? А что касается до предводительства, то повѣрьте, Николай Ивановичъ, не всегда выбираютъ самыхъ достойныхъ, и если кого отставили, это еще не значитъ,

что онъ недостойный. Впрочемъ, я это, конечно, говорю не для васъ...

Балагалаевъ.

Понимаю, Петръ Петровичъ! Я понимаю, это вы на свой счетъ изволили говорить, да и на мой кстати. Что жъ, извольте попытаться! Выборы близко. Можетъ-быть, на сей разъ дворянство откроетъ, наконецъ, глаза... Можетъ-быть, оно, наконецъ, оцѣнитъ настоящія ваши достоинства.

Пехтерьевъ.

Если господа дворяне почтутъ меня своею довѣренностью, я не откажусь, не беспокойтесь.

Каурова.

И тогда у насъ будетъ настоящій предводитель!

Балагалаевъ.

О, я не сомнѣваюсь! Но вы поймете теперь, что, послѣ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ намековъ, мнѣ было бы совершенно неприлично вмѣшиваться болѣе въ ваши дѣла, а потому...

Безпандинъ.

Да зачѣмъ же, Николай Ивановичъ?

Пехтерьевъ.

Николай Ивановичъ, я, право...

Балагалаевъ.

Нѣтъ, ужъ извините. Вельвицкій, подай сюда всѣ ихъ бумаги. Вотъ вамъ ваши письма, ваши планы. Дѣлитесь какъ знаете, обратитесь, если хотите, къ Петру Петровичу.

Каурова.

Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Пехтерьевъ.

А я рѣшительно отказываюсь: я вовсе не намѣренъ... Помилуйте!

Безпандинъ.

Николай Ивановичъ, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе. Извините насъ, то-есть, эту глупую бабу... вѣдь она всему причиной...

Балагалаевъ.

И слышать ничего не хочу! Повторяю вамъ, дѣлитесь, какъ хотите, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Изъ силъ выбился!

Безпандинъ.

А все ты, безмозглая! Ну, что ты тутъ напутала!.. Какъ же! уступлю я тебѣ рощу со всѣми лугами, да усадьбой... сейчасъ, да, погоди!

Алупкинъ.

Хорошо, хорошо, хорошо! вотъ такъ ее, вотъ такъ, вотъ такъ!..

Каурова.

Петръ Петровичъ, заступись за меня, батюшка; вы его не знаете: онъ меня зарѣзать готовъ, это извергъ, батюшка, убійца!.. онъ меня нѣсколько разъ ужъ отравливалъ, батюшка мой!..

Безпандинъ.

Молчи, сумасшедшая!.. Николай Ивановичъ, сдѣлайте одолженіе...

Каурова (*Пехтерьеву*).

Батюшка, батюшка!..

Пехтерьевъ.

Позвольте, позвольте!.. да что же это, наконецъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Наглановичъ.

Наглановичъ.

Николай Ивановичъ, я къ вамъ... Его превосходительство изволилъ...

Алупкинъ.

А, вы опять? вы опять за мной... опять насчетъ козла?.. опять?

Наглановичъ.

Что вы? что съ вами? что это за человѣкъ?..

Алупкинъ.

А вы не узнали меня, небось... Алупкинъ, Алупкинъ, помѣщикъ.

Наглановичъ.

Отстаньте. Вашъ козелъ судебнымъ порядкомъ пошелъ. Я совсѣмъ не къ вамъ: я къ Николаю Ивановичу.

Пехтерьевъ.

Однако, пустите меня, сударыня!

Каурова.

Батюшка! защити и раздѣли!

Алупкинъ (*Наглановичу*).

Я, милостивый государь, ни на что не посмотрю. Вы меня оскорбили, милостивый государь! Я, чортъ возьми, я вамъ не козелъ дался, въ самомъ дѣлѣ!

Наглановичъ.

Да это сумасшедшій какой-то!

Безпандинъ.

Николай Ивановичъ, возьмите бумаги обратно.

Балагалаевъ.

Стойте, господа, слушайте!... Позвольте, у меня, кажется, голова какъ будто кругомъ идетъ... Дѣлежъ, козелъ, упрямая баба, помѣщикъ изъ Тамбова, вдругъ неожиданный становой, завтра дуэль, у меня нечистая совѣсть, усадьба, роща за безцѣнокъ, завтракъ, шумъ, кутерьма... нѣтъ, это слишкомъ. Извините меня, господа... я не въ состояніи... я ничего не понимаю, что вы мнѣ говорите, я не въ силахъ, я не могу, не могу! (*Уходитъ*).

Пехтерьевъ.

Николай Ивановичъ! Николай Ивановичъ! Однако, это прекрасно... хозяинъ ушелъ, что жъ намъ остается дѣлать?..

Наглановичъ.

Что за суматоха! (*Вельвицкому*). Подите, скажите ему, что мнѣ нужно съ нимъ по дѣламъ службы поговорить. (*Вельвицкій уходитъ*).

Каурова.

Да Богъ съ нимъ! Ты-то когда насъ, батюшка, дѣлить будешь?

Пехтерьевъ.

Я? покорный слуга, что это вы? меня за другого, должно-быть, принимаете?

Безпандинъ.

Вотъ мы и у праздника! Эхъ, ты!.. Проклятіе всѣмъ бабамъ отнынѣ и во вѣки! (*Уходитъ*).

Каурова.

Я, по крайней мѣрѣ, тутъ ничѣмъ не виновата.

Вельвицкій (*входитъ*).

Николай Ивановичъ приказали сказать, что никого принимать не могутъ; они въ постель ложатся.

Наглановичъ.

Ну, значитъ, гости-то угостили его. Нечего дѣлать, оставляю записку... Мое почтеніе всей компаніи. (*Уходитъ*.)

Алупкинъ.

Мы съ вами еще увидимся, милостивый государь! — слышите вы? Господа, честь имѣю вамъ кланяться. (*Уходитъ*.)

Пехтерьевъ.

Да постоитъ... куда вы?.. и мы всѣ съ вами. Признаюсь, я еще ничего подобнаго не видалъ. (*Уходитъ*.)

Каурова.

Петръ Петровичъ, батюшка!.. разсудите... (*Уходитъ за Пехтерьевымъ*.)

Мирволинъ.

Евгеній Тихонычъ, что же вы? не оставаться же намъ однимъ, поѣдемте.

Сусловъ.

Постой, вотъ, погоди, онъ оправится, мы засядемъ въ преферансъ.

Мирволинъ.

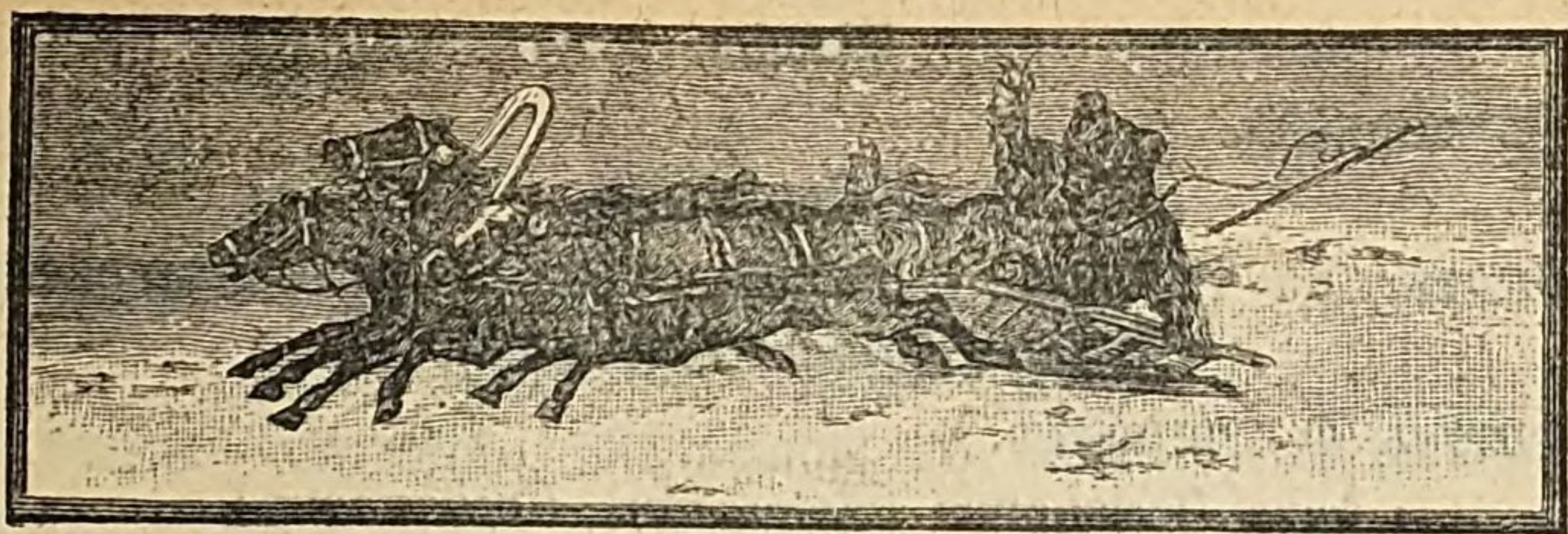
И то дѣло; да въ такихъ случаяхъ не худо выпить...

Сусловъ.

Что жъ, выпьемъ, Мирволинъ, выпьемъ. А какова баба? эта и мою Глафиру Андреевну за поясъ заткнетъ... Вотъ тебѣ и любовный дѣлежъ!..

1849 г.

МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аркадій Сергѣичъ Ислаевъ, богатый помѣщикъ, 36 лѣтъ.

Наталья Петровна, жена его, 29 лѣтъ.

Коля, сынъ ихъ, 10 лѣтъ.

Вѣрочка, воспитанница, 17 лѣтъ.

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лѣтъ.

Лизавета Богдановна, компаніонка, 37 лѣтъ.

Шаафъ, нѣмецъ гувернеръ, 45 лѣтъ.

Михайла Александровичъ Ракитинъ, другъ дома, 30 лѣтъ.

Алексѣй Николаевичъ Бѣляевъ, студентъ, учитель Колп, 21 года.

Аѳанасій Ивановичъ Большинцовъ, сосѣдъ, 48 лѣтъ.

Игнатій Ильичъ Шпигельскій, докторъ, 40 лѣтъ.

Матвѣй, слуга, 40 лѣтъ.

Катя, служанка, 20 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Ислаева, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 дѣйствіями проходитъ по дню.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ гостиную. Направо карточный столъ и дверь въ кабинетъ; прямо дверь въ залу; налѣво два окна и круглый столъ. По угламъ диваны. За карточнымъ столомъ Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шаафъ играютъ въ преферансъ; у круглаго стола сидятъ Наталья Петровна и Ракитинъ. Наталья Петровна вышиваетъ по канвѣ; у Ракитина въ рукахъ книга. Стѣнные часы показываютъ три часа.

Шаафъ.

Фъ червѣхъ.

Анна Семеновна.

Опять? Да ты насъ, батюшка, этакъ совсѣмъ заиграешь.

Шаафъ (*флегматически*).

Фоземъ фъ червѣхъ.

Анна Семеновна (*Лизаветъ Богдановнѣ*).

Каковъ! Съ нимъ играть нельзя. (*Лизавета Богдановна улыбается.*)

Наталья Петровна (*Ракитину*).

Что жъ вы перестали? Читайте.

Ракитинъ (*медленно поднимая голову.*)

„Monte-Cristo se redressa haletant“... Наталья Петровна, васъ это занимаетъ?

Наталья Петровна.

Нисколько.

Ракитинъ.

Для чего же мы читаемъ?

Наталья Петровна.

А вотъ для чего. На-дняхъ мнѣ одна дама говорила: „Вы не читали Монте-Кристо? Ахъ, прочтите — это прелесть“. Я ничего ей не отвѣчала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитинъ.

Ну, да, если вы теперь уже успѣли убѣдиться...

Наталья Петровна.

Ахъ, какой вы лѣнивый!

Ракитинъ.

Я готовъ, помилуйте... (*Отыскивая мѣсто, гдѣ остановился.*) Se redressa haletant, et...

Наталья Петровна (*сама перебивая его.*)

Видѣли вы Аркадія сегодня?

Ракитинъ.

Я съ нимъ встрѣтился на плотинѣ... Ее у васъ чинятъ. Онъ объяснялъ что-то рабочимъ и, для бѣльшей ясности, вошелъ въ песокъ по колѣно.

Наталья Петровна.

Онъ за все принимается съ слишкомъ большимъ жа-

ромъ... слишкомъ старается. Это недостатокъ. Какъ вы думаете?

Ракитинъ.

Я съ вами согласенъ.

Наталья Петровна.

Какъ это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

Ракитинъ.

А! стало-быть, вы хотите, чтобы я съ вами спорилъ?.. Извольте.

Наталья Петровна.

Я хочу... Я хочу!.. Я хочу, чтобъ *вы* хотѣли... Читайте, говорить вамъ.

Ракитинъ.

Слушаю-съ. (*Опять принимается за книгу.*)

Шаафъ.

Фъ червѣхъ.

Анна Семеновна.

Какъ? Опять? Это нестерпимо! (*Наталья Петровна.*) Наташа... Наташа...

Наталья Петровна.

Что?

Анна Семеновна.

Вообрази себѣ, Шаафъ насъ совсѣмъ заигралъ... То и дѣло семь, восемь въ червяхъ.

Шаафъ.

И дебѣрь земъ.

Анна Семеновна.

Слышишь? Это ужасно.

Наталья Петровна.

Да... ужасно.

Анна Семеновна.

Такъ вистъ же! (*Наталья Петровна.*) А гдѣ Коля?

Наталья Петровна.

Онъ ушелъ гулять съ новымъ учителемъ.

Анна Семеновна.

А! Лизавета Богдановна, я васъ приглашаю.

Ракитинъ (*Наталья Петровна.*)

Съ какимъ учителемъ?

Наталья Петровна.

Ахъ, да! Я вамъ и забыла сказать... мы безъ васъ новаго учителя наняли.

Ракитинъ.

На мѣсто Дюфура?

Наталья Петровна.

Нѣтъ... Русскаго учителя. Француза намъ княгиня изъ Москвы пришлетъ.

Ракитинъ.

Что онъ за человѣкъ, этотъ русскій? старый?

Наталья Петровна.

Нѣтъ, молодой... Мы его, впрочемъ, только на лѣтніе мѣсяцы взяли.

Ракитинъ.

А! на кондицію.

Наталья Петровна.

Да, это у нихъ, кажется, такъ называется. И, знаете ли что, Ракитинъ? Вы, вотъ, любите наблюдать людей, разбирать ихъ, копаться въ нихъ...

Ракитинъ.

Помилуйте, съ чего вы...

Наталья Петровна.

Ну, да, да... Обратите-ка на него ваше вниманіе. Мнѣ онъ нравится. Худой, стройный, веселый взглядъ, смѣлое выраженіе... Вы увидите. Онъ, правда, довольно неловокъ... а для васъ это бѣда.

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преслѣдуете.

Наталья Петровна.

Кромѣ шутокъ, обратите на него вниманіе. Мнѣ кажется, изъ него можетъ выйти человѣкъ славный. А, впрочемъ, Богъ знаетъ!

Ракитинъ.

Вы возбуждаете мое любопытство...

Наталья Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Задумчиво.*) Читайте.

Ракитинъ.

Se redressa haletant et...

Наталья Петровна (*вдругъ оглядываясь*).

А гдѣ Вѣра? Я ее съ утра не видала. (*Съ улыбкой Ракитину.*) Бросьте эту книгу... Я вижу, намъ сегодня читать не удастся... Расскажите мнѣ лучше что-нибудь...

Ракитинъ.

Извольте... Что жъ мнѣ вамъ рассказать?.. Вы знаете, я нѣсколько дней провелъ у Криницыныхъ... Вообразите, наши молодые уже скучаютъ.

Наталья Петровна.

Почему вы это могли замѣтить?

Ракитинъ.

Да развѣ скуку можно скрыть? Все другое можно... но скуку нѣтъ.

Наталья Петровна (*поглядывая на него*).

А другое все можно?

Ракитинъ (*помолчавъ немного*).

Я думаю.

Наталья Петровна (*опустивъ глаза*).

Такъ что жъ вы дѣлали у Криницыныхъ?

Ракитинъ.

Ничего. Скучать съ друзьями — ужасная вещь: вамъ ловко, вы не стѣснены, вы ихъ любите, злиться вамъ не на что, а скука васъ все-таки томить, и сердце глупо поетъ, словно голодное.

Наталья Петровна.

Вамъ, должно-быть, часто съ друзьями скучно бываетъ?

Ракитинъ.

Какъ будто и вы не знаете, что значитъ присутствіе человѣка, котораго любишь и который надоѣдаетъ!

Наталья Петровна (*медленно*).

Котораго любишь... это великое слово. Вы что-то мудреное говорите.

Ракитинъ.

Мудрено?.. почему же мудрено?

Наталья Петровна.

Да, это вашъ недостатокъ. Знаете ли что, Ракитинъ! вы, конечно, очень умны, но... (*останавливаясь*), иногда мы съ вами разговариваемъ, точно кружева плетемъ... А вы видали, какъ кружево плетутъ? Въ душныхъ комнатахъ, не двигаясь съ мѣста... Кружево—прекрасная вещь, но глотокъ свѣжей воды въ жаркій день гораздо лучше.

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы сегодня...

Наталья Петровна.

Что?

Ракитинъ.

Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна.

О, тонкіе люди, какъ вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нѣтъ, я на васъ не сержусь.

Анна Семеновна.

А! наконецъ, обремизился! Попался! (*Наталья Петровна*). Наташа, злодѣй нашъ поставилъ ремизъ.

Шаафъ (*кисло*).

Лисафетъ Богдановнѣ финовать...

Лизавета Богдановна (*съ сердцемъ*).

Извините-съ, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шаафъ.

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

Анна Семеновна (*Шаафу*).

Да чѣмъ же она виновата?

Шаафъ (*повторяетъ точно тѣмъ же голосомъ*).

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

Лизавета Богдановна.

А мнѣ что! Вотъ еще!..

Ракитинъ.

Чѣмъ болѣе я на васъ гляжу, Наталья Петровна, тѣмъ болѣе я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (*съ некоторымъ любопытствомъ*).

Въ самомъ дѣлѣ?

Ракитинъ.

Право. Я нахожу въ васъ какую-то перемѣну.

Наталья Петровна.

Да?.. Въ такомъ случаѣ, сдѣлайте одолженіе... Вы вѣдь меня знаете—угадайте, въ чемъ состоитъ эта перемѣна, что во мнѣ такое произошло—а?

Ракитинъ.

А вотъ погодите...

(Коля вдругъ съ шумомъ вбѣгаетъ изъ залы прямо къ Аннѣ Семеновнѣ).

Коля.

Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! *(Показываетъ ей лукъ и стрѣлы).* Посмотри-ка!

Анна Семеновна.

Покажи, душа моя... Ахъ, какой славный лукъ, кто тебѣ его сдѣлалъ?

Коля.

Вотъ онъ... онъ... *(Указываетъ на Бѣльева, который остановился у двери залы).*

Анна Семеновна.

А! да какъ онъ хорошо сдѣланъ...

Коля.

Я уже стрѣлялъ изъ него въ дерево, бабушка, и попалъ два раза... *(Прыгаетъ).*

Наталья Петровна.

Покажи, Коля.

Коля *(бѣжитъ къ ней и пока Наталья Петровна разсматриваетъ лукъ).*

Ахъ, тамап! какъ Алексѣй Николаичъ на деревья лазить! Онъ меня хочетъ выучить, и плавать тоже онъ меня выучить. Онъ меня всему, всему выучить! *(Прыгаетъ).*

Наталья Петровна *(Бѣльеву).*

Я вамъ очень благодарна за ваше вниманіе къ Колѣ...

Коля *(съ жаромъ ее перебивая).*

Я его очень люблю, тамап, очень!

Наталья Петровна *(гладя Колю по головѣ).*

Онъ у меня немножко изнѣженъ... Сдѣлайте мнѣ изъ него ловкаго и проворнаго мальчика. *(Бѣлевъ кланяется).*

Коля.

Алексѣй Николаичъ, пойдѣмте въ конюшню, отнесемъ Фавориту хлѣба.

Бѣляевъ.

Пойдемте.

Анна Семеновна (*Колѣ*).

Поди сюда, поцѣлуй меня сперва...

Коля (*убѣгая*).

Послѣ, бабушка, послѣ! (*Убѣгаетъ въ залу; Бѣляевъ уходитъ за нимъ*).

Анна Семеновна (*глядя вслѣдъ Колѣ*).

Что за милый ребенокъ! (*Къ Шаафу и Лизаветѣ Богдановнѣ*). Не правда ли?

Лизавета Богдановна.

Какъ же-съ.

Шаафъ (*помолчавъ немного*).

Я пассъ.

Наталья Петровна (*съ нѣкоторой живостью Ракитину*).

Ну, какъ онъ вамъ показался?

Ракитинъ.

Кто?

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Этотъ... русскій учитель.

Ракитинъ.

Ахъ, извините, я и забылъ... Я такъ былъ занятъ вопросомъ, который вы мнѣ задали... (*Наталья Петровна глядитъ на него съ едва замѣтной усмѣшкой*). Впрочемъ, его лицо... дѣйствительно... Да, у него хорошее лицо. Онъ мнѣ нравится. Только, кажется, онъ очень застѣнчивъ.

Наталья Петровна.

Да.

Ракитинъ (*глядя на нее*).

Но, все-таки, я не могу себѣ дать отчета...

Наталья Петровна.

Что бы намъ съ вами позаняться имъ, Ракитинъ? Хотите? Окончимте его воспитаніе. Вотъ превосходный случай для степенныхъ, разсудительныхъ людей, каковы мы съ вами! Вѣдь мы очень разсудительны, не правда ли?

Ракитинъ.

Этотъ молодой человѣкъ васъ занимаетъ? Если бъ онъ это зналъ... его бы это польстило.

Наталья Петровна.

О, повѣрьте, нисколько! О немъ нельзя судить по тому, что... нашъ братъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Вѣдь онъ нисколько на насъ не похожъ, Ракитинъ. Въ томъ-то и бѣда, другъ мой: мы самихъ себя изучаемъ съ большимъ прилежаніемъ и воображаемъ потомъ, что знаемъ людей.

Ракитинъ.

Чужая душа—темный лѣсъ. Но къ чему эти намеки... За что вы меня, то и дѣло, колете?

Наталья Петровна.

Кого же колоть, коли не друзей... А вы—мой другъ... Вы это знаете. (*Жметъ ему руку. Ракитинъ улыбается и свѣтлѣетъ*). Вы мой старый другъ.

Ракитинъ.

Боюсь я только... какъ бы этотъ старый другъ вамъ не пріѣлся...

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Однѣ хорошія вещи пріѣдаются.

Ракитинъ.

Можетъ-быть... Только отъ этого имъ не легче.

Наталья Петровна.

Полноте... (*Понизивъ голосъ*). Какъ будто вы не знаете.. *ce que vous êtes pour moi.*

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы играете со мной, какъ кошка съ мышью... Но мышь не жалуется...

Наталья Петровна.

О, бѣдный мышенокъ!

Анна Семеновна.

Двадцать съ васъ, Адамъ Ивановичъ... Ага!

Шаафъ.

Я фперѣтъ Лисафетъ Богдановнѣ не прикляшаю.

Матвѣй (*входитъ изъ залы и докладываетъ*)
Игнатій Ильичъ пріѣхали-съ.

Шпигельскій (*входя по его слѣдамъ*).

Объ докторахъ не докладываютъ. (*Матвѣй уходитъ*).
Нижайшее мое почтеніе всему семейству. (*Подходитъ къ
Аннѣ Семеновнѣ къ ручкѣ*). Здравствуйте, барыня. Чай,
въ выигрышѣ?

Анна Семеновна.

Какое въ выигрышѣ! Насилу отыгралась... И то слава
Богу! Все вотъ этотъ злодѣй. (*Указывая на Шаафа*).

Шпигельскій (*Шаафу*).

Адамъ Ивановичъ, съ дамами-то! это не хорошо... Я васъ
не узнаю.

Шаафъ (*ворча сквозь зубы*).

З-дамами, з-дамами...

Шпигельскій (*подходитъ къ круглому столу нальво*).

Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Ми-
хайло Александрычъ!

Наталья Петровна.

Здравствуйте, докторъ. Какъ вы поживаете?

Шпигельскій.

Мнѣ этотъ вопросъ очень нравится... Значить, вы здо-
ровы. Что со мною дѣлается? Порядочный докторъ ни-
когда боленъ не бываетъ; развѣ вдругъ возьметъ да
умретъ... Ха-ха.

Наталья Петровна.

Сядьте. Я здорова, точно... но я не въ духѣ... А вѣдь
это тоже нездоровье.

Шпигельскій (*сидясь подлѣ Натальи Петровны*).

А позвольте-ка вашъ пульсъ... (*Щупаетъ у ней пульсъ*).
Охъ, ужъ эти мнѣ нервы, нервы... Вы мало гуляете, На-
талья Петровна, мало смѣтесъ... вотъ что... Михайло
Александрычъ, что вы смотрите? А, впрочемъ, можно
бѣлыя капли прописать.

Наталья Петровна.

Я не прочь смѣяться... (*Съ живостью*). Да вотъ, вы,
докторъ... у васъ злой языкъ, я васъ за это очень люблю

и уважаю, право... расскажите мнѣ что-нибудь смѣшное. Михайло Александрычъ сегодня все философствуетъ.

Шпигельскій (*украдкою поглядывая на Ракитина*).

А, видно, не одни нервы страдаютъ, и желчь тоже немножко расходилась...

Наталья Петровна.

Ну, и вы туда же! Наблюдайте, сколько хотите, докторъ, да только не вслухъ. Мы всѣ знаемъ, что вы ужасно проникательны... Вы оба очень проникательны.

Шпигельскій.

Слушаю-съ.

Наталья Петровна.

Расскажите намъ что-нибудь смѣшное.

Шпигельскій.

Слушаю-съ. Вотъ, не думалъ, не гадалъ—цапъ-царапъ, рассказывай... Позвольте табачку понюхать. (*Нюхаетъ*).

Наталья Петровна.

Какія приготовленья!

Шпигельскій.

Да вѣдь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смѣшное смѣшному розъ. Чтò для кого! Сосѣду вашему, напимѣръ, господину Хлопушкину, стòитъ только этотъ палецъ показать, ужъ онъ и залился, и хрипитъ, и плачетъ... а вѣдь вы... Но, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Наталья Петровна.

Кажется, знаю, или слыхала.

Шпигельскій.

У него сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшіе, либо оба въ здоровомъ смыслѣ; потому что между братомъ и сестрой рѣшительно нѣтъ никакой разницы, но дѣло не въ томъ. Судьба-съ, вездѣ судьба-съ, и во всемъ судьба-съ. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки блѣдненькіе, носикъ красненькій, зубки желтенькіе, ну, словомъ, очень любезная дѣвица; на фортепіанахъ играетъ и сюсюкаетъ тоже, стало-быть, все въ порядкѣ. За ней двѣсти душъ, да теткиныхъ полтора. Тетка-то еще жива и долго проживетъ, сума-

сшедшіе всѣ долго живутъ, да вѣдь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную въ пользу племянницы, а наканунѣ я ей собственноручно на голову холодную воду лилъ—и совершенно, впрочемъ, напрасно лилъ, потому что вылѣчить ее нѣтъ никакой возможности. Ну, стало-быть, у Вереницына дочь—невѣста не изъ послѣднихъ. Началъ онъ ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими нѣкто Перекузовъ, худосочный молодой человѣкъ, робкій, но съ отличными правилами. Вотъ-съ, понравился нашъ Перекузовъ отцу; понравился и дочери... Кажись, зачѣмъ бы дѣло стало? съ Богомъ, подъ вѣнецъ! И дѣйствительно, все шло прекрасно; г-нъ Вереницынъ, Платонъ Васильичъ, уже начиналъ г-на Перекузова по желудку этакъ, знаете, хлопать и по плечу трепать, какъ вдругъ откуда ни возмись заѣзжій офицеръ, Ардаліонъ Протобекасовъ! На балѣ у предводителя увидалъ Вереницынову дочь, протанцовалъ съ ней три польки, сказалъ ей, должно-быть, этакъ, закативши глаза: „о, какъ я несчастливъ!“ барышня моя такъ разомъ и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи... На Перекузова не глядятъ, съ Перекузовымъ не говорятъ, отъ одного слова: „свадьба“ корчи дѣлаются... Фу, ты, Господи, Боже мой, чтò за притча! Ну, думаетъ Вереницынъ, коли Протобекасова, такъ Протобекасова. Благо же онъ человѣкъ тоже съ состояньемъ. Приглашаютъ Протобекасова, дескать, сдѣлайте честь... Протобекасовъ дѣлаетъ честь; Протобекасовъ пріѣзжаетъ, волочится, влюбляется, наконецъ, предлагаетъ руку и сердце. Чтò жъ вы думаете? Дѣвица Вереницына тотчасъ съ радостью соглашается? Какъ бы не такъ! Сохрани Богъ! Опять слезы, вздохи, припадки. Отецъ приходитъ втупикъ. Чтò же, наконецъ? Чего надобно? А она чтò, вы думаете, ему отвѣчаетъ? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. „Какъ?“—Ей-Богу, не знаю, и ужъ лучше ни за кого не выйду, а люблю! Съ Вереницынымъ, разумѣется, тотчасъ холера; женихи тоже не знаютъ, чтò жъ такое, наконецъ? а она все на своемъ. Вотъ-съ, извольте разсудить, какія чудеса у насъ происходятъ.

Наталья Петровна.

Я въ этомъ ничего удивительнаго не нахожу... Какъ будто нельзя двухъ людей разомъ любить?

Ракитинъ.

А! вы думаете...

Наталья Петровна (*медленно*).

Я думаю... а впрочемъ, не знаю... можетъ-быть, это доказываетъ только то, что ни того, ни другого не любишь.

Шпигельскій (*нюхая табакъ и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина*).

Вотъ какъ-съ, вотъ какъ-съ...

Наталья Петровна (*съ живостью Шпигельскому*).

Вашъ рассказъ очень хорошъ, но вы, все-таки, меня не разсмѣшили.

Шпигельскій.

Да, барыня вы моя, кто васъ разсмѣшитъ теперь, помилуйте! Вамъ теперь не того нужно.

Наталья Петровна.

Чего же мнѣ нужно?

Шпигельскій (*съ притворно-смирненнымъ видомъ*).

А Господь вѣдаетъ!

Наталья Петровна.

Ахъ, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

Шпигельскій.

Много чести, помилуйте... (*Наталья Петровна дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*).

Анна Семеновна (*поднимаясь съ мѣста*).

Ну, наконецъ... (*Вздыхаетъ*). Ноги себѣ отсидѣла совсѣмъ. (*Лизавета Богдановна и Шаафъ тоже встаютъ*). О-охъ.

Наталья Петровна (*встаетъ и идетъ къ нимъ*).

Охота же вамъ такъ долго сидѣть... (*Шпигельскій и Ракитинъ встаютъ*).

Анна Семеновна (*Шаафу*).

За тобою семь гривенъ, батюшка. (*Шаафъ сухо кланяется*). Не все тебѣ насъ наказывать. (*Наталья Пе-*

тровнѣ). Ты сегодня какъ будто блѣдна, Наташа. Здорова ты?.. Шпигельскій, здорова она?

Шпигельскій (*который о чемъ-то перешептывался съ Ракитинымъ*).

О, совершенно!

Анна Семеновна.

То-то же... А я пойду немножко отдохнуть передъ обѣдомъ... Устала смерть! Лиза, пойдемъ... охъ, ноги, ноги... (*Идетъ съ Лизаветой Богдановной въ залу. Наталья Петровна провожаетъ ее до дверей. Шпигельскій, Ракитинъ и Шаафъ остаются на авансценѣ*).

Шпигельскій (*Шаафу, подавая ему табакерку*).

Ну, Адамъ Ивановичъ, ви-бефинденъ-зи-зихъ?

Шаафъ (*нюхая съ важностью*).

Карашо. А фи какъ?

Шпигельскій.

Покорно благодарю, помаленьку. (*Ракитину вполголоса*). Такъ вы, точно, не знаете, что съ Натальей Петровной сегодня?

Ракитинъ.

Право, не знаю.

Шпигельскій.

Ну, коли вы не знаете... (*Оборачивается и идетъ навстрѣчу Натальѣ Петровнѣ, которая возвращается отъ двери*). А у меня есть до васъ дѣльце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*идя къ окну*).

Неужели? какое?

Шпигельскій.

Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ...

Наталья Петровна.

Вотъ какъ... вы меня пугаете.

(*Ракитинъ, между тѣмъ, взявъ Шаафа подъ руку, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ и шепчетъ ему что-то по-немецки. Шаафъ смѣется и говоритъ вполголоса «Ja, ja, ja! ja wohl, ja wohl, sehr gut»*).

Шпигельскій (*пониживъ голосъ*).

Это дѣло, собственно, не до васъ однѣхъ касается...

Наталья Петровна (*глядя въ садъ*).

Что вы хотите сказать?

Шпигельскій.

Вотъ въ чемъ дѣло-съ. Одинъ хорошій знакомый меня просилъ узнать... то-есть... ваши намѣренія насчетъ вашей воспитанницы... Вѣры Александровны.

Наталья Петровна.

Мои намѣренія?

Шпигельскій.

То-есть... говоря безъ обиняковъ, мой знакомый...

Наталья Петровна.

Ужъ не сватается ли за нее?

Шпигельскій.

Точно такъ-съ.

Наталья Петровна.

Вы шутите?

Шпигельскій.

Никакъ нѣтъ-съ.

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Да помилуйте, она еще ребенокъ; какое странное порученіе!

Шпигельскій.

Чѣмъ же странное, Наталья Петровна? мой знакомый...

Наталья Петровна.

Вы большой дѣлецъ, Шпигельскій. А кто такой вашъ знакомый?

Шпигельскій (*улыбаясь*).

Позвольте, позвольте. Вы мнѣ еще ничего не сказали положительнаго насчетъ...

Наталья Петровна.

Полноте, докторъ. Вѣра еще дитя. Вы сами это знаете, господинъ дипломатъ. (*Оборачиваясь*). Да вотъ, кстати, и она. (*Изъ залы входятъ Вѣра и Коля*).

Коля (*бѣжитъ къ Ракитину*).

Ракитинъ, вели намъ клею дать, клею...

Наталья Петровна (*къ Вѣрѣ*).

Откуда вы? (*Гладитъ ее по щекѣ*). Какъ ты раскраснѣлась!

Вѣра.

Изъ саду... (*Шпигельскій ей кланяется*), Здравствуйте, Игнатій Ильичъ.

Ракитинъ (*Колю*).

На что тебѣ клею?

Коля.

Нужно, нужно... Алексѣй Николаичъ намъ змѣя дѣ-
лаетъ... Прикажи...

Ракитинъ (*хочетъ позвонить*).

Постой, сейчасъ...

Шаафъ.

Erlauben Sie... Каспадинъ Коля сифодня сфой лекціонъ
не брочидалъ... (*Беретъ Колю за руку*). Kommen sie.

Коля (*печально*)

Morgen, Herr Schaaf, morgen...

Шаафъ (*рѣзко*).

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule
Leute... Kommen sie... (*Коля упирается*).

Наталья Петровна (*Вѣрѣ*).

Съ кѣмъ это ты такъ долго гуляла? Я тебя не видала
съ утра.

Вѣра.

Съ Алексѣемъ Николаичемъ... съ Колей...

Наталья Петровна.

А! (*Оборачиваясь*). Коля, что это значитъ?

Коля (*пониживъ голосъ*).

Господинъ Шаафъ... Мамаша...

Ракитинъ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Они тамъ змѣя дѣлаютъ, а здѣсь, вотъ, ему урокъ хо-
тятъ задать.

Шаафъ (*съ чувствомъ достоинства*).

Gnädige Frau...

Наталья Петровна (*строго Колю*).

Извольте слушаться, довольно вы сегодня бѣгали... Сту-
пайте съ господиномъ Шаафъ.

Шаафъ (*уводя Колю въ залу*).

Es ist unerhört!

Коля (*уходя, шопотомъ Ракитину*).

А ты, все-таки, клей прикажи... (*Ракитинъ киваетъ*).

Шаафъ (*дергая Колю*).

Kommen sie, mein Herr... (*Уходитъ съ нимъ въ залу. Ракитинъ уходитъ вслѣдъ за ними*).

Наталья Петровна (*Вѣрѣ*).

Сядь... ты, должно-быть, устала... (*Садится сама*).

Вѣра (*саясь*).

Никакъ нѣтъ-съ.

Наталья Петровна (*съ улыбкой Шпигельскому*).

Шпигельскій, посмотрите на нее, вѣдь она устала?

Шпигельскій.

Да вѣдь это Вѣрѣ Александровнѣ здорово.

Наталья Петровна.

Я не говорю... (*Вѣрѣ*). Ну, что вы въ саду дѣлали?

Вѣра.

Играли-съ; бѣгали-съ. Сперва мы смотрѣли, какъ плотину копаютъ, а потомъ Алексѣй Николаичъ за бѣлкой на дерево полѣзъ, высоко-высоко, и началъ верхушку качать... Намъ всѣмъ даже страшно стало... Бѣлка, наконецъ, упала, и Трезоръ чуть-чуть ее не поймалъ... Однако, она ушла.

Наталья Петровна (*съ улыбкой взглянувъ на Шпигельскаго*).

А потомъ?

Вѣра.

А потомъ Алексѣй Николаичъ Колѣ лукъ сдѣлалъ... да такъ скоро... а потомъ онъ къ нашей коровѣ на лугу подкрался и вдругъ ей на спину вскочилъ... корова испугалась и побѣжала, забрыкала... а онъ смѣется (*смѣется сама*), а потомъ Алексѣй Николаичъ хотѣлъ намъ змѣя сдѣлать, вотъ мы и пришли сюда.

Наталья Петровна (*треплетъ ее по щекѣ*).

Дитя, дитя, совершенное ты дитя... а? какъ вы думаете, Шпигельскій?

Шпигельскій (*медленно и глядя на Наталью Петровну*).

Я съ вами согласенъ.

Наталья Петровна.

То-то же.

Шпигельскій.

Да вѣдь это ничему не мѣшаетъ... Напротивъ...

Наталья Петровна.

Вы думаете? (*Вѣрь*). Ну, и очень вы веселились?

Вѣра.

Да-съ... Алексѣй Николаичъ такой забавный.

Наталья Петровна.

Вотъ какъ. (*Помолчавъ немного*). Вѣрочка, а сколько тебѣ лѣтъ? (*Вѣра съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядитъ на нее*). Дитя... Дитя... (*Ракитинъ входитъ изъ залы*).

Шпигельскій (*хлопотливо*).

Ахъ, я и забылъ... у васъ кучеръ боленъ... а я его еще не видалъ...

Наталья Петровна.

Что у него?

Шпигельскій.

Горячка; впрочемъ, опасности нѣтъ никакой.

Наталья Петровна (*ему вслѣдъ*).

Вы у насъ обѣдаете, докторъ?

Шпигельскій.

Если позволите. (*Уходитъ въ залу*).

Наталья Петровна.

Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le diner... (*Вѣра встаетъ*). Подойди ко мнѣ... (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*). Дитя, дитя! (*Вѣра цѣлуетъ у ней руку и идетъ въ кабинетъ*).

Ракитинъ (*тихонько Вѣрь, мигая глазомъ*).

А я Алексѣю Николаичу послалъ все, что нужно.

Вѣра (*вполголоса*).

Благодарствуйте, Михайло Александрычъ. (*Уходитъ*).

Ракитинъ (*подходитъ къ Натальѣ Петровнѣ*).

Она ему протягиваетъ руку. Онъ тотчасъ ее пожимаетъ).

Наконецъ, мы одни... Наталья Петровна, скажите мнѣ, что съ вами?

Наталья Петровна.

Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте. (*Ракитинъ садится подлѣ нея*). Съ кѣмъ этого не случается? Ходятъ же по небу тучки. Что вы на меня такъ глядите?

Ракитинъ.

Я гляжу на васъ... Я счастливъ.

Наталья Петровна (*улыбается ему въ отвѣтъ*).

Откройте окно, Michel. Какъ хорошо въ саду! (*Ракитинъ встаетъ и открываетъ окно*). Здравствуй, вѣтеръ. (*Смѣется*). Онъ словно ждалъ случая ворваться... (*Оглядываясь*). Какъ онъ завладѣлъ всей комнатою... Теперь его не выгонишь...

Ракитинъ.

Вы сами теперь мягки и тихи, какъ вечеръ послѣ грозы.

Наталья Петровна (*задумчиво повторяя послѣднія слова*).

Послѣ грозы... Да развѣ была гроза?

Ракитинъ (*качая головой*).

Собиралась.

Наталья Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Глядя на него, послѣ небольшого молчанія*). А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себѣ человѣка добрѣе васъ. Право. (*Ракитинъ хочетъ ее остановить*). Нѣтъ, не мѣшайте мнѣ высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не измѣняетесь. Я вамъ многимъ обязана.

Ракитинъ.

Наталья Петровна, зачѣмъ вы мнѣ это говорите именно теперь?

Наталья Петровна.

Не знаю; мнѣ весело, я отдыхаю; не запрещайте мнѣ болтать...

Ракитинъ (*жметъ ей руку*).

Вы добры, какъ ангелъ.

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Сегодня поутру вы бы этого не сказали... Но послу-

шайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношенія такъ чисты, такъ искренни... и, все-таки, не совсѣмъ естественны. Мы съ вами имѣемъ право не только Аркадію, но всѣмъ прямо въ глаза глядѣть... Да; но... (*Задумывается*). Вотъ оттого-то мнѣ иногда и тяжело бываетъ, и неловко, я злюсь, я готова, какъ дитя, выместить свою досаду на другомъ, особенно на васъ... Васъ это предпочтеніе не сердить?

Ракитинъ (*съ живостью*).

Напротивъ...

Наталья Петровна.

Да, иногда весело помучить, кого любишь... кого любишь... Вѣдь я, какъ Татьяна, тоже могу сказать: „къ чему лукавить?“

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы...

Наталья Петровна (*перебивая его*).

Да... я васъ люблю; но знаете ли что, Ракитинъ? Знаете ли, что мнѣ иногда страннымъ кажется: я васъ люблю... и это чувство такъ ясно, такъ мирно... Оно меня не волнуетъ... я имъ согрѣта, но... (*Съ живостью*). Вы никогда не заставили меня плакать... а я бы, кажется, должна была... (*Перерываясь*). Что это значить?

Ракитинъ (*нѣсколько печально*).

Такой вопросъ не требуетъ отвѣта.

Наталья Петровна (*задумчиво*).

А вѣдь мы давно съ вами знакомы.

Ракитинъ.

Четыре года. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна.

Друзья... Нѣтъ, вы мнѣ болѣе, чѣмъ другъ...

Ракитинъ.

Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса... Я боюсь за мое счастье, какъ бы оно не исчезло у васъ подъ руками.

Наталья Петровна.

Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... Все дѣло въ томъ, что вы слыш-

комъ добры... Вы мнѣ слишкомъ потакаете... Вы меня избаловали... Вы слишкомъ добры, слышите?

Ракитинъ (*съ улыбкою*).

Слушаю-съ.

Наталья Петровна (*глядя на него*).

Я не знаю, какъ вы... Я не желаю другого счастья... Многие могутъ мнѣ позавидовать. (*Протягиваетъ ему обѣ руки*). Не правда ли?

Ракитинъ.

Я въ вашей власти... дѣлайте изъ меня, что хотите... (*Въ залъ раздается голосъ Ислаева: „Такъ вы послали за нимъ?“*)

Наталья Петровна (*быстро приподнимаясь*).

Онъ! Я не могу теперь его видѣть... Прощайте! (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Ракитинъ (*глядя ей вслѣдъ*).

Что это такое? Начало конца, или просто конецъ? (*Помолчавъ немного*). Или начало?

(*Входитъ Ислаевъ, съ озабоченнымъ видомъ, и снимаетъ шляпу*).

Ислаевъ.

Здравствуй, Michel.

Ракитинъ.

Мы уже видѣлись сегодня.

Ислаевъ.

А! извини... Я совершенно захлопотался.— (*Ходитъ по комнатѣ*). Странное дѣло! Русскій мужикъ очень смысленъ, очень понятливъ, я уважаю русскаго мужика... а между тѣмъ, иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь... Ясно, кажется, а пользы никакой. У русскаго мужика нѣтъ этого... этого...

Ракитинъ.

Да ты все еще надъ плотиной хлопочешь?

Ислаевъ.

Этого... такъ сказать... этой любви къ работѣ нѣту... именно, любви нѣтъ. Онъ тебѣ мнѣнья твоего хорошо высказать не дастъ.— „Слушаю, батюшка...“ А какое: слушаю—просто ничего не понялъ. Посмотри-ка на нѣмца—

тò ли дѣло! Терпѣнья у русскаго нѣтъ.—Со всѣмъ тѣмъ, я его уважаю... А гдѣ Наташа? Не знаешь?

Ракитинъ

Она сейчасъ здѣсь была.

Ислаевъ.

Да который часъ? Пора бы обѣдать. Съ утра на ногахъ — дѣла пропасть... А еще сегодня на постройкѣ не былъ. Время такъ вотъ и уходитъ. Бѣда! — просто, никуда не поспѣваешь! (*Ракитинъ улыбается*). Ты, я вижу, смѣешься надо мной... Да что жъ братъ, дѣлать? Кому чтò. Я человѣкъ положительный, рожденъ быть хозяиномъ—и больше ничѣмъ. Было время—я о другомъ мечталъ; да осѣкся, братъ! Пальцы себѣ обжегъ—вò-какъ!—Чтò это Бѣляевъ не идетъ?

Ракитинъ.

Кто такое, Бѣляевъ?

Ислаевъ.

А новый нашъ учитель, русскій. Дичокъ еще порядочный; ну, да привыкнетъ. Малый неглупый. Я его попросилъ сегодня посмотрѣть, чтò постройка... (*Входитъ Бѣляевъ*). А, да вотъ и онъ!—Ну, чтò? Какъ тамъ? Ничего не дѣлаютъ, небось? А?

Бѣляевъ.

Нѣтъ-съ, работаютъ.

Ислаевъ.

Второй срубъ кончили?

Бѣляевъ.

Начали третій.

Ислаевъ.

А насчетъ вѣнцовъ—вы сказали?

Бѣляевъ.

Сказалъ.

Ислаевъ.

Ну—а они чтò?

Бѣляевъ.

Они говорятъ, что иначе они и не дѣлали никогда.

Ислаевъ.

Г-мъ... Ермилъ плотникъ тамъ?

Бѣляевъ.

Тамъ.

Ислаевъ.

А!.. Ну, благодарствуйте! (*Входитъ Наталья*). А! Наташа! здравствуй!

Ракитинъ.

Что ты это сегодня со всѣми двадцать разъ здороваешься?

Ислаевъ.

Говорятъ тебѣ, захлопотался. Ахъ, кстати! Я тебѣ не показывалъ новую мою вѣялку? Пойдемъ, пожалуйста; это любопытно. Вообрази— ураганъ изъ нея, просто ураганъ. До обѣда еще успѣемъ... Хочешь?

Ракитинъ.

Изволь.

Ислаевъ.

А ты, Наташа, не идешь съ нами?

Наталья Петровна.

Будто я понимаю что въ вашихъ вѣялкахъ!—Ступайте вы одни—да смотрите, не замѣшайтесь.

Ислаевъ (*уходя съ Ракитинымъ*).

Мы сейчасъ... (*Бѣляевъ собирается за ними идти*).

Наталья Петровна (*Бѣляеву*).

Куда же вы, Алексѣй Николаичъ?

Бѣляевъ.

Я-съ... я...

Наталья Петровна.

Впрочемъ, если вы хотите гулять...

Бѣляевъ.

Нѣтъ-съ, я цѣлое утро былъ на воздухѣ!

Наталья Петровна.

А! ну, въ такомъ случаѣ, сядьте... Сядьте здѣсь. (*Указывая на стулъ*). Мы съ вами еще не поговорили какъ слѣдуетъ, Алексѣй Николаичъ. Мы еще не познакомились. (*Бѣляевъ кланяется и садится*). А я желаю съ вами познакомиться.

Бѣляевъ.

Я-съ... мнѣ очень лестно.

Наталья Петровна (*съ улыбкой*).

Вы меня теперь боитесь, я это вижу... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

Бѣляевъ.

Двадцать одинъ годъ-съ.

Наталья Петровна.

Ваши родители живы?

Бѣляевъ.

Мать моя умерла. Отецъ живъ.

Наталья Петровна.

И давно ваша матушка скончалась?

Бѣляевъ.

Давно-съ.

Наталья Петровна.

Но вы ее помните?

Бѣляевъ.

Какъ же... помню-съ.

Наталья Петровна.

А батюшка вашъ въ Москвѣ живетъ?

Бѣляевъ.

Никакъ нѣтъ-съ, въ деревнѣ.

Наталья Петровна.

А! что, у васъ есть братья... сестры?

Бѣляевъ.

Одна сестра.

Наталья Петровна.

Вы ее очень любите?

Бѣляевъ.

Люблю-съ. Она гораздо моложе меня.

Наталья Петровна.

А какъ ее зовутъ?

Бѣляевъ.

Натальей.

Наталья Петровна (*съ живостью*).

Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовутъ... (*Останавливается*). И вы очень ее любите?

Бѣляевъ.

Да-съ.

Наталья Петровна.

Скажите, какъ вы находите моего Колю?

Бѣляевъ.

Онъ очень милый мальчикъ.

Наталья Петровна.

Не правда ли? И такой любящій! Онъ уже успѣлъ привязаться къ вамъ.

Бѣляевъ.

Я готовъ стараться... Я радъ...

Наталья Петровна.

Вотъ, видите ли, Алексѣй Николаичъ, конечно, я бы желала сдѣлать изъ него дѣльнаго человѣка. Я не знаю, удастся ли это мнѣ, но, во всякомъ случаѣ, я хочу, чтобы онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени своего дѣтства. Пусть онъ растетъ себѣ на волѣ—это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексѣй Николаичъ; мой отецъ былъ человѣкъ не злой, но раздражительный и строгій... всѣ въ домѣ, начиная съ маменьки, его боялись. Мы съ братомъ, бывало, всякій разъ украдкой крестились, когда насъ звали къ нему. Иногда мой отецъ принимался меня ласкать, но даже въ его объятіяхъ я, помнится, вся замирала. Братъ мой выросъ, и вы, можетъ-быть, слышали объ его разрывѣ съ отцомъ... Я никогда не забуду этого страшнаго дня... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью... онъ называлъ меня своимъ утѣшеніемъ, своей Антигоной... (онъ ослѣпъ въ послѣдніе годы своей жизни); но самыя его нѣжныя ласки не могли изгладить во мнѣ первыя впечатлѣнія моей молодости... Я боялась его, слѣпнаго старика, и никогда въ его присутствіи не чувствовала себя свободной... Слѣды этой робости, этого долгаго принужденія, можетъ-быть, до сихъ поръ не исчезли совершенно... я знаю, я съ перваго взгляда кажусь... какъ это сказать?... холодной, что ли... Но я замѣчаю, что я рассказываю вамъ о самой себѣ, вмѣсто того, чтобы говорить вамъ о Колѣ. Я только хотѣла сказать, что я по

собственному опыту знаю, какъ хорошо ребенку расти на волѣ... Вотъ васъ, я думаю, въ дѣтствѣ не стѣсняли, не правда ли?

Бѣляевъ.

Какъ вамъ сказать-съ... Меня, конечно, никто не стѣснялъ... мной никто не занимался.

Наталья Петровна (*робко*).

А вашъ батюшка развѣ...

Бѣляевъ.

Ему было не до того-съ. Онъ все больше по сосѣдямъ ѣздилъ... по дѣламъ-съ. Или хотя и не по дѣламъ, а... Онъ черезъ нихъ, можно сказать, хлѣбъ свой добывалъ. Черезъ свои услуги.

Наталья Петровна.

А! И такъ-таки никто не занимался вашимъ воспита-
ніемъ?

Бѣляевъ.

По правдѣ сказать, никто. Впрочемъ, оно, должно-быть, замѣтно. Я слишкомъ хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна.

Можетъ-быть... но за то... (*Останавливается и продолжаетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ*). Ахъ, кстати, Алексѣй Николаичъ, это вы вчера въ саду пѣли?

Бѣляевъ.

Когда-съ?

Наталья Петровна.

Вечеромъ, возлѣ пруда, вы?

Бѣляевъ.

Я-съ. (*Поспѣшно*). Я не думалъ... прудъ отсюда такъ далеко... Я не думалъ, чтобы здѣсь можно было слы-
шать...

Наталья Петровна.

Да вы какъ будто извиняетесь? У васъ очень пріятный, звонкій голосъ, и вы такъ хорошо поете. Вы учились музыкѣ?

Бѣляевъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Я по наслышкѣ пою-съ... однѣ про-
стыя пѣсни.

Наталья Петровна.

Вы ихъ прекрасно поете... Я васъ когда-нибудь попрошу... не теперь, а вотъ, когда мы съ вами больше познакомимся, когда мы сблизимся съ вами... вѣдь, не правда ли, Алексѣй Николаичъ, мы съ вами сблизимся! Я чувствую къ вамъ довѣріе, моя болтовня вамъ это можетъ доказать... *(Она протягиваетъ ему руку для того, чтобы онъ ее пожалъ. Бѣляевъ нерѣшительно беретъ ее и послѣ нѣкотораго недоумѣнія, не зная, что дѣлать съ этой рукой, цѣлуетъ ее. Наталья Петровна краснѣетъ и отнимаетъ у него руку. Въ это время изъ залы входитъ Шпигельскій, останавливается и дѣлаетъ шагъ назадъ. Наталья Петровна быстро встаетъ, Бѣляевъ тоже).*

Наталья Петровна *(съ смущеніемъ)*.

А, это вы, докторъ... а мы вотъ здѣсь съ Алексѣемъ Николаичемъ... *(Останавливается)*.

Шпигельскій *(громко и развязно)*.

Вообразите себѣ, Наталья Петровна, какія дѣла у васъ происходятъ. Вхожу я въ людскую, спрашиваю больного кучера; глядь, а мой больной сидитъ за столомъ и въ обѣщѣки уписываетъ блинъ съ лукомъ. Вотъ, послѣ этого и занимайся медициной, надѣйся на болѣзнь, да на безобидные доходы!

Наталья Петровна *(принужденно улыбаясь)*.

А! въ самомъ дѣлѣ... *(Бѣляевъ хочетъ уйти)*. Алексѣй Николаичъ, я забыла вамъ сказать...

Вѣра *(вбѣгая изъ залы)*.

Алексѣй Николаичъ! Алексѣй Николаичъ! *(Она вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны)*.

Наталья Петровна *(съ нѣкоторымъ удивленіемъ)*.

Что такое? Что тебѣ надобно?

Вѣра *(краснѣя и потупя глаза, указываетъ на Бѣлева)*. Ихъ зовутъ.

Наталья Петровна.

Кто?

Вѣра.

Коля... то-есть, Коля меня просилъ насчетъ змѣя...

Наталья Петровна.

А! (*Вполголоса Вѣра*). On n'entre pas comme cela dans une chambre... Cela ne convient pas. (*Обращаясь къ Шпигельскому*). Да, который часъ, докторъ! У васъ всегда вѣрные часы... Пора обѣдать.

Шпигельскій.

А, вотъ, позвольте. (*Вынимаетъ часы изъ кармана*). Теперь-съ... теперь-съ, доложу вамъ — пятаго двадцать минутъ.

Наталья Петровна.

Вотъ, видите. Пора. (*Подходитъ къ зеркалу и поправляетъ себѣ волосы. Между тѣмъ Вѣра шепчетъ что-то Бѣляеву. Оба смѣются. Наталья Петровна ихъ видитъ въ зеркалѣ. Шпигельскій сбоку поглядываетъ на нее*).

Бѣляевъ (*смѣясь вполголоса*).

Неужели?

Вѣра (*кивая головой, тоже вполголоса*).

Да, да, такъ и упала.

Наталья Петровна (*съ притворнымъ равнодушіемъ оборачиваясь къ Вѣрѣ*).

Что такое? кто упалъ?

Вѣра (*съ смущеніемъ*).

Нѣтъ-съ... тамъ качели Алексѣй Николаичъ устроилъ, такъ нянюшка, вотъ, вздумала...

Наталья Петровна (*не дожидаясь конца отвѣта, къ Шпигельскому*).

Ахъ, кстати, Шпигельскій, подите-ка сюда... (*Отводитъ его въ сторону и обращается опять къ Вѣрѣ*). Она не ушиблась?

Вѣра.

О, нѣтъ-съ!

Наталья Петровна.

Да... а все-таки, Алексѣй Николаичъ, это вы напрасно...

Матвѣй (*входитъ изъ залы и докладываетъ*).

Кушанье готово-съ.

Наталья Петровна.

А! Да гдѣ жъ Аркадій Сергѣичъ? Вотъ, они опять опоздають съ Михайломъ Александровичемъ.

Матвѣй.

Они ужъ въ столовой-съ.

Наталья Петровна.

А маменька?

Матвѣй.

Въ столовой и онѣ-съ.

Наталья Петровна.

А! ну, такъ пойдѣмте. (*Указывая на Бѣляева*). Вѣра, allez en avant avec monsieur.

(*Матвей выходитъ, за нимъ идутъ Бѣляевъ и Вѣра*).

Шпигельскій (*Натальѣ Петровнѣ*).

Вы мнѣ что-то хотѣли сказать?

Наталья Петровна.

Ахъ, да! Точно... Вотъ, видите ли... Мы еще съ вами поговоримъ о... о вашемъ предложеніи.

Шпигельскій.

Насчетъ... Вѣры Александровны?

Наталья Петровна.

Да. Я подумаю... я подумаю.

(*Оба уходятъ въ залу*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ. Направо и налево, подъ деревьями, скамейки; прямо малинникъ. Входятъ справа Катя и Матвѣй. У Кати въ рукахъ корзинка.

Матвѣй.

Такъ какъ же, Катерина Васильевна? Извольте, наконецъ, объясниться, убѣдительно васъ прошу.

Катя.

Матвѣй Егорычъ, я, право...

Матвѣй.

Вамъ, Катерина Васильевна, слишкомъ хорошо извѣстно, какъ, то-есть, я къ вамъ расположенъ. Конечно, я старше васъ лѣтами: объ этомъ, точно, спорить нельзя; но, все-таки, я еще постою за себя, я еще въ самомъ прыску-съ. Права я тоже, какъ вы изволите знать, кроткаго; кажется, чего еще?

Катя.

Матвѣй Егорычъ, повѣрьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвѣй Егорычъ... Да вотъ... Подождать, я думаю, надо.

Матвѣй.

Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вамъ замѣтить, вы этого не говорили-съ. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя, то-есть, поручиться. Такое уваженіе получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притомъ я человѣкъ непіющій, ну, и отъ господъ тоже худого слова не слыхалъ.

Катя.

Право, Матвѣй Егорычъ, я не знаю, что мнѣ вамъ сказать...

Матвѣй.

Эхъ, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-съ...

Катя (*слегка покраснѣвъ*).

Какъ недавно? Отчего недавно?

Матвѣй.

Да ужъ я не знаю-съ... а только прежде вы... вы со мной прежде иначе изволили поступать.

Катя (*глянувъ въ кулисы торопливо*).

Берегитесь... Нѣмецъ идетъ.

Матвѣй (*съ досадой*).

А ну его, долгоносаго журавля!.. А съ вами еще поговорю-съ. (*Уходитъ направо. Катя тоже хочетъ идти въ малинникъ. Входитъ слѣва Шаафъ, съ удочкой на плечъ*).

Шаафъ (*вслѣдъ Катѣ*).

Кутà? кутà, Катеринъ?

Катя (*останавливаясь*).

Памъ малины велѣно набрать, Адамъ Ивановичъ.

Шаафъ.

Малинъ?... малинъ прятный фруктъ. Фи любить малинъ?

Катя.

Да, люблю.

Шаафъ.

Хе, хе!.. И я... и я тоже. И фзѣ люблю, что фи любить. (*Видя, что она хочетъ уйти*). О, Катеринъ, ботождить немножко.

Катя.

Да некогда-съ... Ключница браниться будетъ.

Шаафъ.

Э! ничефо. Фоть и я иту... (*Указывая на уду*). Какъ это скасать, рибить, фи понимайтъ, рибить, то-исъ рибъ брать. Фи любить? рибъ?

Катя.

Да-съ.

Шаафъ.

Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вамъ зкажу, Катеринъ... По-нѣмецки есть бѣзенка: (*поетъ*) Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb' ich dich so sehr!.. то-исъ, по-русски: О, Катринушка, Катринушка, фи карошъ, я тѣбѣя люблю. (*Хочетъ обнять ее одной рукой*).

Катя.

Полноте, полноте, какъ вамъ не стыдно... Господа вонъ идуть! (*Спасается въ малинникъ*).

Шаафъ (*принимая суровый видъ, вполголоса*).

Das ist dumm...

(*Входитъ справа Наталья Петровна, подъ руку съ Раки-
тинымъ.*)

Наталья Петровна (*Шаафу*).

А! Адамъ Иванычъ! вы идете рыбу удить?

Шаафъ.

Дѣчно дакъ-съ.

Наталья Петровна.

А гдѣ Коля?

Шаафъ.

Зъ Лисафетъ Богдановнѣ... урокъ на фортепіано...

Наталья Петроена.

А! (*Оглядываясь*). Вы здѣсь одни?

Шаафъ.

Атинъ-съ.

Наталья Петровна.

Вы не видали Алексѣя Николаича?

Шаафъ.

Никакъ нѣтъ.

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Мы съ вами пойдемъ, Адамъ Ивановичъ, хотите? посмотримъ, какъ-то вы рыбу ловите?

Шаафъ.

Я одшень радъ.

Ракитинъ (*вполголоса Наталья Петровна*).

Что за охота!

Наталья Петровна (*Ракитину*).

Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux... (*Всѣ трое уходятъ направо*).

Катя (*осторожно выставляя голову изъ малинника*).

Ушли... (*Выходитъ, немного останавливается и задумывается*). Вишь, нѣмецъ!.. (*Вздыхаетъ и опять принимается рвать малину, напѣвая вполголоса*).

Не огонь горитъ, не смола кипитъ.

А кипитъ-горитъ ретиво сердце...

А Матвѣй Егорычъ-то правъ! (*Продолжая напѣвать*):

А кипитъ-горитъ ретиво сердце

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ...

Крупная какая малина... (*Продолжая напѣвать*):

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ.

Экая жара! Даже душно... (*Продолжая напѣвать*):

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ.

А кипитъ-горитъ по...

(*Вдругъ оглядывается; умолкаетъ и до половины прячется за кустъ. Слѣва входятъ Бѣляевъ и Бѣрочка; у Бѣляева въ рукахъ змѣй.*)

Бѣляевъ (*проходя мимо малинника, Катя*).

Что жъ ты перестала, Катя? (*Поетъ*):

А кипитъ-горитъ по красной дѣвицѣ...

Катя (*краснѣя*).

У насъ она не такъ поется.

Бѣляевъ.

А какъ же? *(Катя смѣется и не отвѣчаетъ)*. Что это ты, малину собираешь? Дай-ка отвѣдать.

Катя *(отдавая ему корзинку)*.

Возьмите все...

Бѣляевъ.

Зачѣмъ все... Вѣра Александровна, хотите? *(Вѣра беретъ изъ корзинки и онъ беретъ)*. Ну, вотъ, и довольно. *(Хочетъ отдать корзинку Катю)*.

Катя *(отталкивая его руку)*.

Да возьмите все, возьмите.

Бѣляевъ.

Нѣтъ, спасибо, Катя. *(Отдаетъ ей корзинку)*. Спасибо. *(Вѣра)*. Вѣра Александровна, сядемте-ка на скамейку. Вотъ *(указывая на змѣю)*, нужно ему хвостъ привязать. Вы мнѣ помогите. *(Оба идутъ и садятся на скамейку. Бѣляевъ даетъ ей змѣю въ руки)*. Вотъ такъ. Смотрите же, держите прямо. *(Начинаетъ привязывать хвостъ)*. Что же вы?

Вѣра.

Да этакъ я васъ не вижу.

Бѣляевъ.

Да на что жъ вамъ меня видѣть?

Вѣра.

То-есть, я хочу видѣть, какъ вы привязываете хвостъ.

Бѣляевъ.

А! ну, постойте. *(Устраиваетъ такъ змѣю, что ей можно его видѣть)*. Катя, что жъ ты не поешь? Пой. *(Спустя немного, Катя начинаетъ напѣвать вполголоса)*.

Вѣра.

Скажите, Алексѣй Николаичъ, вы въ Москвѣ тоже иногда пускали змѣя?

Бѣляевъ.

Не до змѣевъ въ Москвѣ! Подержите-ка веревку... вотъ такъ. Вы думаете, намъ въ Москвѣ другого нечего дѣлать?

Вѣра.

Что жъ вы дѣлаете въ Москвѣ?

Бѣляевъ.

Какъ что? мы учимся, профессоровъ слушаемъ.

Вѣра.

Чему же васъ учать?

Бѣляевъ.

Всему.

Вѣра.

Вы, должно-быть, очень хорошо учитесь. Лучше всѣхъ другихъ.

Бѣляевъ.

Нѣтъ, не очень хорошо. Какое лучше всѣхъ! Я лѣнивъ.

Вѣра.

Зачѣмъ же вы лѣнитесь?

Бѣляевъ.

А Богъ знаетъ! Такимъ ужъ, видно, родился.

Вѣра (помолчавъ).

Что, у васъ есть друзья въ Москвѣ?

Бѣляевъ.

Какъ же... Эхъ, эта веревка не довольно крѣпка.

Вѣра.

И вы ихъ любите?

Бѣляевъ.

Еще бы!.. Вы развѣ не любите вашихъ друзей?

Вѣра.

Друзей... У меня нѣтъ друзей.

Бѣляевъ.

То-есть, я хотѣлъ сказать, вашихъ пріятельницъ.

Вѣра (медленно).

Да.

Бѣляевъ.

Вѣдь у васъ есть пріятельницы?..

Вѣра.

Да... только я не знаю, отчего... я съ нѣкоторыхъ поръ что-то мало объ нихъ думаю... даже Лизѣ Мошниной не отвѣчала, а ужъ она какъ меня просила въ своемъ письмѣ.

Бѣляевъ.

Какъ же это вы говорите, у васъ нѣтъ друзей... а я-то что?

Вѣра (*съ улыбкой*).

Ну, вы... Вы другое дѣло. (*Помолчавъ*). Алексѣй Николаичъ!

Бѣляевъ.

Что?

Вѣра.

Вы пишете стихи?

Бѣляевъ.

Нѣтъ. А что?

Вѣра.

Такъ. (*Помолчавъ*). У насъ въ пансіонѣ одна барышня писала стихи.

Бѣляевъ (*затягиваетъ зубами узелъ*).

Вотъ какъ! и хорошіе?

Вѣра.

Я не знаю. Она намъ ихъ читала, а мы плакали.

Бѣляевъ.

Отчего же вы плакали?

Вѣра.

Отъ жалости. Такъ ее было жаль намъ!

Бѣляевъ.

Вы воспитывались въ Москвѣ?

Вѣра.

Въ Москвѣ, у г-жи Болюсъ. Наталья Петровна меня оттуда въ прошломъ году взяла.

Бѣляевъ.

Вы любите Наталью Петровну?

Вѣра.

Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

Бѣляевъ (*съ усмѣшкой*).

И, чай, боитесь ея?

Вѣра (*тоже съ усмѣшкой*).

Немного.

Бѣляевъ (*помолчавъ*).

А кто васъ въ пансіонѣ помѣстилъ?

Вѣра.

Натали Петровны матушка покойница. Я у нея въ домѣ выросла. Я сирота.

Бѣляевъ (*опустивъ руки*).

Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

Вѣра.

Нѣтъ.

Бѣляевъ.

И у меня мать умерла. Мы оба съ вами сироты. Что жъ дѣлать! Унывать намъ все-таки не слѣдуетъ.

Вѣра.

Говорятъ, сироты межъ собою скоро дружатся.

Бѣляевъ (*глядя ей въ глаза*).

Въ самомъ дѣлѣ? А вы какъ думаете?

Вѣра (*тоже глядя ему въ глаза, съ улыбкой*).

Я думаю, что скоро.

Бѣляевъ (*смѣется и снова принимается за змѣй*).

Хотѣлъ бы я знать, сколько ужъ я времени въ здѣшнихъ мѣстахъ?

Вѣра.

Сегодня двадцать-восьмой день.

Бѣляевъ.

Какая у васъ память! Ну, вотъ и конченъ змѣй. Посмотрите, каковъ хвостъ! Надо за Колей сходить.

Катя (*подходя къ нимъ съ корзинкой*).

Хотите еще малины?

Бѣляевъ.

Нѣтъ, спасибо, Катя. (*Катя молча отходитъ*).

Вѣра.

Коля—съ Лизаветой Богдановной.

Бѣляевъ.

И охота же въ такую погоду ребенка въ комнатѣ держать!

Вѣра.

Лизавета Богдановна намъ бы только мѣшала...

Бѣляевъ.

Да я не объ ней говорю...

Вѣра (*поспѣшно*).

Коля безъ нея не могъ бы съ нами пойти... Впрочемъ, она вчера объ васъ съ большой похвалой отзывалась.

Бѣляевъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Вѣра.

Вамъ она не нравится?

Бѣляевъ.

Ну ее! Пусть себѣ табакъ нюхаетъ на здоровье!.. Зачѣмъ вы вздыхаете?

Вѣра (*помолчавъ*).

Такъ. Какъ небо ясно!

Бѣляевъ.

Такъ вы отъ этого вздыхаете? (*Молчаніе*). Вамъ, можетъ-быть, скучно?

Вѣра.

Мнѣ скучно? Нѣтъ! Я никогда сама не знаю, о чемъ я вздыхаю... Мнѣ вовсе не скучно. Напротивъ... (*Помолчавъ*). Я не знаю... я, должно-быть, не совсѣмъ здорова. Вчера я шла навѣрхъ за книжкой — и вдругъ на лѣстницѣ, вообразите, вдругъ сѣла на ступеньку и заплакала... Богъ знаетъ, отчего, и потомъ долго все слезы на вертывались... Что такое это значитъ? А между тѣмъ, мнѣ хорошо...

Бѣляевъ.

Это отъ роста. Вы растете. Это бываетъ... То-то, у васъ вчера вечеромъ глаза какъ будто распухли.

Вѣра.

А вы замѣтили?

Бѣляевъ.

Какъ же.

Вѣра.

Вы все замѣчаете.

Бѣляевъ.

Ну, нѣтъ... не все.

Вѣра (*задумчиво*).

Алексѣй Николаичъ...

Бѣляевъ.

Что?

Вѣра (*помолчавъ*).

Что, бишь, я хотѣла спросить у васъ? Я забыла, право, что я хотѣла спросить.

Бѣляевъ.

Вы такъ разсѣяны!

Вѣра.

Нѣтъ... но... ахъ, да! Вотъ что я хотѣла спросить. Вы мнѣ, кажется, сказывали—у васъ есть сестра?

Бѣляевъ.

Есть.

Вѣра.

Скажите—похожа я на нее?

Бѣляевъ.

О, нѣтъ. Вы гораздо лучше ея.

Вѣра.

Какъ это можно! Ваша сестра... я бы желала быть на ея мѣстѣ.

Бѣляевъ.

Какъ? вы желали бы быть теперь въ нашемъ домишкѣ?

Вѣра.

Я не то хотѣла сказать... У васъ развѣ домикъ маленький?

Бѣляевъ.

Очень маленький... Не то, что здѣсь.

Вѣра.

Да и на что такъ много комнатъ?

Бѣляевъ.

Какъ, на что? вотъ, вы современемъ узнаете, на что нужны комнаты.

Вѣра.

Современемъ... Когда?

Бѣляевъ.

Когда вы сами станете хозяйкой...

Вѣра (*задумчиво*).

Вы думаете?

Бѣляевъ.

Вотъ, вы увидите. (*Помолчавъ.*) Такъ что жъ, сходить за Колей, Вѣра Александровна... а?

Вѣра.

Отчего вы меня не зовете Вѣрочкой?

Бѣляевъ.

А вы меня развѣ можете называть Алексѣемъ?..

Вѣра.

Отчего же... (*Вдругъ вздрагивая.*) Ахъ!

Бѣляевъ.

Что такое?

Вѣра (*вполголоса*).

Наталья Петровна сюда идетъ.

Бѣляевъ (*тоже вполголоса*).

Гдѣ?

Вѣра (*указывая головой*).

Вонъ—по дорожкѣ, съ Михайломъ Александрычемъ.

Бѣляевъ (*вставая*).

Пойдемте къ Колѣ... Онъ, должно-быть, ужъ окончилъ свой урокъ.

Вѣра.

Пойдемте... а то, я боюсь, она меня бранить будетъ... (*Оба встаютъ и быстро уходятъ нальво. Катя опять прячется въ малинникъ. Справа входятъ Наталья Петровна и Ракитинъ.*)

Наталья Петровна (*останавливаясь*).

Это, кажется, господинъ Бѣляевъ уходитъ съ Вѣрочкой?

Ракитинъ.

Да, это они...

Наталья Петровна.

Они, какъ будто, отъ насъ убѣгаютъ.

Ракитинъ.

Можетъ-быть.

Наталья Петровна (*помолчавъ*)

Однако, я не думаю, чтобы Вѣрочкѣ слѣдовало... этакъ, наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, въ саду... Конечно, она дитя; но, все-таки, это неприлично... Я ей скажу.

Ракитинъ.

Сколько ей лѣтъ?

Наталья Петровна.

Семнадцать! Ей уже семнадцать лѣтъ... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. *(Оба садятся на скамейку, на которой сидѣли Вѣра и Бѣляевъ)*. Шпигельскій уѣхалъ?

Ракитинъ.

Уѣхалъ.

Наталья Петровна.

Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачѣмъ этому человѣку вздумалось сдѣлаться уѣзднымъ докторомъ... Онъ очень забавенъ. Онъ меня смѣшитъ.

Ракитинъ.

А я такъ вообразилъ, что вы сегодня не въ духѣ смѣяться.

Наталья Петровна.

Почему вы это думали?

Ракитинъ.

Такъ!

Наталья Петровна.

Потому что мнѣ сегодня все чувствительное не нравится? О, да! предупреждаю васъ, сегодня рѣшительно ничего не въ состояніи меня тронуть. — Но это не мѣшаетъ мнѣ смѣяться, напротивъ. Притомъ, мнѣ нужно было съ Шпигельскимъ переговорить.

Ракитинъ.

Можно узнать—о чемъ?

Наталья Петровна.

Нѣтъ, нельзя. Вы и безъ того все знаете, что я думаю, что я дѣлаю... Это скучно.

Ракитинъ.

Извините меня... Я не предполагалъ...

Наталья Петровна.

Мнѣ хочется хоть что-нибудь скрыть отъ васъ.

Ракитинъ.

Помилуйте! изъ вашихъ словъ можно заключить, что мнѣ все извѣстно...

Наталья Петровна (*перебивая его*).

А будто нѣтъ?

Ракитинъ.

Вамъ угодно смѣяться надо мной.

Наталья Петровна.

Такъ вамъ, точно, не все извѣстно, что во мнѣ происходитъ? Въ такомъ случаѣ, я васъ не поздравляю. Какъ? человѣкъ наблюдаетъ за мной съ утра до вечера...

Ракитинъ.

Что это, упрекъ?

Наталья Петровна.

Упрекъ? (*Помолчавъ*). Нѣтъ, я теперь, точно вижу: вы не проникательны.

Ракитинъ.

Можетъ-быть... но такъ какъ я наблюдаю за вами съ утра до вечера, то позвольте мнѣ сообщить вамъ одно замѣчаніе...

Наталья Петровна.

На мой счетъ? Сдѣлайте одолженіе.

Ракитинъ.

Вы на меня не разсердитесь?

Наталья Петровна.

Ахъ, нѣтъ! Я бы хотѣла, да нѣтъ.

Ракитинъ.

Вы съ нѣкоторыхъ поръ, Наталья Петровна, находитесь въ какомъ-то постоянно раздраженномъ состояніи, и это раздраженіе въ васъ невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами съ собою, словно недоумѣваете. Передъ моей поѣздкой къ Криницынымъ я этого не замѣчалъ; это въ васъ недавно. (*Наталья Петровна чертитъ зонтикомъ передъ собой*). Вы иногда такъ глубоко вздыхаете... вотъ, какъ усталый, очень усталый человѣкъ вздыхаетъ, которому никакъ не удастся отдохнуть.

Наталья Петровна.

Что жъ вы изъ этого заключаете, господинъ наблюдатель?

Ракитинъ.

Я? ничего... Но меня это беспокоитъ.

Наталья Петровна.

Покорно благодарю за участіе.

Ракитинъ.

И притомъ...

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ*).
Пожалуйста, перемѣните разговоръ. (*Молчаніе*).

Ракитинъ.

Вы никуда не намѣрены выѣхать сегодня?

Наталья Петровна.

Нѣтъ.

Ракитинъ.

Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна.

Лѣнь. (*Молчаніе*). Скажите мнѣ... вѣдь вы знаете
Большинцова?

Ракитинъ.

Нашего сосѣда, Аѳанасья Иваныча?

Наталья Петровна.

Да.

Ракитинъ.

Что за вопросъ? Не далѣе, какъ третьяго-дня, мы съ
нимъ у васъ играли въ преферансъ.

Наталья Петровна.

Что онъ за человѣкъ, желаю я знать.

Ракитинъ.

Большинцовъ?

Наталья Петровна.

Да, да, Большинцовъ.

Ракитинъ.

Вотъ, ужъ этого я, признаться, никакъ не ожидалъ!

Наталья Петровна (*съ нетерпѣніемъ*).

Чего вы не ожидали?

Ракитинъ.

Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большин-
цовѣ! Глупый, толстый, тяжелый человѣкъ—а впрочемъ,
узнаю ничего о немъ сказать нельзя.

Наталья Петровна.

Онъ совсѣмъ не такъ глупъ и не такъ тяжелъ, какъ вы думаете.

Ракитинъ.

Можетъ-быть. Я, признаюсь, не слишкомъ внимательно изучалъ этого господина.

Наталья Петровна (*иронически*).

Вы за нимъ не наблюдали?

Ракитинъ (*принужденно улыбается*).

И съ чего вамъ вздумалось...

Наталья Петровна.

Такъ! (*Опять молчаніе*).

Ракитинъ.

Посмотрите, Наталья Петровна, какъ хорошъ этотъ темно-зеленый дубъ на темно-синемъ небѣ. Онъ весь затопленъ лучами солнца, и что за могучія краски... Сколько въ немъ несокрушимой жизни и силы, особенно, когда вы его сравните съ этой молоденькой березой... Она словно вся готова исчезнуть въ сіяніи; ея мелкіе листочки блестятъ какимъ-то жидкимъ блескомъ, какъ будто таютъ, а между тѣмъ, и она хороша...

Наталья Петровна.

Знаете ли, чтò, Ракитинъ? Я уже давно это замѣтила... Вы очень тонко чувствуете такъ-называемыя красоты природы, и очень изящно, очень умно говорите объ нихъ... такъ изящно, такъ умно, что, я воображаю, природа должна быть вамъ несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливыя выраженія; вы волочитесь за ней, какъ раздушенный маркизь на красныхъ каблучкахъ за хорошенькой крестьянкой... Только вотъ въ чемъ бѣда: мнѣ иногда кажется, что она никакъ бы не могла понять, оцѣнить вашихъ тонкихъ замѣчаній, точно такъ же, какъ крестьянка не поняла бы придворныхъ учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубѣе, чѣмъ вы предполагаете, потому что она, слава Богу, здорова... Березы не таютъ и не падаютъ въ обморокъ, какъ нервическія дамы.

Ракитинъ.

Quelle tirade! Природа здорова... то-есть, другими словами, я болѣзненное существо.

Наталья Петровна.

Не вы одни болѣзненное существо, оба мы съ вами не слишкомъ здоровы.

Ракитинъ.

О, мнѣ извѣстенъ также этотъ способъ говорить другому самымъ безобиднымъ образомъ самыя непріятныя вещи... Вмѣсто того, чтобы сказать ему, напимѣръ, прямо въ лицо: ты, братецъ, глупъ, стоить только замѣтить ему съ добродушной улыбкой: мы вѣдь, дескать, оба съ вами глупы.

Наталья Петровна.

Вы обижаетесь? Полноте, что за вздоръ! Я только хотѣла сказать, что мы оба съ вами... слово: болѣзненный—вамъ не нравится... что мы оба стары, очень стары.

Ракитинъ.

Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

Наталья Петровна.

Ну, однако, послушайте; вотъ, мы съ вами теперь сидимъ здѣсь... можетъ-быть, на этой же самой скамейкѣ, за четверть часа до насъ, сидѣли... два точно молодыхъ существа.

Ракитинъ.

Бѣляевъ и Вѣрочка? Конечно, они моложе насъ... между нами нѣсколько лѣтъ разницы, вотъ и все... Но мы отъ этого еще не старики.

Наталья Петровна.

Между нами разница не въ однихъ лѣтахъ.

Ракитинъ.

А! я понимаю... Вы завидуете ихъ... naïveté, ихъ свѣжести, невинности... словомъ, ихъ глупости...

Наталья Петровна.

Вы думаете? А! вы думаете, что они глупы? у васъ, я вижу, всѣ глупы сегодня. Нѣтъ, вы меня не понимаете. Да и притомъ... глупы! Что за бѣда? Что хорошаго въ

умѣ, когда онъ не забавляетъ!.. Ничего нѣтъ утомительнѣе невеселаго ума.

Ракитинъ.

Гм... Отчего вы не хотите говорить прямо, безъ обиняковъ? я васъ не забавляю — вотъ, что вы хотите сказать... Къ чему вы умъ вообще за меня грѣшнаго заставляете страдать?

Наталья Петровна.

Это вы все не то... (*Катя выходитъ изъ малинника*).
Что это, ты малины набрала, Катя?

Катя.

Точно такъ-съ.

Наталья Петровна.

Покажи-ка... (*Катя подходитъ къ ней*). Славная малина! Какая алая... а твои щеки еще алѣй. (*Катя улыбается и потупляетъ глаза*). Ну, ступай. (*Катя уходитъ*).

Ракитинъ.

Вотъ еще молодое существо въ вашемъ вкусѣ.

Наталья Петровна.

Конечно. (*Встаетъ*).

Ракитинъ.

Куда вы?

Наталья Петровна.

Во-первыхъ, я хочу посмотрѣть, что дѣлаетъ Вѣрочка... Пора ей домой... а во-вторыхъ, признаюсь, нашъ разговоръ что-то мнѣ не нравится. Лучше на нѣкоторое время прекратить наши разсужденія о природѣ и молодости.

Ракитинъ.

Вамъ, можетъ-быть, угодно гулять одной?

Наталья Петровна.

По правдѣ сказать, да. Мы увидимся скоро... Впрочемъ, мы расстаемся друзьями? (*Протягиваетъ ему руку*).

Ракитинъ (*вставая*).

Еще бы! (*Жметъ ей руку*).

Наталья Петровна.

До свиданья. (*Она раскрываетъ зонтикъ и уходитъ нальво*).

Ракитинъ (*ходитъ нѣкоторое время взадъ и впередъ*).

Что съ ней? (*Помолчавъ*). Такъ! капризь. Капризь? Прежде я этого въ ней не замѣчалъ. Напротивъ, я не знаю женщины, болѣе ровной въ обхожденіи. Какая причина?.. (*Ходитъ опять и вдругъ останавливается*). Ахъ, какъ смѣшны люди, у которыхъ одна мысль въ головѣ, одна цѣль, одно занятіе въ жизни... Вотъ, какъ я, на-примѣръ. Она правду сказала: съ утра до вечера наблюдаешь мелочи, и самъ становишься мелкимъ... Все такъ; но безъ нея я жить не могу, въ ея присутствіи я болѣе чѣмъ счастливъ; этого чувства нельзя назвать счастьемъ, я весь принадлежу ей, разстаться съ нею мнѣ было бы, безъ всякаго преувеличенія, точно то же, что разстаться съ жизнію. Что съ ней? Что значить эта внутренняя тревога, эта невольная ѣдкость рѣчи? Не начинаю ли я надоѣдать ей? Г-мъ. (*Садится*). Я никогда себя не обманывалъ; я очень хорошо знаю, какъ она меня любитъ; но я надѣялся, что это спокойное чувство современемъ... Я надѣялся! Развѣ я въ правѣ, развѣ я смѣю надѣяться? Признаюсь, мое положеніе довольно смѣшно... почти презрительно. (*Помолчавъ*). Ну, къ чему такія слова? Она честная женщина, а я не ловеласъ. (*Съ горькой усмѣшкой*). Къ сожалѣнію. (*Быстро поднимаясь*). Ну, полно! Вонъ весь этотъ вздоръ изъ головы! (*Прохаживаясь*). Какой сегодня прекрасный день! (*Помолчавъ*). Какъ она ловко уязвила меня... Мои „изысканно-счастливыя“ выраженія... Она очень умна, особенно когда не въ духѣ. И что за внезапное поклоненіе простотѣ и невинности?.. Этотъ русскій учитель... Она мнѣ часто говоритъ о немъ. Признаюсь, я въ немъ ничего особеннаго не вижу. Просто, студентъ, какъ всѣ студенты. Неужели она... Быть не можетъ! Она не въ духѣ... сама не знаетъ, чего ей хочется, и вотъ, царапаетъ меня. Бьютъ же дѣти свою няню... Какое лестное сравненіе! Но не надобно мѣшать ей. Когда этотъ припадокъ тоскливаго безпокойства пройдетъ, она сама первая будетъ смѣяться надъ этимъ долговязымъ птенцомъ, надъ этимъ свѣжимъ юношей... Объясненіе ваше не дурно, Михайло Александрычъ, другъ мой, да

вѣрно ли оно? А Господь вѣдаетъ! Вотъ, увидимъ. Ужъ не разъ случалось вамъ, мой любезнѣйшій, послѣ долгой возни съ самимъ собою, отказаться вдругъ отъ всѣхъ предположеній и соображеній, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будетъ. А пока, сознайтесь, вамъ самимъ порядочно неловко и горько... Таково уже ваше ремесло... (*Оглядывается*). А! да вотъ и онъ самъ, нашъ непосредственный юноша... Кстати пожаловалъ... Я съ нимъ еще ни разу не поговорилъ, какъ слѣдуетъ. Посмотримъ, что за человѣкъ. (*Слѣва входитъ Бѣляевъ*). А, Алексѣй Николаичъ! И вы вышли погулять на свѣжій воздухъ?

Бѣляевъ.

Да-съ.

Ракитинъ.

То-есть, признаться, воздухъ сегодня не совсѣмъ свѣжъ: жара страшная, но здѣсь, подъ этими липами, въ тѣни, довольно сносно. (*Помолчавъ*). Видѣли вы Наталью Петровну?

Бѣляевъ.

Я сейчасъ ихъ встрѣтилъ... Онѣ съ Вѣрой Александровной въ домъ пошли.

Ракитинъ.

Да ужъ это не васъ ли я съ Вѣрой Александровной здѣсь видѣлъ, съ полчаса тому назадъ?

Бѣляевъ.

Да-съ... Я съ ней гулялъ.

Ракитинъ.

А! (*Беретъ его подъ руку*). Ну, какъ вамъ нравится жизнь въ деревнѣ?

Бѣляевъ.

Я люблю деревню. Одна бѣда: здѣсь охота плохая.

Ракитинъ.

А вы охотникъ?

Бѣляевъ.

Да-съ... А вы?

Ракитинъ.

Я? нѣтъ; я, признаться, плохой стрѣлокъ. Я слишкомъ лѣнивъ.

Бѣляевъ.

Да и я лѣнивъ... только не ходить.

Ракитинъ.

А! Что жъ вы—читать лѣнivy?

Бѣляевъ.

Нѣтъ, я люблю читать. Мнѣ лѣнь долго работать; особенно однимъ и тѣмъ же предметомъ заниматься мнѣ лѣнь.

Ракитинъ (*улыбаясь*).

Ну, а напримѣръ, съ дамами разговаривать?

Бѣляевъ.

Э! да вы надо мной смѣтаетесь... Дамъ я больше боюсь.

Ракитинъ (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Съ чего вы вздумали... съ какой стати стану я надъ вами смѣяться?

Бѣляевъ.

Да такъ... что за бѣда! (*Помолчавъ*). Скажите, гдѣ здѣсь можно достать пороху?

Ракитинъ.

Да въ городѣ, я думаю; онъ тамъ продается подъ именемъ мака. Вамъ нужно хорошаго?

Бѣляевъ.

Нѣтъ; хотъ винтовочнаго. Мнѣ не стрѣлять, мнѣ фейерверки дѣлать.

Ракитинъ.

А! вы умѣете...

Бѣляевъ.

Умѣю. Я уже выбралъ мѣсто: за прудомъ. Я слышалъ, черезъ недѣлю именины Натальи Петровны; такъ вотъ бы, кстати.

Ракитинъ.

Натальѣ Петровнѣ будетъ очень пріятно такое вниманіе съ вашей стороны... Вы ей нравитесь, Алексѣй Николаичъ, скажу вамъ.

Бѣляевъ.

Мнѣ это очень лестно... Ахъ, кстати, Михайло Александрычъ, вы, кажется, получаете журналъ. Можете вы мнѣ дать почитать?

Ракитинъ.

Извольте, съ удовольствіемъ... Тамъ есть хорошіе стихи.

Бѣляевъ.

Я до стиховъ не охотникъ.

Ракитинъ.

Почему же?

Бѣляевъ.

Да такъ. Смѣшные стихи мнѣ кажутся натянутыми, да притомъ, ихъ немного; а чувствительные стихи... я не знаю... Не вѣрится имъ что-то.

Ракитинъ.

Вы предпочитаете повѣсти?

Бѣляевъ.

Да-съ, хорошія повѣсти я люблю... но критическія статьи—вотъ тѣ меня забираютъ.

Ракитинъ.

А что?

Бѣляевъ.

Теплый человѣкъ ихъ пишетъ...

Ракитинъ.

А сами вы—не занимаетесь литературой?

Бѣляевъ.

О, нѣтъ-съ! Что за охота писать, коли таланту Богъ не далъ? Только людей смѣшить. Да и притомъ, вотъ что удивительно, вотъ что объясните мнѣ, сдѣлайте одолженіе: иной и умный, кажется, человѣкъ, а какъ возьмется за перо—хоть святыхъ вонъ неси. Нѣтъ, куда намъ писать—дай Богъ понимать написанное!

Ракитинъ.

Знаете ли что, Алексѣй Николаичъ? Не у многихъ молодыхъ людей столько здраваго смысла, сколько у васъ.

Бѣляевъ.

Покорно васъ благодарю за комплиментъ. (*Помолчавъ*). Я выбралъ мѣсто для фейерверка за прудомъ, потому что я умѣю дѣлать римскія свѣчи, которыя горятъ на водѣ...

Ракитинъ.

Это, должно-быть, очень красиво... Извините меня, Алексѣй Николаичъ, но позвольте васъ спросить... Вы знаете по-французски?

Бѣляевъ.

Нѣтъ. Я перевелъ романъ Поль-де-Кока: „Монфермельскую молочницу“—можетъ-быть, слыхали—за пятьдесятъ рублей ассигнаціями; но я ни слова не знаю по-французски. Вообразите: „катръ-венъ-дисъ“ я перевелъ: четыре двадцать-десять... Нужда, знаете ли, заставила. А жаль. Я бы желалъ по-французски знать. Да лѣнь проклятая. Жоржъ-Санда я бы желалъ по-французски прочесть. Да выговоръ... какъ съ выговоромъ прикажете сладить? анъ, онъ, енъ, ёнъ... Бѣда?

Ракитинъ.

Ну, этому горю еще можно помочь...

Бѣляевъ.

Позвольте узнать, который часъ?

Ракитинъ (*смотритъ на часы*).

Половина второго.

Бѣляевъ.

Что это Лизавета Богдановна такъ долго Колю держитъ за фортепіанами... Ему, чай, смерть теперь хочется побѣгать.

Ракитинъ (*ласково*).

Да вѣдь надобно же и учиться, Алексѣй Николаичъ...

Бѣляевъ (*со вздохомъ*).

Не вамъ бы это говорить, Михайло Александрычъ—не мнѣ бы слушать... Конечно, не всѣмъ же быть такими шалопаями, какъ я.

Ракитинъ.

Ну, полноте...

Бѣляевъ.

Да ужъ про это я знаю...

Ракитинъ.

А я, такъ напротивъ, тоже знаю, и навѣрное, что именно то, что вы въ себѣ считаете недостаткомъ, эта

ваша непринужденность, ваша свобода — это именно и правится.

Бѣляевъ.

Кому, напримѣръ?

Ракитинъ.

Да хоть бы Наталья Петровна.

Бѣляевъ.

Наталья Петровна? Съ ней-то я и не чувствую себя, какъ вы говорите, свободнымъ.

Ракитинъ.

А! Въ самомъ дѣлѣ?

Бѣляевъ.

Да и, наконецъ, помилуйте, Михайло Александрычъ, развѣ воспитаніе не первая вещь въ человѣкѣ? Вамъ легко говорить... Я, право, не понимаю васъ... (*Вдругъ останавливаясь*). Что это? Какъ будто коростель въ саду крикнулъ? (*Хочетъ идти*).

Ракитинъ.

Можетъ-быть... но куда же вы?

Бѣляевъ.

За ружьемъ... (*Идетъ въ кулисы направо; навстрѣчу ему выходитъ Наталья Петровна*).

Наталья Петровна (*увидавъ его, вдругъ улыбается*).

Куда вы, Алексѣй Николаичъ?

Бѣляевъ.

Я-съ...

Ракитинъ.

За ружьемъ... Онъ коростеля въ саду услыхалъ...

Наталья Петровна.

Нѣтъ, не стрѣляйте, пожалуйста, въ саду... Дайте этой бѣдной птицѣ пожить... Притомъ, вы бабушку испугать можете.

Бѣляевъ.

Слушаю-съ.

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Ахъ, Алексѣй Николаичъ, какъ вамъ не стыдно? „Слушаю-съ“ — что это за слово? Какъ можно... такъ говорить? Да постойте, мы вотъ съ Михайломъ Александрычемъ

займемся вашимъ воспитаньемъ... Да, да... Мы уже съ нимъ не разъ говорили о васъ... Противъ васъ заговоръ, я васъ предупреждаю. Вѣдь вы позволите мнѣ заняться вашимъ воспитаніемъ?

Бѣляевъ.

Помилуйте... Я-съ...

Наталья Петровна.

Во-первыхъ — не будьте застѣнчивы, это къ вамъ вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (*Указывая на Ракитина*). Вѣдь мы съ нимъ старики — а вы молодой человѣкъ... Не правда ли? Посмотрите, какъ это все хорошо пойдетъ. Вы будете заниматься Колей — а я... а мы вами.

Бѣляевъ.

Я вамъ буду очень благодаренъ.

Наталья Петровна.

То-то же. О чемъ вы тутъ разговаривали съ Михайлой Александрычемъ?

Ракитинъ (*улыбаясь*).

Онъ мнѣ рассказывалъ, какимъ образомъ онъ перевелъ французскую книгу — ни слова не зная по-французски.

Наталья Петровна.

А! Ну, вотъ, мы васъ и по-французски выучимъ. Да кстати, что вы сдѣлали съ вашимъ змѣемъ?

Бѣляевъ.

Я его домой отнесъ. Мнѣ показалось, что вамъ... неприятно было.

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Отчего жъ вамъ это показалось? Оттого, что я Вѣрочкѣ... что я Вѣрочку домой взяла? Нѣтъ, это... Нѣтъ, вы ошиблись. (*Съ живостью*). Впрочемъ, знаете ли что? Теперь Коля, должно-быть, кончилъ свой урокъ. Пойдемте, возьмемте его, Вѣрочку, змѣя — хотите? И вмѣстѣ всѣ отправимся на лугъ. А?

Бѣляевъ.

Съ удовольствіемъ, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.

И прекрасно. Ну, пойдемте же, пойдемте. (*Протяги-*

ваетъ ему руку). Да возьмите же мою руку, какой вы неловкій! Пойдемте... скорѣй. (Оба быстро уходятъ нальво)

Ракитинъ (глядя имъ вслѣдъ).

Что за живость... что за веселость... Я никогда у ней на лицѣ такого выраженія не видалъ. И какая внезапная переменна! (Помолчавъ). Souvent femme varie... Но я... я, рѣшительно, ей сегодня не по нутру. Это ясно. (Помолчавъ). Что жъ! Увидимъ, что далѣе будетъ. (Медленно). Неужели же... (Махаетъ рукой). Быть не можетъ!.. Но эта улыбка, этотъ привѣтный, мягкій, свѣтлый взглядъ... Ахъ, не дай Богъ мнѣ узнать терзанія ревности, особенно бессмысленной ревности? (Вдругъ оглядываясь). Ба, ба, ба... какими судьбами? (Слѣва входятъ Шпигельскій и Большинцовъ. Ракитинъ идетъ имъ навстрѣчу). Здравствуйте, господа... Я, признаться, Шпигельскій, васъ сегодня не ожидалъ... (Жметъ имъ руки).

Шпигельскій.

Да и я самъ того-съ... Я самъ не воображалъ... Да вотъ, заѣхалъ къ нему (указывая на Большинцова), а онъ ужъ въ коляскѣ сидитъ, сюда ѣдетъ. Ну, я тотчасъ оглобли назадъ, да вмѣстѣ съ нимъ и вернулся.

Ракитинъ.

Что жъ, добро пожаловать.

Большинцовъ.

Я, точно, собирался...

Шпигельскій (заминая его рѣчь).

Намъ люди сказали, что господа всѣ въ саду... По крайней мѣрѣ, въ гостиной никого не было...

Ракитинъ.

Да вы развѣ не встрѣтили Наталью Петровну?

Шпигельскій.

Когда?

Ракитинъ.

Да вотъ, сейчасъ.

Шпигельскій.

Нѣтъ. Мы не прямо изъ дому сюда пришли. Аѳанасію Иванычу хотѣлось посмотрѣть, есть ли въ рощицѣ грибы?

Большинцовъ (*съ недоумѣніемъ*).

Я...

Шпигельскій.

Ну, да, мы знаемъ, что вы до подберезниковъ большой охотникъ. Такъ Наталья Петровна домой пошла? Что жъ? И мы можемъ вернуться.

Большинцовъ.

Конечно.

Ракитинъ.

Да, она пошла домой для того, чтобы позвать всѣхъ гулять... Они, кажется, собираются пускать змѣя.

Шпигельскій.

А! и прекрасно. Въ такую погоду надобно гулять.

Ракитинъ.

Вы можете остаться здѣсь... Я пойду, скажу ей, что вы пріѣхали.

Шпигельскій.

Для чего же вы будете беспокоиться... Помилуйте, Михайло Александрычъ...

Ракитинъ.

Нѣтъ... мнѣ и безъ того нужно...

Шпигельскій.

А! ну, въ такомъ случаѣ, мы васъ не удерживаемъ... Безъ церемоніи, вы знаете...

Ракитинъ.

До свиданья, господа. (*Уходитъ нальво*).

Шпигельскій.

До свиданья. (*Большинцову*). Ну-съ, Аѳанасій Иванычъ...

Большинцовъ (*перебивая его*).

Что это вамъ, Игнатій Ильичъ, вздумалось насчетъ грибовъ... Я удивляюсь, какіе грибы?

Шпигельскій.

А небось, мнѣ, по-вашему, слѣдовало сказать, что дескать заробѣлъ мой Аѳанасій Иванычъ, прямо не хотѣлъ пойти, попросился сторонкой?

Большинцовъ.

Оно такъ... да все же, грибы... Я не знаю, я, можетъ-быть, ошибаюсь...

Шпигельскій.

Навѣрное ошибаетесь, другъ мой. Вы вотъ лучше о чемъ подумайте. Вотъ, мы съ вами сюда пріѣхали... сдѣлано по-вашему. Смотрите же! не ударьте лицомъ въ грязь.

Большинцовъ.

Да Игнатій Ильичъ, вѣдь вы... Вы мнѣ сказали, то-есть... Я бы желалъ положительно узнать, какой отвѣтъ...

Шпигельскій.

Почтеннѣйшій мой, Аѳанасій Ивановичъ! Отъ вашей деревни досюда считается пятнадцать верстъ слишкомъ; вы на каждой верстѣ по крайней мѣрѣ три раза предлагали мнѣ тотъ же самый вопросъ... Неужели же этого вамъ мало? Ну, слушайте же: только это я васъ балую въ послѣдній разъ. Вотъ, что мнѣ сказала Наталья Петровна: „Я...“

Большинцовъ (*кивая головой*).

Да.

Шпигельскій (*съ досадой*).

Да... Ну, что „да“? Вѣдь я еще вамъ ничего не сказалъ... „Я, говоритъ, мало знаю г. Большинцова, но онъ мнѣ кажется хорошимъ человѣкомъ; съ другой стороны, я нисколько не намѣрена принуждать Вѣрочку; и потому пусть ѣздитъ къ намъ, и, если онъ заслужить...“

Большинцовъ.

Заслужить? Она сказала: заслужить?

Шпигельскій.

„Если онъ заслужить ея расположеніе, мы съ Анной Семеновной не будемъ препятствовать...“

Большинцовъ.

„Не будемъ препятствовать“? Такъ-таки и сказала? Не будемъ препятствовать?

Шпигельскій.

Ну да, да, да. Какой вы странный человѣкъ! „Не будемъ препятствовать ихъ счастью“.

Большинцовъ.

Г-мъ.

Шпигельскій.

„Ихъ счастію“. Да, но замѣьте, Аѳанасій Ивановичъ, въ чемъ теперь задача состоитъ... Вамъ теперь нужно убѣдить самое Вѣру Александровну въ томъ, что для нея бракъ съ вами точно счастье; вамъ нужно заслужить ея расположеніе.

Большинцовъ (*моргая*).

Да, да, заслужить... точно; я съ вами согласенъ.

Шпигельскій.

Вы непременно хотѣли, чтобы я васъ сегодня же сюда привезъ... Ну, посмотримъ, какъ вы будете дѣйствовать.

Большинцовъ.

Дѣйствовать? да, да, нужно дѣйствовать, нужно заслужить, точно. Только вотъ что, Игнатій Ильичъ... Позвольте мнѣ признаться вамъ, какъ лучшему моему другу, въ одной моей слабости: я, вотъ, вы изволите говорить, желалъ, чтобы вы сегодня привезли меня сюда...

Шпигельскій.

Не желали, а требовали, неотступно требовали.

Большинцовъ.

Ну, да, положимъ... я съ вами согласенъ. Да вотъ, видите ли: дома... я точно... я дома на все, кажется, былъ готовъ; а теперь, вотъ, робость одолеваетъ.

Шпигельскій.

Да отчего же вы робѣете?

Большинцовъ (*взглянувъ на него исподлобья*).

Рыскъ-съ.

Шпигельскій.

Что-ò?

Большинцовъ.

Рыскъ-съ. Большой рыскъ-съ. Я, Игнатій Ильичъ, долженъ вамъ признаться, какъ...

Шпигельскій (*прерывая*).

„Какъ лучшему вашему другу“... знаемъ, знаемъ... Далѣе?

Большинцовъ.

Точно такъ-съ, я съ вами согласенъ. Я долженъ вамъ признаться, Игнатій Ильичъ, что я... я вообще съ дамами,

съ женскимъ поломъ вообще, мало, такъ-сказать, имѣлъ сношеній; я, Игнатій Ильичъ, признаюсь вамъ откровенно, просто не могу придумать, о чемъ можно съ особой женскаго пола поговорить—и притомъ, наединѣ... особенно съ дѣвицей.

Шпигельскій.

Вы меня удивляете. Я такъ не знаю, о чемъ нельзя съ особой женскаго пола говорить, особенно съ дѣвицей, и особенно наединѣ.

Большинцовъ.

Ну, да вы... Помилуйте, гдѣ жъ мнѣ за вами? Вотъ, по этому-то случаю я бы желалъ прибѣгнуть къ вамъ, Игнатій Ильичъ. Говорятъ, въ этихъ дѣлахъ лихà бѣда начать, такъ нельзя ли того-съ, мнѣ для вступленья въ разговоръ—словечко, чтò ли, сообщить, какое-нибудь пріятное, въ родѣ, напримѣръ, замѣчанья—а ужъ тамъ я пойду. Ужъ тамъ я какъ-нибудь самъ.

Шпигельскій.

Словечка я вамъ никакого не сообщу, Аѳанасій Ивановичъ, потому что вамъ никакое словечко ни къ чему не послужить... а совѣтъ я вамъ дать могу, если хотите.

Большинцовъ.

Да сдѣлайте же одолженье, батюшка... А чтò касается до моей благодарности... Вы знаете...

Шпигельскій.

Полноте, полноте, чтò я, развѣ торгуюсь съ вами?

Большинцовъ (*пониживъ голосъ*).

Насчетъ троечки будьте покойны.

Шпигельскій.

Да полноте же, наконецъ! Вотъ, видите ли, Аѳанасій Ивановичъ... Вы, бесспорно, прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ... (*Большинцовъ слегка кланяется*) человѣкъ съ отличными качествами...

Большинцовъ.

О, помилуйте!

Шпигельскій.

Притомъ, у васъ, кажется, триста душъ?

Большинцовъ.

Триста двадцать-съ.

Шпигельскій.

Не заложенныхъ?

Большинцовъ.

За мной копейки долгу не водится.

Шпигельскій.

Ну, вотъ, видите. Я вамъ сказывалъ, что вы отличнѣйшій человѣкъ и женихъ хоть куда. Но, вотъ, вы сами говорите, что вы съ дамами мало имѣли сношеній...

Большинцовъ *(со вздохомъ)*.

Точно такъ-съ. Я, можно сказать, Игнатій Ильичъ, сызмала чуждался женскаго пола.

Шпигельскій *(со вздохомъ)*.

Ну, вотъ, видите. Это въ мужѣ не порокъ; напротивъ; но все-таки въ иныхъ случаяхъ, напримѣръ, при первомъ объясненіи въ любви, необходимо хоть что-нибудь умѣть сказать... Не правда ли?

Большинцовъ.

Я совершенно съ вами согласенъ.

Шпигельскій.

А то вѣдь, пожалуй, Вѣра Александровна можетъ подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми — и больше ничего. Притомъ, фигура ваша, хотя тоже во всѣхъ отношеніяхъ благовидная, не представляетъ ничего такого, что этакъ въ глаза, знаете ли, бросается въ глаза, а нынче это требуется.

Большинцовъ *(со вздохомъ)*.

Нынче это требуется.

Шпигельскій.

Дѣвицамъ, по крайней мѣрѣ, это нравится. Ну, да и лѣта ваши, наконецъ... словомъ, намъ съ вами любезностью брать не приходится. Стало-быть, вамъ нечего думать о пріятныхъ словечкахъ. Это опора плохая. Но у васъ есть другая опора, гораздо болѣе твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, и ваши триста-двадцать душъ. Я на вашемъ мѣстѣ просто сказалъ бы Вѣрѣ Александровнѣ...

Большинцовъ.

Наединѣ?

Шпигельскій.

О, непременно наединѣ! „Вѣра Александровна!“ (*По движеніямъ губъ Большинцова замѣтно, что онъ шопотомъ повторяетъ каждое слово за Шпигельскимъ*). „Я васъ люблю и прошу вашей руки. Я человѣкъ добрый, простой, смиренный и не бѣдный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вамъ угождать. А вы извольте справиться обо мнѣ, извольте обратить на меня немножко побольше вниманія, чѣмъ до сихъ поръ—и дайте мнѣ отвѣтъ, какой угодно и когда угодно. Я готовъ ждать, и даже за удовольствіе почту“.

Большинцовъ (*громко произнося последнее слово*).

Почту! Такъ, такъ, такъ... я съ вами согласенъ. Только вотъ что, Игнатій Ильичъ: вы, кажется, изволили употребить слово: смиренный... дескать, смиренный я человѣкъ...

Шпигельскій.

А что жъ, развѣ вы не смиренный человѣкъ?

Большинцовъ.

Та-акъ-съ... но, все-таки, мнѣ кажется... Будетъ ли оно прилично, Игнатій Ильичъ? Не лучше ли сказать, на-примѣръ...

Шпигельскій.

Напримѣръ?

Большинцовъ.

Напримѣръ... на-примѣръ... (*Помолчавъ*). Впрочемъ, можно, пожалуй, сказать и смиренный.

Шпигельскій.

Эхъ, Аѳанасій Ивановичъ, послушайте вы меня: чѣмъ проще вы будете выражаться, чѣмъ меньше украшеній вы подпустите въ вашу рѣчь, тѣмъ лучше дѣло пойдетъ, повѣрьте мнѣ. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Аѳанасій Ивановичъ. Вѣра Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете... Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложеніе. Да, еще одно... чуть-было не забылъ; вы вѣдь мнѣ позволили вамъ совѣты давать... Вамъ иногда случается, любезный мой Аѳанасій Ива-

нычъ, говорить: „крухть“ и „фостъ“... Оно, пожалуй, отчего же... можно... но, знаете ли: слова—фруктъ и хвостъ какъ-то употребительнѣе; болѣе, такъ-сказать, въ употребленіе вошли. А то еще, помнится, вы однажды примѣ одного хлѣбосольнаго помѣщика назвали „бонжибаномъ“; дескать, „какой онъ бонжибанъ!“ Слово тоже, конечно, хорошее, но, къ сожалѣнію, оно ничего не значитъ. Вы знаете, я самъ не слишкомъ гораздъ на счетъ французскаго діалекта, а настолько смыслу. Избѣгайте красно-рѣчья, и я вамъ ручаюсь за успѣхъ. (*Оглядываясь*). Да вотъ они, кстати, всѣ идутъ сюда. (*Большинцовъ хочетъ удалиться*). Куда же вы? опять за грибами? (*Большинцовъ улыбается, краснѣетъ и остается*). Главное дѣло — не робѣть!

Большинцовъ (*торопливо*).

А вѣдь Вѣрѣ Александровнѣ еще ничего неизвѣстно?

Шпигельскій.

Еще бы!

Большинцовъ.

Впрочемъ, я на васъ надѣюсь... (*Сморкается. Слѣва входятъ: Наталья Петровна, Вѣра, Бѣляевъ со змѣемъ, Коля, за ними Ракитинъ и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень въ духъ*).

Наталья Петровна (*Большинцову и Шпигельскому*).

А, здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельскій; я васъ не ожидала сегодня, но я всегда вамъ рада. Здравствуйте, Аѳанасій Ивановичъ. (*Большинцовъ кланяется съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ*).

Шпигельскій (*Натальѣ Петровнѣ, указывая на Большинцова*).

Вотъ, этотъ баринъ непременно желалъ привести меня сюда...

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Я ему очень обязана... Но развѣ васъ нужно заставлять къ намъ ѣздить?

Шпигельскій.

Помилуйте! но... Я только сегодня поутру... отсюда... Помилуйте...

Наталья Петровна.

А! запутался, запутался, господинъ дипломатъ!

Шпигельскій.

Мнѣ, Наталья Петровна, очень пріятно видѣть васъ въ такомъ, сколько я могу замѣтить, веселомъ расположеніи духа.

Наталья Петровна.

А вы считаете нужнымъ это замѣтить... Да развѣ со мною это такъ рѣдко случается?

Шпигельскій.

О, помилуйте, нѣтъ... но...

Наталья Петровна.

M-r le diplomate, вы болѣе и болѣе путаетесь.

Коля (*который все время нетерпѣливо вертѣлся около Бѣльева и Вѣры*).

Да что жъ, тамап, когда же мы будемъ змѣя пускать?

Наталья Петровна.

Когда хочешь... Алексѣй Николаичъ, и ты, Вѣрочка, пойдите на лугъ... (*Обращаясь къ остальнымъ*). Васъ, господа, я думаю, это не можетъ слишкомъ занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитинъ, поручаю вамъ добраго нашего Аѳанасія Иваныча.

Ракитинъ.

Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это насъ не займетъ?

Наталья Петровна.

Вы люди умные... Вамъ это должно казаться шалостью... Впрочемъ, какъ хотите. Мы не мѣшаемъ вамъ идти за нами... (*Къ Бѣлеву и Вѣрочкѣ*.) Пойдемте. (*Наталья Петровна, Вѣра, Бѣлевъ и Коля уходятъ направо*.)

Шпигельскій (*посмотрѣвъ съ некоторымъ удивленіемъ на Ракитина, — Большинцову*).

Добрый нашъ Аѳанасій Иванычъ, дайте же руку Лизаветѣ Богдановнѣ.

Большинцовъ (*торопливо*).

Я съ большимъ удовольствіемъ... (*Беретъ Лизавету Богдановну подъ руку*.)

Шпигельскій (*Ракитину*).

А мы пойдёмъ съ вами, если позволите, Михайло Александрычъ. (*Беретъ его подъ руку.*) Вишь, какъ они бѣгутъ по аллеѣ. Пойдемте, посмотримте, какъ они будутъ змѣй пускать, хотя мы и умные люди... Аѳанасій Ивановичъ, не угодно ли впередъ идти?

Большинцовъ (*на ходу Лизаветъ Богдановнѣ*).

Сегодня, погода, очень, можно сказать, пріятная-сь.

Лизавета Богдановна (*желеманясь*).

Ахъ, очень!

Шпигельскій (*Ракитину*).

А мнѣ съ вами, Михайло Александрычъ, нужно переговорить... (*Ракитинъ вдругъ смѣется.*) О чемъ вы?

Ракитинъ.

Такъ... ничего... Мнѣ смѣшно, что мы въ аррьергардъ попали.

Шпигельскій.

Авангарду, вы знаете, очень легко сдѣлаться аррьергардомъ... Все дѣло въ перемѣнѣ дирекціи. (*Всѣ уходятъ направо.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация, какъ въ первомъ дѣйствіи. Изъ дверей въ залу входятъ Ракитинъ и Шпигельскій.

Шпигельскій.

Такъ какъ же, Михайло Александрычъ, помогите мнѣ, сдѣлайте одолженіе.

Ракитинъ.

Да чѣмъ могу я вамъ помочь, Игнатій Ильичъ?

Шпигельскій.

Какъ чѣмъ? помилуйте. Вы, Михайло Александрычъ, войдите въ мое положеніе. Собственно я въ этомъ дѣлѣ сторона, конечно; я, можно сказать, дѣйствовалъ больше изъ желанія угодить... Ужъ погубить меня мое доброе сердце!

Ракитинъ (*смѣясь*).

Ну, до гибели вамъ еще далеко.

Шпигельскій (*тоже смѣясь*).

Это еще неизвѣстно, а только мое положеніе дѣйстви-тельно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привезъ, и отвѣтъ ему сообщилъ съ ея же позволенья, а теперь съ одной стороны на меня дуются, словно я глупость сдѣлалъ, а съ другой, Большинцовъ не даетъ мнѣ покоя. Его избѣгаютъ, со мной не говорятъ...

Ракитинъ.

И охота же вамъ была, Игнатій Ильичъ, взяться за это дѣло. Вѣдь Большинцовъ, между нами, вѣдь онъ просто глупъ.

Шпигельскій.

Вотъ тебѣ на: между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да съ какихъ поръ одни умные люди женятся? Ужъ коли въ чемъ другомъ, въ женитьбѣ-то не слѣдуетъ дуракамъ хлѣбъ отбивать. Вы говорите, я за это дѣло взялся... Вовсе нѣтъ. Вотъ, какъ оно состоялось: пріятель просить меня замолвить за него слово... Что жъ? мнѣ отказать ему было, что ли? Я человѣкъ добрый: отказывать не умѣю. Я исполняю порученіе пріятеля; мнѣ отвѣчаютъ: „покорнѣйше благодаримъ; не извольте, то-есть, болѣе беспокоиться“... Я понимаю и болѣе не беспокою. Потомъ вдругъ сами мнѣ предлагаютъ и поощряютъ меня, такъ сказать... Я повинуюсь; на меня негодуютъ. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?

Ракитинъ.

Да кто вамъ говоритъ, что вы виноваты... Я удивляюсь только одному: изъ чего вы такъ хлопочете?

Шпигельскій.

Изъ чего... изъ чего... Человѣкъ мнѣ покоя не даетъ.

Ракитинъ.

Ну, полноте...

Шпигельскій.

Притомъ же, онъ мой старинный пріятель.

Ракитинъ (*съ недовѣрчивой улыбкой*).

Да? ну, это другое дѣло.

Шпигельскій (*тоже улыбаясь*).

Впрочемъ, я съ вами хитрить не хочу... Васъ не обма-

нешь. Ну, да... онъ мнѣ обѣщалъ... у меня пристяжная на ноги сѣла, такъ вотъ, онъ мнѣ обѣщалъ...

Ракитинъ.

Другую пристяжную?

Шпигельскій.

Нѣтъ, признаться, цѣлую тройку.

Ракитинъ.

Давно бы вы сказали!

Шпигельскій *(живо)*.

Но вы, пожалуйста, не подумайте... Я бы ни за что не согласился быть въ такомъ дѣлѣ посредникомъ, это совершенно противно моей натурѣ (*Ракитинъ улыбается*), если бъ я не зналъ Большинцова за честнѣйшаго человека... Впрочемъ, я и теперь желаю только одного: пусть мнѣ отвѣтятъ рѣшительно—да или нѣтъ?

Ракитинъ.

Развѣ ужъ до того дѣло дошло?

Шпигельскій.

Да что вы воображаете?... Не о женитьбѣ рѣчь идетъ, а о позволеніи ѣздить, посѣщать...

Ракитинъ.

Да кто жъ это можетъ запретить?

Шпигельскій.

Экіе вы... запретить! Конечно, для всякаго другого... но Большинцовъ человекъ робкій, невинная душа, прямо изъ золотого вѣка Астреи, только-что тряпки не сосетъ... Онъ на себя мало надѣется, его нужно нѣсколько поощрить. Притомъ, его намѣренья—самыя благородныя.

Ракитинъ.

Да и лошади хороши.

Шпигельскій.

И лошади хороши. (*Нюхаетъ табакъ и предлагаетъ Ракитину табакерку.*) Вамъ не угодно?

Ракитинъ.

Нѣтъ, благодарствуйте.

Шпигельскій.

Такъ такъ-то, Михайло Александрычъ. Я васъ, вы видите, не хочу обманывать. Да и къ чему? Дѣло ясное,

какъ на ладони. Человѣкъ честныхъ правилъ, съ состояніемъ, смирный... Годится—хорошо. Не годится—ну, такъ и сказать.

Ракитинъ.

Все это прекрасно, положимъ; да я-то тутъ что? Я, право, не вижу, въ чемъ я могу.

Шпигельскій.

Эхъ, Михайло Александрычъ! Развѣ мы не знаемъ, что Наталья Петровна васъ очень уважаетъ и даже иногда слушается васъ... Право, Михайло Александрычъ, *(сбоку обнимая его)* будьте другъ, замолвите словечко...

Ракитинъ.

И вы думаете, что хорошій это мужъ для Вѣрочки?

Шпигельскій *(принимая серьезный видъ)*.

Я убѣжденъ въ этомъ. Вы не вѣрите... Вотъ, вы увидите. Вѣдь въ супружествѣ, вы сами знаете, главная вещь—солидный характеръ. А ужъ Большинцовъ на что солиднѣе! *(Оглядывается.)* А вотъ, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идетъ... Батюшка, отецъ, благодѣтель! Двѣ рыжихъ на пристяжкѣ, гнѣдая въ корню! Похлопочете?

Ракитинъ *(улыбаясь)*.

Ну, хорошо, хорошо...

Шпигельскій.

Смотрите же, я полагаюсь на васъ... *(Спасается въ залу.)*

Ракитинъ *(глядя ему вслѣдъ)*.

Экой проныра этотъ докторъ! Вѣрочка... и Большинцовъ! А, впрочемъ, что же? Бываютъ свадьбы и хуже. Исполню его комиссію, а тамъ—не мое дѣло! *(Оборачивается; изъ кабинета выходитъ Наталья Петровна и, увидя его, останавливается.)*

Наталья Петровна *(нерешительно)*.

Это... вы... я думала, что вы въ саду...

Ракитинъ.

Вамъ какъ будто непріятно...

Наталья Петровна *(прерывая его)*.

О, полноте! *(Идетъ на аван-сцену.)* Вы здѣсь одни?

Ракитинъ.

Шпигельскій сейчасъ ушелъ отсюда.

Наталя Петровна (*слегка наморщивъ брови*).

А! этотъ уѣздный Талейранъ... Что онъ вамъ такое говорилъ? Онъ все еще тутъ вертится?

Ракитинъ.

Этотъ уѣздный Талейранъ, какъ вы его называете, сегодня у васъ, видно, не въ милости... а, кажется, вчера...

Наталя Петровна.

Онъ смѣшонъ; онъ забавенъ, точно; но... онъ не въ свои дѣла мѣшается... Это непріятно... Притомъ, онъ, при всемъ своемъ низкопоклонствѣ, очень дерзокъ и навязчивъ... Онъ большой циникъ.

Ракитинъ (*подходя къ ней*).

Вы вчера не такъ о немъ отзывались...

Наталя Петровна.

Можетъ-быть. (*Живо*). Такъ что жъ онъ вамъ такое говорилъ?

Ракитинъ.

Онъ мнѣ говорилъ... о Большинцовѣ.

Наталя Петровна.

А? объ этомъ глупомъ человѣкѣ?

Ракитинъ.

И о немъ вы вчера иначе отзывались.

Наталя Петровна (*принужденно улыбаясь*).

Вчера—не сегодня.

Ракитинъ.

Для всѣхъ... но, видно, не для меня.

Наталя Петровна (*опустивъ глаза*).

Какъ такъ?

Ракитинъ.

Для меня сегодня то же, что вчера.

Наталя Петровна (*протянувъ ему руку*).

Я понимаю вашъ упрекъ, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась въ томъ, что я виновата передъ вами... (*Ракитинъ хочетъ остановить ее*). Не возражайте мнѣ... Я знаю, и вы знаете, что я хочу сказать... а сегодня я сознаюсь въ этомъ. Я сегодня многое обдумала... Повѣрьте,

Мишель, какія бы глупыя мысли ни занимали меня, что бы я ни говорила, что бы я ни дѣлала, я ни на кого такъ не полагаюсь, какъ на васъ. (*Понизивъ голосъ*). Я никого... такъ не люблю, какъ я васъ люблю... (*Небольшое молчаніе*). Вы мнѣ не вѣрите?

Ракитинъ.

Я вѣрю вамъ... но вы сегодня какъ будто печальны... что съ вами?

Наталья Петровна (*не слушаетъ его и продолжаетъ*).

Только я убѣдилась въ одномъ, Ракитинъ: ни въ какомъ случаѣ нельзя за себя отвѣчать, и ни за что нельзя ручаться. Мы часто своего прошедшаго не понимаемъ... гдѣ же намъ отвѣчать за будущее! На будущее цѣпей не наложишь.

Ракитинъ.

Это правда.

Наталья Петровна (*послѣ долгаго молчанія*).

Послушайте, я хочу быть съ вами откровенной, можетъ-быть, я немножко огорчу васъ... но я знаю: васъ бы еще болѣе огорчила моя скрытность. Признаюсь вамъ, Мишель, этотъ молодой студентъ... этотъ Бѣляевъ произвелъ на меня довольно сильное впечатлѣніе...

Ракитинъ (*вполголоса*).

Я это зналъ.

Наталья Петровна.

А! вы это замѣтили? Давно ли?

Ракитинъ.

Со вчерашняго дня.

Наталья Петровна.

А!

Ракитинъ.

Уже третьяго дня, помните, я говорилъ вамъ о перемѣнѣ, происшедшей въ васъ... Я тогда еще не зналъ, чему приписать ее. Но вчера, послѣ нашего разговора... и на этомъ лугу... если бъ вы могли себя видѣть! Я не узнавалъ васъ; вы словно другою стали. Вы смѣялись; вы прыгали, вы рѣзвились, какъ дѣвочка; ваши глаза блестѣли, ваши щеки разгорѣлись, и съ какимъ довѣрчивымъ любо-

пытствомъ, съ какимъ радостнымъ вниманіемъ вы глядѣли на него, какъ вы улыбались... (*Взглянувъ на нее*). Вотъ, даже теперь ваше лицо оживляется отъ одного воспоминанія... (*Отворачивается*).

Наталья Петровна.

Нѣтъ, Ракитинъ, ради Бога, не отворачивайтесь отъ меня... Послушайте: къ чему преувеличивать? Этотъ чловѣкъ меня заразилъ своею молодостью—и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, съ самаго моего дѣтства и до сихъ поръ... Вы вѣдь знаете всю мою жизнь... Съ непривычки мнѣ все это въ голову бросилось, какъ вино, но, я знаю, это такъ же скоро пройдетъ, какъ оно пришло скоро... Объ этомъ даже говорить не стѣитъ. (*Помолчавъ*). Только вы не отворачивайтесь отъ меня, не отнимайте у меня вашей руки... Помогите мнѣ...

Ракитинъ (*вполголоса*).

Помочь вамъ... жестокое слово! (*Громко*). Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что съ вами происходитъ. Вы увѣрены, что объ этомъ говорить не стѣитъ, и просите помощи... Видно, вы чувствуете, что она вамъ нужна!

Наталья Петровна.

То-есть... да... Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ другу.

Ракитинъ (*горько*).

Да-съ... Я, Наталья Петровна, готовъ оправдать вашу довѣренность... но позвольте мнѣ немного собраться съ духомъ...

Наталья Петровна.

Собраться съ духомъ? Да развѣ вамъ грозитъ какая-нибудь... непріятность? Развѣ что измѣнилось?

Ракитинъ (*горько*).

О, нѣтъ! все попрежнему.

Наталья Петровна.

Да что вы думаете, Мишель? Неужели вы можете предполагать...

Ракитинъ.

Я ничего не предполагаю.

Наталья Петровна.

Неужели жъ вы до того меня презираете...

Ракитинъ.

Перестаньте, ради Бога. Поговоримте лучше о Большинцовѣ. Докторъ ожидаетъ отвѣта насчетъ Вѣрочки, вы знаете.

Наталья Петровна *(печально)*.

Вы на меня сердитесь?

Ракитинъ.

Я? О, нѣтъ. Но мнѣ жаль васъ.

Наталья Петровна.

Право, это даже досадно. Мишель, какъ вамъ не стыдно... *(Ракитинъ молчитъ. Она пожимаетъ плечами и продолжаетъ съ досадой)*. Вы говорите, докторъ ждетъ отвѣта? Да кто его просилъ вмѣшиваться...

Ракитинъ.

Онъ увѣрялъ меня, что вы сами...

Наталья Петровна *(перебивая его)*.

Можетъ-быть, можетъ-быть... Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительнаго... Притомъ, я могу перемѣнить свои намѣренія. Да и, наконецъ, Боже мой, что за бѣда! Шпигельскій занимается дѣлами всякаго рода, въ его ремеслѣ не все же ему должно удаваться.

Ракитинъ.

Онъ только желаетъ знать, какой отвѣтъ...

Наталья Петровна.

Какой отвѣтъ... *(Помолчавъ)*. Мишель, полноте, дайте мнѣ руку... къ чему этотъ равнодушный взглядъ, эта холодная вѣжливость?.. Чѣмъ я виновата? Подумайте, развѣ это моя вина? Я пришла къ вамъ въ надеждѣ услышать добрый совѣтъ, я ни одно мгновенье не колебалась, я не думала отъ васъ скрываться, а вы... Я вижу, напрасно я была откровенна съ вами... Вамъ бы и въ голову не пришло... Вы ничего не подозревали, вы меня обманули. А теперь вы, Богъ знаетъ, что думаете.

Ракитинъ.

Я? помилуйте!

Наталья Петровна.

Дайте же мнѣ руку... *(Онъ не шевелится; она продолжаетъ, нѣсколько обиженная)*. Вы рѣшительно отворачиваетесь отъ меня? Смотрите же, тѣмъ хуже для васъ. Впрочемъ, я не пеняю на васъ... *(Горько)*. Вы ревнуете!

Ракитинъ.

Я не въ правѣ ревновать, Наталья Петровна... Помилуйте, что вы?

Наталья Петровна *(помолчавъ)*.

Какъ хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила съ Вѣрочкой.

Ракитинъ.

Я могу вамъ ее сейчасъ послать.

Наталья Петровна.

Зачѣмъ же сейчасъ?... Впрочемъ, какъ хотите.

Ракитинъ *(направляясь къ двери кабинета)*.

Такъ прикажете прислать ее?

Наталья Петровна.

Мишель, въ послѣдній разъ... Вы мнѣ сейчасъ говорили, что вамъ меня жаль... Такъ-то вамъ жаль меня? Неужели жъ...

Ракитинъ *(холодно)*.

Прикажете?

Наталья Петровна *(съ досадой)*.

Да. *(Ракитинъ идетъ въ кабинетъ. Наталья Петровна нѣкоторое время остается неподвижной, садится, беретъ со стола книгу, раскрываетъ ее и роняетъ на колѣни)*. И этотъ! Да что жъ это такое? Онъ... и онъ! А я еще на него надѣялась. А Аркадій? Боже мой! Я и не вспомнила о немъ! *(Выпрямясь)*. Я вижу, пора прекратить все это... *(Изъ кабинета входитъ Вѣра)*. Да... пора.

Вѣра *(робко)*.

Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна *(быстро оглядываясь)*.

А! Вѣрочка! Да, я тебя спрашивала.

Вѣра *(подходя къ ней)*.

Вы здоровы?

Наталья Петровна.

Я? Да. А что?

Вѣра.

Мнѣ показалось...

Наталья Петровна.

Нѣтъ, это такъ. Мнѣ немножко жарко... Вотъ и все. Сядь. (*Вѣра садится*). Послушай, Вѣра, вѣдь ты теперь ничѣмъ не занята?

Вѣра.

Нѣтъ-съ.

Наталья Петровна.

Я спрашиваю это у тебя потому, что мнѣ нужно съ тобой поговорить... серьезно поговорить. Вотъ, видишь, душа моя, ты до сихъ поръ была еще ребенкомъ; но тебѣ семнадцать лѣтъ; ты умна... Пора тебѣ подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя, какъ дочь; мой домъ всегда будетъ твоимъ домомъ... но, все-таки, ты въ глазахъ другихъ людей—сирота; ты не богата. Тебѣ современемъ можетъ наскучить вѣчно жить у чужихъ людей; послушай — хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой въ своемъ домѣ?

Вѣра (*медленно*).

Я васъ не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

У меня просятъ твоей руки. (*Вѣра съ изумленіемъ глядитъ на Наталью Петровну*). Ты этого не ожидала; признаюсь, мнѣ самой оно кажется нѣсколько страннымъ. Ты еще такъ молода... Мнѣ нечего тебѣ говорить, что я нисколько не намѣрена принуждать тебя... по-моему, тебѣ еще рано выходить замужъ; я только сочла долгомъ сообщить тебѣ... (*Вѣра вдругъ закрываетъ лицо руками*). Вѣра... что это? ты плачешь? (*Беретъ ее за руку*). Ты вся дрожишь?.. Неужели ты меня боишься, Вѣра?

Вѣра (*глухо*).

Я въ вашей власти, Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*отнимая у Вѣры руки отъ лица*).

Вѣра, какъ тебѣ не стыдно плакать? Какъ не стыдно тебѣ говорить, что ты въ моей власти? За кого ты меня

почитаешь? Я говорю съ тобой, какъ съ дочерью, а ты... (*Вѣра цѣлуетъ у ней руки*). А? вы въ моей власти? Такъ извольте же сейчасъ разсмѣяться... Я вамъ приказываю... (*Вѣра улыбается сквозь слезы*). Вотъ такъ. (*Наталья Петровна обнимаетъ ее одной рукой и притягиваетъ къ себѣ*). Вѣра, дитя мое, будь со мною, какъ бы ты была съ твоей матерью, или нѣтъ, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра, и давай, потолкуемъ вдвоемъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ... Хочешь?

Вѣра.

Я готова-съ.

Наталья Петровна.

Ну, слушай же... Пододвинься поближе. Вотъ такъ. Во-первыхъ: такъ какъ ты моя сестра, положимъ, то мнѣ не для чего увѣрять тебя, что ты здѣсь у себя, дома: такіе глазки вездѣ дома. Стало-быть, тебѣ и въ голову не должно придти, что ты кому-нибудь на свѣтѣ въ тягость, и что отъ тебя хотятъ отдѣлаться... Слышишь? Но вотъ, въ одинъ прекрасный день твоя сестра приходитъ къ тебѣ и говоритъ: вообрази себѣ, Вѣра, за тебя сватаются... А? что ты ей на это отвѣтишь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбѣ?

Вѣра.

Да-съ.

Наталья Петровна.

Да не говори мнѣ: да-съ. Развѣ сестрамъ говорятъ: да-съ.

Вѣра (*улыбаясь*).

Ну... да.

Наталья Петровна.

Твоя сестра съ тобой согласится, жениху откажутъ, и дѣлу конецъ. Но если женихъ человѣкъ хорошій, съ состояніемъ, если онъ готовъ ждать, если онъ проситъ только позволенія изрѣдка тебя видѣть, въ надеждѣ со временемъ тебѣ понравиться.

Вѣра.

А кто этотъ женихъ?

Наталья Петровна.

А! ты любопытна. Ты не догадываешься!

Вѣра.

Нѣтъ.

Наталья Петровна.

Ты его сегодня видѣла... (*Вѣра вся краснѣетъ*). Онъ, правда, не очень собой хорошъ и не очень молодъ... Большинцовъ.

Вѣра.

Аѳанасій Иванычъ?

Наталья Петровна.

Да... Аѳанасій Иванычъ.

Вѣра (*глядитъ нѣкоторое время на Наталью Петровну, вдругъ начинаетъ смѣяться и останавливается*).

Вы не шутите?

Наталья Петровна (*улыбаясь*).

Нѣтъ... но, я вижу, Большинцову больше нечего здѣсь дѣлать. Если бы ты заплакала при его имени, онъ бы могъ еще надѣяться, но ты разсмѣялась. Ему остается одно: отправиться съ Богомъ во-свояси.

Вѣра.

Извините меня... но право, я никакъ не ожидала... Развѣ въ его лѣта еще женятся?

Наталья Петровна.

Да что ты думаешь? Сколько ему лѣтъ? Ему пятидесяти лѣтъ нѣту. Онъ въ самой порѣ.

Вѣра.

Можетъ-быть... но у него такое странное лицо...

Наталья Петровна.

Ну, не станемъ больше говорить о немъ. Онъ умеръ, похороненъ... Богъ съ нимъ! Впрочемъ, оно понятно: дѣвчкѣ въ твои лѣта такой человѣкъ, какъ Большинцовъ, не можетъ понравиться... Вы всѣ хотите выйти замужъ по любви, не по разсудку, неправда ли?

Вѣра.

Да, Наталья Петровна, вы... развѣ вы тоже не по любви вышли за Аркадія Сергѣича?

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Конечно, по любви. (*Помолчавъ опять и стиснувъ руку Вѣры*). Да, Вѣра... я тебя сейчасъ назвала дѣвочкой... но дѣвочки правы. (*Вѣра опускаетъ глаза*). И такъ, это дѣло рѣшеное. Большинцовъ въ отставку. Признаться, мнѣ самой было бы несовсѣмъ пріятно видѣть его пухлое, старое лицо рядомъ съ твоимъ свѣжимъ личикомъ, хотя онъ, впрочемъ, очень хорошій человѣкъ. Вотъ, видишь ли ты теперь, какъ напрасно ты меня боялась? Какъ все скоро уладилось!.. (*Съ упрекомъ*). Право, ты обошлась со мной, какъ будто я была твоя благодѣтельница! Ты знаешь, какъ я ненавижу это слово...

Вѣра (*обнимая ее*).

Простите меня, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.

То-то же. Точно? ты меня не боишься?

Вѣра.

Нѣтъ. Я васъ люблю; я не боюсь васъ.

Наталья Петровна.

Ну, благодарствуй. Стало-быть, мы теперь большія пріятельницы и ничего другъ отъ друга не скроемъ. Ну, а если бы я тебя спросила: Вѣрочка, скажи-ка мнѣ на ухо: ты не хочешь выйти замужъ за Большинцова только потому, что онъ гораздо старше тебя и собой не красавецъ?

Вѣра.

Да развѣ этого не довольно, Наталья Петровна?

Наталья Петровна.

Я не спорю... но другой причины нѣтъ никакой?

Вѣра.

Я его совсѣмъ не знаю...

Наталья Петровна.

Все такъ; да ты на мой вопросъ не отвѣчаешь.

Вѣра.

Другой причины нѣту.

Наталья Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, я бы тебѣ совѣтовала еще подумать. Въ Большинцова, я знаю, трудно

влюбиться... но онъ, повторяю тебѣ, онъ хорошій человекъ. Вотъ, если бы ты кого-нибудь другого полюбила... ну, тогда другое дѣло. Но вѣдь твое сердце до сихъ поръ еще молчитъ?

Вѣра (*робко*).

Какъ-съ?

Наталья Петровна.

Ты никого еще не любишь?

Вѣра.

Я васъ люблю... Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

Наталья Петровна.

Нѣтъ, я не объ этой любви говорю, ты меня не понимаешь... Напримѣръ — изъ числа молодыхъ людей, которыхъ ты могла видѣть здѣсь, или въ гостяхъ, неужели жъ ни одинъ тебѣ не нравится?

Вѣра.

Нѣтъ-съ... иные мнѣ нравятся, но...

Наталья Петровна.

Напримѣръ, я замѣтила, ты на вечерѣ у Криницыныхъ три раза танцевала съ этимъ высокимъ офицеромъ... какъ бишь его?

Вѣра.

Съ офицеромъ?

Наталья Петровна.

Да, у него еще такіе большіе усы.

Вѣра.

Ахъ, этотъ!.. Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится.

Наталья Петровна.

Ну, а Шаланскій?

Вѣра.

Шаланскій хорошій человекъ; но онъ... Я думаю, ему не до меня.

Наталья Петровна.

А что?

Вѣра.

Онъ... онъ, кажется, больше думаетъ о Лизѣ Вельской.

Наталья Петровна (*взглянувъ на нее*).

А!.. ты это замѣтила?.. (*Молчаніе*). Ну, а Ракитинъ?

Вѣра.

Я Михаила Александровича очень люблю...

Наталья Петровна.

Да, какъ брата. А, кстати, Бѣляевъ?

Вѣра (*покраснѣвъ*).

Алексѣй Николаичъ? Алексѣй Николаичъ мнѣ нравится.

Наталья Петровна (*наблюдая за Вѣрой*).

Да, онъ хорошій человекъ. Только онъ такъ со всѣми дичится...

Вѣра (*невинно*).

Нѣтъ-съ... Онъ со мной не дичится.

Наталья Петровна.

А!

Вѣра.

Онъ со мной разговариваетъ-съ. Вамъ, можетъ-быть, оттого это кажется, что онъ... Онъ васъ боится. Онъ еще не успѣлъ васъ узнать.

Наталья Петровна.

А ты почему знаешь, что онъ меня боится?

Вѣра.

Онъ мнѣ сказывалъ.

Наталья Петровна.

А! онъ тебѣ сказывалъ... Онъ, стало-быть, откровеннѣе съ тобой, чѣмъ съ другими?

Вѣра.

Я не знаю, какъ онъ съ другими, но со мной... можетъ-быть, оттого, что мы оба сироты. Притомъ... я въ его глазахъ... ребенокъ.

Наталья Петровна.

Ты думаешь? Впрочемъ, онъ мнѣ тоже очень нравится. У него, должно-быть, очень доброе сердце.

Вѣра.

Ахъ, предоброе-съ! Если бъ вы знали... всѣ въ домѣ его любятъ. Онъ такой ласковый. Со всѣми говоритъ, всѣмъ помочь готовъ. Онъ третьяго дня нищую старуху съ большой дороги на рукахъ до больницы донесъ... Онъ мнѣ цвѣтокъ однажды съ такого обрыва сорвалъ, что я отъ страху даже глаза закрыла; я такъ и думала, что онъ

упадеть и расшибется... но онъ такъ ловокъ! Вы сами, вчера, на лугу, могли видѣть, какъ онъ ловокъ.

Наталья Петровна.

Да, это правда.

Вѣра.

Помните, когда онъ бѣжалъ за змѣемъ, черезъ какой онъ ровъ перескочилъ? Да ему это все ни почемъ.

Наталья Петровна.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ для тебя сорвалъ цвѣтокъ съ опаснаго мѣста?—Онъ, видно, тебя любитъ.

Вѣра (*помолчавъ*).

И всегда онъ веселъ... всегда въ духѣ...

Наталья Петровна.

Это, однакоже, странно. Отчего жъ онъ при мнѣ...

Вѣра (*перебивая ее*).

Да я жъ вамъ говорю, что онъ васъ не знаетъ. Но стойте, я ему скажу... Я ему скажу, что васъ нечего бояться—не правда ли?—что вы такъ добры...

Наталья Петровна (*принужденно смѣясь*).

Спасибо.

Вѣра.

Вотъ, вы увидите... А онъ меня слушается, даромъ что я моложе его.

Наталья Петровна.

Я не знала, что ты съ нимъ въ такой дружбѣ... Смотри, однако, Вѣра, будь осторожна. Онъ, конечно, прекрасный молодой человѣкъ... но ты знаешь, въ твои лѣта... Оно не годится. Могутъ подумать... Я уже вчера тебѣ это замѣтила — помнишь? — въ саду. (*Вѣра опускаетъ глаза*). Съ другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоимъ наклонностямъ, я слишкомъ увѣрена въ тебѣ и въ немъ... но все-таки... Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизмъ... это наше, стариковское дѣло, надѣдать молодежи наставленіями. Впрочемъ, я все это напрасно говорю; вѣдь, не правда ли, онъ тебѣ нравится—и больше ничего?

Вѣра (*робко поднимаетъ глаза*).

Онъ...

Наталья Петровна.

Вотъ, ты опять на меня попрежнему смотришь? Развѣ такъ смотрять на сестру? Вѣра, послушай, нагнись ко мнѣ... (*Лаская ее*). Что, если бы сестра, настоящая твоя сестра, тебя теперь спросила на ушко: Вѣрочка, ты точно никого не любишь? а? Что бы ты ей отвѣчала? (*Вѣра нерѣшительно взлядываетъ на Наталью Петровну*). Эти глазки мнѣ что-то хотятъ сказать... (*Вѣра вдругъ прижимаетъ свое лицо къ ея груди. Наталья Петровна блѣднѣетъ — и помолчавъ, продолжаетъ*). Ты любишь? Скажи, любишь?

Вѣра (*не поднимая головы*).

Ахъ! я не знаю сама, что со мной...

Наталья Петровна.

Бѣдняжка! Ты влюблена... (*Вѣра еще болѣе прижимается къ груди Натальи Петровны*). Ты влюблена... а онъ? Вѣра, онъ?

Вѣра (*все еще не поднимая головы*).

Что вы у меня спрашиваете... Я не знаю... Можетъ-быть... Я не знаю, не знаю... (*Наталья Петровна вздрагиваетъ и остается неподвижной. Вѣра поднимаетъ голову и вдругъ замѣчаетъ перемѣну въ ея лицѣ*). Наталья Петровна, что съ вами?

Наталья Петровна (*приходя въ себя*).

Со мной... ничего. Что?... ничего.

Вѣра.

Вы такъ блѣдны, Наталья Петровна... Что съ вами? Позвольте, я позвоню... (*Встаетъ*).

Наталья Петровна.

Нѣтъ, нѣтъ... не звони. Это ничего... Это пройдетъ. Вотъ, ужъ оно и прошло.

Вѣра.

Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, позвать кого-нибудь...

Наталья Петровна.

Напротивъ... я... я хочу остаться одна. Оставь меня; слышишь? Мы еще поговоримъ. Ступай.

Вѣра.

Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

Наталья Петровна.

Я? За что? Нисколько. Я, напротивъ, благодарна тебѣ за твое довѣріе... Только оставь меня, пожалуйста, теперь. (*Вѣра хочетъ взять ея руку, но Наталья Петровна отворачивается, какъ будто не замѣчая движенія Вѣры*).

Вѣра (*со слезами на глазахъ*).

Наталья Петровна...

Наталья Петровна.

Оставьте меня, прошу васъ. (*Вѣра медленно уходитъ въ кабинетъ*).

Наталья Петровна (*одна остается нѣкоторое время неподвижной*).

Теперь мнѣ все ясно... Эти дѣти другъ друга любятъ... (*Останавливается и проводитъ рукой по лицу*). Что жъ? Тѣмъ лучше... Дай Богъ имъ счастья! (*Смѣясь*). И я... я могла подумать... (*Останавливается опять*). Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозрѣвала... Признаюсь, эта новость меня поразила... Но погодите, не все еще кончено. Боже мой... что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчавъ*). Что это я дѣлаю? Я бѣдную дѣвочку хочу замужъ выдать... за старика!.. Подсылаю доктора... тотъ догадывается, намекаетъ... Аркадій, Ракитинъ... Да я... (*Содрогается и вдругъ поднимаетъ голову*). Да что жъ это, наконецъ? Я къ Вѣрѣ ревную? Я... я влюблена въ него, что ли? (*Помолчавъ*). И ты еще сомнѣваешься? Ты влюблена, несчастная! Какъ это сдѣлалось... не знаю. Словно мнѣ яду дали... Вдругъ все разбито, разсѣяно, унесено... Онъ боится меня... Всѣ меня боятся. Чтò ему во мнѣ?.. На чтò ему такое существо, какъ я? Онъ молодъ, и она молода. А я! (*Горько*). Гдѣ ему меня оцѣнить? Они оба глупы, какъ говоритъ Ракитинъ... Ахъ! ненавижу я этого умника! А Аркадій, довѣрчивый, добрый мой Аркадій! Боже мой, Боже мой! мнѣ смерть! (*Встаетъ*). Однако, мнѣ кажется, я съ ума схожу. Къ чему преувеличивать? Ну, да... я поражена... мнѣ это въ диковинку, это въ первый разъ... я... да, въ первый разъ! Я въ первый разъ теперь люблю! (*Она садится опять*). Онъ долженъ уѣхать. Да. И Ра-

китинъ тоже. Пора мнѣ опомниться. Я позволила себѣ отступить на шагъ—и вотъ! Вотъ до чего я дошла. И что мнѣ въ немъ понравилось? (*Задумывается*). Такъ вотъ оно, это страшное чувство... Аркадій! Да, я уйду въ его объятія, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня. — Онъ... и больше никого! Всѣ другіе мнѣ чужіе и должны мнѣ остаться чужими... Но развѣ... развѣ нѣтъ другого средства? Эта дѣвочка—она ребенокъ. Она могла ошибиться. Это все дѣтство, наконецъ... Изъ чего я... Я сама съ нимъ объяснюсь, я спрошу у него... (*Съ укоризной*). А, а? Ты еще надѣешься? Ты еще хочешь надѣяться? И на что я надѣюсь! Боже мой, не дай мнѣ презирать самое себя! (*Склоняетъ голову на руки. Изъ кабинета входитъ Ракитинъ, блѣдный и встревоженный*).

Ракитинъ (*подходя къ Натальѣ Петровнѣ*).

Наталья Петровна... (*Она не шевелится. Про себя*). Что это у ней могло быть такое съ Вѣрой? (*Громко*). Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*поднимая голову*).

Кто это? А! вы.

Ракитинъ.

Мнѣ Вѣра Александровна сказала, что вы нездоровы... я...

Наталья Петровна (*отворачиваясь*).

Я здорова... Съ чего она взяла...

Ракитинъ.

Нѣтъ, Наталья Петровна, вы нездоровы, посмотрите на себя.

Наталья Петровна.

Ну, можетъ-быть... да вамъ-то что? Что вамъ надобно? Зачѣмъ вы пришли?

Ракитинъ (*тронутымъ голосомъ*).

Я вамъ скажу, зачѣмъ я пришелъ. Я пришелъ просить у васъ прощенья. Полчаса тому назадъ, я былъ несказанно глупъ и грубъ съ вами... Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, какъ бы скромны ни были желанья и... и надежды человѣка, ему трудно не потеряться, хотя на мгновенье, когда ихъ внезапно у него вырываютъ;

но я теперь опомнился, я понялъ свое положеніе и свою вину, и желаю только одного — вашего прощенья. (*Онъ тихо садится подле нея*). Взгляните на меня... не отворачивайтесь тоже и вы. Предъ вами вашъ прежній Ракитинъ, вашъ другъ, человѣкъ, который не требуетъ ничего, кромѣ позволенія служить вамъ, какъ вы говорили, опорой... Не лишайте меня вашего довѣрія, располагайте мной и забудьте, что я нѣкогда... Забудьте все, что васъ могло оскорбить...

Наталья Петровна (*которая все время неподвижно глядитъ на полъ*).

Да, да... (*Остановливаясь*). Ахъ, извините, Ракитинъ, я ничего не слышала, что вы такое мнѣ говорили.

Ракитинъ (*печально*).

Я говорилъ... я просилъ у васъ прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивалъ у васъ, хотите ли вы позволить мнѣ остаться вашимъ другомъ.

Наталья Петровна (*медленно поворачиваясь къ нему и кладя обѣ руки ему на плеча*).

Ракитинъ, скажите, что со мной?

Ракитинъ (*помолчавъ*).

Вы влюблены.

Наталья Петровна (*медленно повторяя за нимъ*).

Я влюблена... Но это безуміе, Ракитинъ. Это невозможно. Развѣ это можетъ такъ внезапно... Вы говорите, я влюблена... (*Умолкаетъ*).

Ракитинъ.

Да, вы влюблены, бѣдная женщина... Не обманывайте себя.

Наталья Петровна (*не глядя на него*).

Что жъ мнѣ остается теперь дѣлать?

Ракитинъ.

Я готовъ вамъ это сказать, Наталья Петровна, если вы мнѣ общаете...

Наталья Петровна (*перерывая его и все не глядя на него*).

Вы знаете, что эта дѣвочка, Вѣра, его любитъ... Они оба другъ въ друга влюблены.

Ракитинъ.

Въ такомъ случаѣ еще одной причиной больше...

Наталья Петровна (*опять его перерываетъ*).

Я давно это подозрѣвала, но она сама сейчасъ во всемъ созналась... сейчасъ.

Ракитинъ (*вполголоса, словно про себя*).

Бѣдная женщина!

Наталья Петровна (*проводя рукой по лицу*).

Ну, однако... пора опомниться. Вы мнѣ, кажется, хотѣли что-то сказать... Посоветуйте мнѣ, ради Бога, Ракитинъ, что мнѣ дѣлать...

Ракитинъ.

Я готовъ вамъ совѣтовать, Наталья Петровна, только подъ однимъ условіемъ.

Наталья Петровна.

Говорите, что такое?

Ракитинъ.

Объщайте мнѣ, что вы не будете подозрѣвать мои намеренія. Скажите мнѣ, что вы вѣрите моему безкорыстному желанію помочь вамъ; помогите мнѣ тоже и вы. Ваша довѣренность дастъ мнѣ силу, или ужъ лучше позвольте мнѣ молчать.

Наталья Петровна.

Говорите, говорите.

Ракитинъ.

Вы не сомнѣваетесь во мнѣ!

Наталья Петровна.

Говорите.

Ракитинъ.

Ну, такъ слушайте: онъ долженъ уѣхать. (*Наталья Петровна молча глядитъ на него*). Да, онъ долженъ уѣхать. Я не стану говорить вамъ о... вашемъ мужѣ, о вашемъ долгѣ. Въ моихъ устахъ эти слова... неумѣстны... Но эти дѣти любятъ другъ друга. Вы сами это мнѣ сейчасъ сказали; вообразите же вы себя теперь между ними... Да вы погибнете!

Наталья Петровна.

Онъ долженъ уѣхать... (*Помолчавъ*). А вы? вы останетесь?

Ракитинъ (*съ смущеніемъ*).

Я?... я?... (*Помолчавъ*). И я долженъ уѣхать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Вѣрочки, и онъ... и я... мы оба должны уѣхать навсегда.

Наталья Петровна.

Ракитинъ... я до того дошла, что я... я почти готова была эту бѣдную дѣвочку, сироту, порученную мнѣ моею матерью—выдать замужъ за глупаго, смѣшного старика!.. У меня духа не достало, Ракитинъ; слова у меня замерли на губахъ, когда она разсмѣялась въ отвѣтъ на мое предложеніе... но я сговаривалась съ этимъ докторомъ, я позволяла ему значительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки... О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы видите, что я былъ правъ... (*Она молчитъ: онъ поспѣшно продолжаетъ*). Онъ долженъ уѣхать... мы оба должны уѣхать... Другого спасенья нѣтъ.

Наталья Петровна (*уныло*).

Но для чего же жить потомъ?

Ракитинъ.

Боже мой, неужели же до этого дошло... Наталья Петровна, вы выздоровѣете, повѣрьте мнѣ... Это все пройдетъ. Какъ, для чего жить?

Наталья Петровна.

Да, да, для чего жить, когда всѣ меня оставляютъ?

Ракитинъ.

Но... ваше семейство... (*Наталья Петровна опускаетъ глаза*). Послушайте, если вы хотите, послѣ его отъѣзда, я могу нѣсколько дней еще остаться... для того, чтобы...

Наталья Петровна (*мрачно*).

А! я васъ понимаю. Вы рассчитываете на привычку, на прежнюю дружбу... Вы надѣетесь, что я приду въ себя, что я къ вамъ вернусь, не правда ли? Я понимаю васъ.

Ракитинъ (*краснѣя*).

Наталья Петровна! Зачѣмъ вы меня оскорбляете?

Наталья Петровна (*горько*).

Я васъ понимаю... но вы обманываетесь.

Ракитинъ.

Какъ? Послѣ вашихъ обѣщаній, послѣ того, какъ я для васъ, для васъ однѣхъ, для вашего счастья, для вашего положенія въ свѣтѣ, наконецъ...

Наталья Петровна.

А! давно ли вы такъ о немъ заботитесь? Зачѣмъ же вы прежде никогда мнѣ не говорили объ этомъ?

Ракитинъ *(вставая)*.

Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчасъ уѣду отсюда, и вы болѣе меня никогда не увидите... *(Хочетъ идти)*.

Наталья Петровна *(протягивая къ нему руки)*.

Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю... Вы видите, въ какомъ я положеніи. Простите меня.

Ракитинъ *(быстро возвращается къ ней и беретъ ее за руки)*.

Наталья Петровна...

Наталья Петровна.

Ахъ, Мишель, мнѣ невыразимо тяжело... *(Прислоняется на его плечо и прижимаетъ платокъ къ глазамъ)*. Помогите мнѣ, я погибла безъ васъ... *(Въ это мновеніе дверь залы растворяется, входятъ Ислаевъ и Анна Семеновна)*.

Ислаевъ *(громко)*.

Я всегда былъ того мнѣнія... *(Остонавливается въ изумленіи, при видѣ Ракитина и Натальи Петровны. Наталья Петровна оглядывается и быстро уходитъ. Ракитинъ остается на мѣстѣ, чрезвычайно смущенный)*.

Ислаевъ *(Ракитину)*.

Что это значитъ? Что за сцена?

Ракитинъ.

Такъ... ничего... это...

Ислаевъ.

Наталья Петровна нездорова, что ли?

Ракитинъ.

Нѣтъ... но...

Ислаевъ.

И отчего она вдругъ убѣжала? О чемъ вы съ ней го-

ворили? Она какъ будто плакала... Ты ее утѣшалъ... Что такое?

Ракитинъ.

Право, ничего.

Анна Семеновна.

Однако, какъ же ничего, Михайло Александрычъ? (*Шомолчавъ*). Я пойду, посмотрю... (*Хочетъ идти въ кабинетъ*).

Ракитинъ (*останавливая ее*).

Нѣтъ, вы лучше оставьте ее теперь въ покоѣ, прошу васъ.

Ислаевъ.

Да что все это значить? скажи, наконецъ?

Ракитинъ.

Ничего, клянусь тебѣ... Послушайте, я обѣщаю вамъ обоимъ сегодня же все объяснить. Слово даю вамъ. Но теперь, пожалуйста, если вы мнѣ довѣряете, не спрашивайте у меня ничего—и Натальи Петровны не тревожьте.

Ислаевъ.

Пожалуй... только это удивительно. Съ Наташей этого прежде не бывало. Это что-то необыкновенно.

Анна Семеновна.

Главное—что могло заставить Наташу плакать? И отчего она ушла?.. Развѣ мы чужіе?

Ракитинъ.

Что вы говорите! Какъ можно!—Но послушайте—признаться сказать, мы не dokonчили нашего разговора... Я васъ долженъ попросить... обоихъ—оставьте насъ на нѣкоторое время однихъ.

Ислаевъ.

Вотъ какъ! Стало-быть, между вами тайна?

Ракитинъ.

Тайна... но ты ее узнаешь.

Ислаевъ (*подумавши*).

Пойдемте, маменька... оставимте ихъ. Пусть они dokonчатъ свою таинственную бесѣду.

Анна Семеновна.

Но...

Ислаевъ.

Пойдемте, пойдемте.—Вы слышите, онъ обѣщается все объяснить.

Ракитинъ.

Ты можешь быть спокоенъ...

Ислаевъ *(холодно)*.

О, я совершенно спокоенъ! *(Къ Аннѣ Семеновнѣ)*. Пойдемте. *(Уходятъ оба)*.

Ракитинъ *(глядитъ имъ вслѣдъ и быстро подходитъ къ дверямъ кабинета)*.

Наталья Петровна... Наталья Петровна, выдѣте, прошу васъ.

Наталья Петровна *(выходитъ изъ кабинета. Она очень блѣдна)*.

Что они сказали?

Ракитинъ.

Ничего, успокойтесь... Они, точно, нѣсколько удивились. Вашъ мужъ подумалъ, что вы нездоровы... Онъ замѣтилъ ваше волненіе... Сядьте, вы едва на ногахъ стоите... *(Наталья Петровна садится)*. Я ему сказалъ... я попросилъ его не беспокоить васъ... оставить насъ однихъ.

Наталья Петровна.

И онъ согласился?

Ракитинъ.

Да. Я, признаться, долженъ былъ ему обѣщать, что завтра все объясню... Зачѣмъ вы ушли?

Наталья Петровна *(горько)*.

Зачѣмъ!.. Но что жъ вы скажете?

Ракитинъ.

Я... я придумаю что-нибудь... Теперь дѣло не въ томъ... Надобно намъ воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не можетъ такъ продолжаться... Вы не въ состояннн переносить подобныя тревоги... онѣ недостойны васъ... я самъ. Но не объ этомъ рѣчь. Будьте только вы тверды, а ужъ я! Послушайте, вы вѣдь согласны со мной..

Наталья Петровна.

Въ чемъ?

Ракитинъ.

Въ необходимости... нашего отъѣзда? Согласны? Въ такомъ случаѣ, мѣшкать нечего. Если вы мнѣ позволите, я сейчасъ самъ переговорю съ Бѣляевымъ... Онъ благородный человѣкъ, онъ пойметъ...

Наталья Петровна.

Вы хотите съ нимъ переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

Ракитинъ (*съ смущеніемъ*).

Я...

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Ракитинъ, послушайте, не кажется ли вамъ, что мы оба словно сумасшедшіе?.. Я испугалась, перепугала васъ, и все, можетъ-быть, изъ пустяковъ.

Ракитинъ.

Какъ?

Наталья Петровна.

Право. Что это мы съ вами? Давно ли, кажется, все было такъ тихо, такъ покойно въ этомъ домѣ... и вдругъ... откуда что взялось! Право, мы всѣ съ ума сошли. Полноте, довольно мы подуррачились... Станемте жить по-прежнему... А Аркадію вамъ печего будетъ объяснять; я сама ему расскажу наши проказы, и мы вдвоемъ надъ ними посмѣемся. Я не нуждаюсь въ посредникѣ между мной и моимъ мужемъ!

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь, и блѣдны, какъ смерть... Да вспомните хоть то, что вы мнѣ за четверть часа говорили...

Наталья Петровна.

Мало ли чего нѣтъ! А впрочемъ, я вижу, въ чемъ дѣло... Вы сами поднимаете эту бурю... для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, не одному потонуть.

Ракитинъ.

Опять, опять подозрѣніе, опять упрекъ, Наталья Петровна... Богъ съ вами... но вы меня терзаете. Или вы раскаиваетесь въ своей откровенности?

Наталья Петровна.

Я ни въ чемъ не раскаиваюсь.

Ракитинъ.

Такъ какъ же мнѣ понять васъ?

Наталья Петровна (*съ живостью*).

Ракитинъ, если вы хотя слово скажете отъ меня или обо мнѣ Бѣляеву, я вамъ этого никогда не прощу.

Ракитинъ.

А! вотъ что!.. Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу г. Бѣляеву, но даже не прощусь съ нимъ, уѣзжая отсюда. Я не намѣренъ навязываться съ своими услугами.

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Да вы, можетъ-быть, думаете, что я перемѣнила свое мнѣніе насчетъ... его отъѣзда?

Ракитинъ.

Я ничего не думаю.

Наталья Петровна.

Напротивъ, я такъ убѣждена въ необходимости, какъ вы говорите, его отъѣзда, что я сама намѣрена ему отказать. (*Помолчавъ*). Да, я сама ему откажу.

Ракитинъ.

Вы?

Наталья Петровна.

Да, я. И сейчасъ же. Я васъ прошу прислать его ко мнѣ.

Ракитинъ.

Какъ? сейчасъ?

Наталья Петровна.

Сейчасъ. Я прошу васъ объ этомъ, Ракитинъ. Вы видите, я теперь спокойна. Притомъ, мнѣ теперь не помѣшаютъ. Надобно этимъ воспользоваться... Я вамъ буду очень благодарна. Я его разспрошу.

Ракитинъ.

Да онъ вамъ ничего не скажетъ, помилуйте. Онъ мнѣ самъ сознался, что ему въ вашемъ присутствіи неловко.

Наталья Петровна (*подозрительно*).

А! вы уже говорили съ нимъ обо мнѣ? (*Ракитинъ по-*

жмимаешь плечами). Ну, извините, извините меня, Мишель, и пришлите мнѣ его. Вы увидите, я ему откажу, и все кончится. Все пройдетъ и позабудется, какъ дурной сонъ. Пожалуйста, пришлите его мнѣ. Мнѣ непременно нужно съ нимъ переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

Ракитинъ (*который все время не сводилъ съ нея взора, холодно и печально*).

Извольте. Ваше желаніе будетъ исполнено. (*Идетъ къ дверямъ залы*).

Наталья Петровна (*ему вслѣдъ*).

Благодарствуйте, Мишель.

Ракитинъ (*оборачиваясь*).

О, не благодарите меня, по крайней мѣрѣ... (*Быстро уходитъ въ залу*).

Наталья Петровна (*одна, помолчавъ*).

Онъ благородный человѣкъ... Но неужели я когда-нибудь его любила? (*Встаетъ*). Онъ правъ. Тотъ долженъ уѣхать. Но какъ отказать ему? Я только желаю знать, точно ли ему нравится эта дѣвочка? Можетъ-быть, это все пустяки. Какъ могла я придти въ такое волненіе... къ чему всѣ эти изліянія? Ну, теперь, дѣлать нечего. Желаю я знать, что онъ мнѣ скажетъ? Но онъ долженъ уѣхать... Непременно... непременно... Онъ, можетъ-быть, не захочетъ мнѣ отвѣчать... Вѣдь онъ меня боится... Что жъ? Тѣмъ лучше. Мнѣ нечего съ нимъ много разговаривать... (*Прикладываетъ руку ко лбу*). А у меня голова болить. Не отложить ли до завтра? Въ самомъ дѣлѣ. Сегодня мнѣ все кажется, что за мной наблюдаютъ... До чего я дошла! Нѣтъ, ужъ лучше кончить разомъ... Еще одно, послѣднее усиліе, и я свободна!.. О, да! я жажду свободы и покоя. (*Изъ залы входитъ Бѣляевъ*). Это онъ...

Бѣляевъ (*подходя къ ней*).

Наталья Петровна, мнѣ Михайло Александрычъ сказалъ, что вамъ угодно было меня видѣть...

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ усиліемъ*).

Да, точно... Мнѣ нужно съ вами... объясниться.

Бѣляевъ.

Объясниться?

Наталья Петровна (*не глядя на него*).

Да... объяснить. (*Помолчавъ*). Позвольте вамъ сказать, Алексѣй Николаичъ, я... я недовольна вами.

Бѣляевъ.

Могу я узнать, какая причина?

Наталья Петровна.

Выслушайте меня... Я... я, право, не знаю, съ чего начать. Впрочемъ, я должна предупредить васъ, что мое неудовольствіе не происходитъ отъ какого-нибудь упущенія... по вашей части... Напротивъ, ваше обращеніе съ Колей мнѣ нравится.

Бѣляевъ.

Такъ что же это можетъ быть?

Наталья Петровна (*взглянувъ на него*).

Вы напрасно тревожитесь... Ваша вина еще не такъ велика. Вы молоды, вѣроятно, никогда не жили въ чужомъ домѣ. Вы не могли предвидѣть...

Бѣляевъ.

Но, Наталья Петровна...

Наталья Петровна.

Вы желаете знать, въ чемъ же дѣло, наконецъ? Я понимаю ваше нетерпѣніе. Итакъ, я должна вамъ сказать, что Вѣрочка... (*взглянувъ на него*). Вѣрочка мнѣ во всемъ призналась.

Бѣляевъ (*съ изумленіемъ*).

Вѣра Александровна? Въ чемъ могла вамъ признаться Вѣра Александровна? И что же я тутъ?

Наталья Петровна.

И вы, точно, не знаете, въ чемъ она могла признаться? Вы не догадываетесь?

Бѣляевъ.

Я? нисколько.

Наталья Петровна.

Въ такомъ случаѣ, извините меня. Если вы точно не догадываетесь — я должна просить у васъ извиненія. Я думала... я ошибалась. Но, позвольте вамъ замѣтить, я

вамъ не вѣрю. Я понимаю, что васъ заставляетъ такъ говорить... Я очень уважаю вашу скромность.

Бѣляевъ.

Я васъ рѣшительно не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? Неужели вы думаете меня увѣрить, что вы не замѣтили расположенія этого ребенка, Вѣры, къ вамъ?

Бѣляевъ.

Расположеніе Вѣры Александровны ко мнѣ? Я даже не знаю, что вамъ сказать на это... Помилуйте. Кажется, я всегда былъ съ Вѣрой Александровной, какъ...

Наталья Петровна.

Какъ со всѣми, не правда ли? (*Помолчавъ немного*). Какъ бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дѣло вотъ въ чемъ: эта дѣвочка васъ любитъ. Она сама мнѣ въ этомъ созналась. Ну, теперь я спрашиваю васъ, какъ честнаго человѣка, что вы намѣрены сдѣлать?

Бѣляевъ (*съ смущеніемъ*).

Что я намѣренъ сдѣлать?

Наталья Петровна (*скрестивъ руки*).

Да.

Бѣляевъ.

Все это такъ неожиданно, Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Алексѣй Николаичъ, я вижу... я не хорошо взялась за это дѣло. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на васъ... а я... только... немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. (*Оба садятся*). Я буду откровенна съ вами, Алексѣй Николаичъ, будьте же и вы хотя нѣсколько болѣе довѣрчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вѣра васъ любитъ... конечно, вы въ этомъ не виноваты; я готова предположить, что вы въ этомъ не виноваты... Но, видите ли, Алексѣй Николаичъ, она сирота, моя воспитанница: я отвѣчаю за нее, за ея будущность, за ея счастье. Она еще молода и, я увѣрена, чувство, которое вы внушили ей,

можетъ скоро исчезнуть... въ ея лѣтѣ любить не надолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить васъ. Играть огнемъ все-таки опасно... и я не сомнѣваюсь, что вы, зная теперь ея расположеніе къ вамъ, перемените ваше обращеніе съ ней, будете избѣгать свиданій, прогулокъ въ саду... Не правда ли? Я могу на васъ надѣяться... Съ другимъ я бы побоялась такъ прямо объясниться.

Бѣляевъ.

Наталья Петровна, повѣрьте, я умѣю цѣнить...

Наталья Петровна.

Я вамъ говорю, что я въ васъ не сомнѣваюсь... притомъ, это все останется тайной между нами.

Бѣляевъ.

Признаюсь вамъ, Наталья Петровна, все, что вы мнѣ сказали, кажется мнѣ до того страннымъ... конечно, я не смѣю не вѣрить вамъ, но...

Наталья Петровна.

Послушайте, Алексѣй Николаичъ. Все, что я сказала вамъ теперь... я это сказала въ томъ предположеніи, что съ вашей стороны—нѣтъ ничего... (*перерываетъ самое себя*), потому что въ противномъ случаѣ... конечно, я васъ еще мало знаю, но я настолько уже знаю васъ, что не вижу причины противиться вашимъ намѣреніямъ. Вы не богаты... но вы молоды, у васъ есть будущность, и когда два человѣка другъ друга любятъ... Я, повторяю вамъ, я сочла своею обязанностью предупредить васъ, какъ честнаго человѣка, насчетъ послѣдствій вашего знакомства съ Вѣрой; но если вы...

Бѣляевъ (*съ недоумѣніемъ*).

Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что вы хотите сказать...

Наталья Петровна (*поспѣшно*).

О, повѣрьте, я не требую отъ васъ признанія, я и безъ того... я изъ вашего поведенія пойму, въ чемъ дѣло... (*Взглянувъ на него.*) Впрочемъ, я должна вамъ сказать, что Вѣрѣ показалось, что и вы къ ней не совсѣмъ равнодушны.

Бѣляевъ (*помолчавъ, встаетъ*).

Наталья Петровна, я вижу: мнѣ нельзя оставаться у васъ въ домѣ.

Наталья Петровна (*вспыхнувъ*).

Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вамъ сама отказала... (*Встаетъ*.)

Бѣляевъ.

Вы были со мной откровенны... Позвольте же и мнѣ быть откровеннымъ съ вами. Я не люблю Вѣру Александровну, по крайней мѣрѣ, я не люблю ее такъ, какъ вы предполагаете.

Наталья Петровна.

Да развѣ я... (*Останавливается*.)

Бѣляевъ.

И, если я понравился Вѣрѣ Александровнѣ, если ей показалось, что и я, какъ вы говорите, къ ней равнодушенъ, я не хочу ее обманывать; я ей самой все скажу, всю правду. Но послѣ подобнаго объясненія, вы поймете сами, Наталья Петровна, мнѣ будетъ трудно здѣсь остаться: мое положеніе было бы слишкомъ неловко. Я не стану вамъ говорить, какъ мнѣ тяжело оставить вашъ домъ... мнѣ другого дѣлать нечего. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать о васъ... Позвольте мнѣ удалиться... Я еще буду имѣть честь проститься съ вами.

Наталья Петровна (*съ притворнымъ равнодушіемъ*).

Какъ хотите... но я, признаюсь, этого не ожидала... Я совсѣмъ не для того хотѣла съ вами объясниться... Я только хотѣла предупредить васъ... Вѣра еще дитя... Я, можетъ-быть, придала всему этому слишкомъ много значенія. Я не вижу необходимости вашего отъѣзда. Впрочемъ, какъ хотите.

Бѣляевъ.

Наталья Петровна... мнѣ, право, невозможно болѣе оставаться здѣсь.

Наталья Петровна.

Вамъ, видно, очень легко разстаться съ нами!

Бѣляевъ.

Нѣтъ, Наталья Петровна, не легко.

Наталья Петровна.

Я не привыкла удерживать людей противъ ихъ воли... но, признаюсь, это мнѣ очень непріятно.

Бѣляевъ (*послѣ нѣкоторой нервышности*).

Наталья Петровна... я не желалъ бы причинить вамъ малѣйшую непріятность... Я остаюсь.

Наталья Петровна (*подозрительно*).

А!.. (*Помолчавъ*.) Я не ожидала, что вы такъ скоро перемѣните ваше рѣшеніе... Я вамъ благодарна, но... Позвольте мнѣ подумать. Можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, вамъ точно надобно уѣхать. Я подумаю, я вамъ дамъ знать... Вы позволите мнѣ до сегодняшняго вечера оставить васъ въ неизвѣстности?

Бѣляевъ.

Я готовъ ждать, сколько вамъ угодно. (*Кланяется и хочетъ уйти*.)

Наталья Петровна.

Вы мнѣ общаете...

Бѣляевъ (*останавливаясь*).

Что-съ?

Наталья Петровна.

Вы, кажется, хотѣли объясниться съ Вѣрой... Я не знаю, будетъ ли это прилично. Впрочемъ, я вамъ дамъ знать мое рѣшеніе. Я начинаю думать, что вамъ, точно, надобно уѣхать. До свиданія. (*Бѣляевъ вторично кланяется и уходитъ въ залу. Наталья Петровна глядитъ ему вслѣдъ*.) Я спокойна! Онъ ее не любитъ... (*Прохаживается по комнатѣ*.) И такъ, вмѣсто того, чтобы отказать ему, я сама его удержала? Онъ остается... Но что я скажу Ракитину? Что я сдѣлала? (*Помолчавъ*.) И какое имѣла я право разгласить любовь этой бѣдной дѣвочки?.. Какъ? Я сама выманила у ней признаніе... полупризнаніе, и потомъ я же сама такъ безжалостно, такъ грубо... (*Закрываетъ лицо руками*.) Можетъ-быть, онъ начиналъ ее любить... Съ какого права я растоптала этотъ цвѣтокъ въ зародышѣ... Да и полно, растоптала ли я его? Можетъ-быть, онъ обманулъ меня... Хотѣла же я его обмануть!.. О, нѣтъ! Онъ для этого слишкомъ благороденъ...

Онъ не то, что я! И изъ чего я такъ торопилась? сейчасъ все разболтала? (*Вздохнувъ.*) Мало чего нѣтъ? Если бы я могла предвидѣть... Какъ я хитрила, какъ я лгала передъ нимъ... а онъ! Какъ онъ смѣло и свободно говорилъ... Я склонялась передъ нимъ... Это человѣкъ! Я его еще не знала... Онъ долженъ уѣхать. Если онъ останется... Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уваженіе къ самой себѣ... Онъ долженъ уѣхать, или я погибла! Я ему напишу, пока онъ еще не успѣлъ увидаться съ Вѣрой... Онъ долженъ уѣхать! (*Быстро уходитъ въ кабинетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ большіи, пустыя сѣни. Стѣны голыя, полъ неровный, каменный; шесть кирпичныхъ, выбѣленныхъ и облупленныхъ колоннъ, по три съ cadaго бока, поддерживаютъ потолокъ. Налѣво два открытыхъ окна и дверь въ садъ. Направо дверь въ коридоръ, ведущій къ главному дому; прямо желѣзная дверь въ кладовую. Возлѣ первой колонны направо садовая зеленая скамья; въ одномъ углу нѣсколько лопатъ, леекъ и горшковъ.

Вечеръ. Красныя лучи солнца падаютъ сквозь окна на полъ.

Катя (*сходитъ изъ двери направо, проворно идетъ къ окну и глядитъ нѣкоторое время въ садъ*).

Нѣтъ, не видать. А мнѣ сказали, что онъ пошелъ въ оранжерею. Знать, еще не вышелъ оттуда. Что жъ, подожду, пока мимо пойдетъ. Ему другой дороги нѣту... (*Вдыхаетъ и прислоняется къ окну.*) Онъ, говорятъ, уѣзжаетъ. (*Вдыхаетъ опять.*) Какъ же это мы безъ него будемъ... Бѣдная барышня! Какъ она меня просила... Что жъ, отчего не услужить? Пусть поговорить съ ней на послѣдяхъ. Экая теплынь сегодня! А, какись, дождикъ накрапываетъ... (*Опять взглядываетъ изъ окна и вдругъ подается назадъ.*) Да ужъ они не сюда ли?.. Точно сюда. Ахъ, батюшки... (*Хочетъ убѣжать, но не успѣваетъ еще дойти до двери коридора, какъ уже изъ саду входитъ Шпигельскій съ Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.*)

Шпигельскій (*отряхивая шляпу*).

Мы можемъ здѣсь дождикъ переждать... Онъ скоро пройдетъ.

Лизавета Богдановна.

Пожалуй.

Шпигельскій (*оглядываясь*).

Что это за строеніе? Кладовая, что ли?

Лизавета Богдановна (*указывая на желѣзную дверь*).

Нѣтъ, кладовая вотъ гдѣ. Эти сѣни, говорятъ, Аркадія Сергѣича батюшка пристроилъ, когда изъ чужихъ краевъ вернулся.

Шпигельскій.

А! я вижу, въ чемъ дѣло: Венеція, сударь ты мой. (*Садится на скамью*.) Присядемте. (*Лизавета Богдановна садится*.) А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождикъ этотъ некстати пошелъ. Онъ перервалъ наши объясненія на самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

Лизавета Богдановна (*опустивъ глаза*).

Игнатій Ильичъ...

Шпигельскій.

Но никто намъ не мѣшаетъ возобновить нашъ разговоръ... Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не въ духѣ сегодня?

Лизавета Богдановна.

Да, не въ духѣ. Она даже обѣдала у себя въ комнатѣ.

Шпигельскій.

Вотъ какъ! Экое несчастье, подумаешь!

Лизавета Богдановна.

Она сегодня поутру застала Наталью Петровну въ слезахъ... съ Михайломъ Александрычемъ... Онъ, конечно, свой человѣкъ, но все-таки... Впрочемъ, Михайло Александрычъ обѣщался все объяснить.

Шпигельскій.

А! Ну, напрасно жъ она тревожится. Михайло Александрычъ, по моему мнѣнію, никогда не былъ человѣкомъ опаснымъ, а ужъ теперь-то менѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Лизавета Богдановна.

А что?

Шпигельскій.

Да такъ. Больно умно говорить. У кого сыплю, а у этихъ умниковъ все языкомъ выходитъ, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и впередъ не бойтесь болтуновъ: они не опасны; а вотъ тѣ, что больше молчатъ, да съ придурью, да темпераменту много, да затылокъ широкъ, тѣ вотъ опасны.

Лизавета Богдановна (*помолчавъ*).

Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

Шпигельскій.

Такъ же нездорова, какъ мы съ вами.

Лизавета Богдановна.

Она за обѣдомъ ничего не кушала.

Шпигельскій.

Не одна болѣзнь отнимаетъ аппетитъ.

Лизавета Богдановна.

Вы у Большинцова обѣдали?

Шпигельскій.

Да, у него... Я къ нему съѣздилъ. И для васъ только вернулся, ей-Богу.

Лизавета Богдановна.

Ну, полноте. А знаете ли что, Игнатій Ильичъ? Наталья Петровна за что-то на васъ сердится... Она за столомъ не совсѣмъ выгодно объ васъ отзывалась.

Шпигельскій.

Въ самомъ дѣлѣ? Видно, барынямъ не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячіе. Дѣлай по-ихнему, помогай имъ — да и притворяйся еще, что не понимаешь ихъ. Вишь, какія! Ну, однако, посмотримъ. И Ракитинъ, чай, носъ на квинту повѣсилъ?

Лизавета Богдановна.

Да, онъ сегодня тоже какъ будто не въ своей тарелкѣ...

Шпигельскій.

Г-мъ. А Вѣра Александровна? Бѣляевъ?

Лизавета Богдановна.

Всѣ, таки рѣшительно всѣ не въ духѣ. Я, право, не могу придумать, что съ ними сегодня со всѣми?

Шпигельскій.

Много будете знать, до времени состарѣетесь, Лизавета Богдановна... Ну, впрочемъ, Богъ съ ними. Поговоримте лучше объ нашемъ дѣлѣ. Дождикъ-то, вишь, все еще не пересталъ... Хотите?

Лизавета Богдановна (*жестомъ опустилъ глаза*).

Что вы у меня спрашиваете, Игнатій Ильичъ?

Шпигельскій.

Эхъ, Лизавета Богдановна, позвольте вамъ замѣтить: что вамъ за охота жеманиться, глаза вдругъ этакъ опускать? Мы вѣдь съ вами люди не молодые! Эти церемоніи, нѣжности, вздохи—это все къ намъ нейдетъ. Будемте говорить спокойно, дѣльно, какъ оно и прилично людямъ нашихъ лѣтъ. Итакъ, вотъ въ чемъ вопросъ: мы другъ другу правимся... по крайней мѣрѣ, я предполагаю, что я вамъ правлюсь...

Лизавета Богдановна (*слегка жеманясь*).

Игнатій Ильичъ, право...

Шпигельскій.

Ну, да, да, хорошо. Вамъ, какъ женщинѣ, оно даже и слѣдуетъ... этакъ того... (*показываетъ рукой*) пофинтить, то-есть. Стало-быть, мы другъ другу правимся. И въ другихъ отношеніяхъ мы тоже подъ пару. Я, конечно, про себя долженъ сказать, что я человѣкъ рода не высокаго: ну, да вѣдь и вы не знатнаго происхожденія. Я человѣкъ не богатый; въ противномъ случаѣ, я бы вѣдь и того-съ... (*Усмѣхается*). Но практика у меня порядочная, больные мои не всѣ мрутъ; у васъ, по вашимъ словамъ, пятнадцать тысячъ наличныхъ денегъ; это все, изволите видѣть, не дурно. Притомъ же, вамъ, я воображаю, надобно вѣчно жить въ гувернанткахъ, ну, да и со старухой возиться, вистовать ей въ преферансъ и поддакивать — тоже, должно-быть, не весело. Съ моей стороны, мнѣ не то, чтобы наскучила холостая жизнь, а старѣюсь я, ну, да и кухарки меня грабятъ; стало-быть, оно все,

знаете ли, приходится подъ-ладъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе, Лизавета Богдановна: мы вѣдь другъ друга вовсе не знаемъ, то-есть, по правдѣ сказать, вы меня не знаете... Я-то васъ знаю. Мнѣ вашъ характеръ извѣстенъ. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатковъ. Вы, въ дѣвицахъ будучи, маленько окисли, да вѣдь это не бѣда. У хорошаго мужа жена, что мягкій воскъ. Но я желаю, чтобы и вы меня знали передъ свадьбой; а то вы, пожалуй, потомъ на меня пенять станете... Я васъ обманывать не хочу.

Лизавета Богдановна (*съ достоинствомъ*).

Но, Игнатій Ильичъ, мнѣ кажется, я тоже имѣла случай узнать вашъ характеръ...

Шпигельскій.

Вы? Э, полноте... Это не женское дѣло. Вѣдь вы, напримѣръ, чай, думаете, что я человѣкъ веселаго нрава—забавникъ, а?

Лизавета Богдановна.

Мнѣ всегда казалось, что вы очень любезный человѣкъ...

Шпигельскій.

То-то вотъ и есть. Видите, какъ легко можно ошибиться. Оттого, что я передъ чужими дурачусь, анекдоты имъ рассказываю, прислуживаю имъ, вы ужъ и подумали, что я въ самомъ дѣлѣ веселый человѣкъ. Если бы я въ нихъ не нуждался, въ этихъ чужихъ-то, да я бы и не посмотрѣлъ на нихъ... Я и то, гдѣ только можно, безъ большой опасности, знаете, ихъ же самихъ на смѣхъ поднимаю... Я, впрочемъ, не обманываю себя: я знаю, ищые господа, которымъ и пужень-то я на каждомъ шагу, и скучно-то безъ меня, почитаютъ себя въ правѣ меня презирать; да вѣдь и я у нихъ не въ долгу. Вотъ, хоть бы Наталья Петровна... Вы думаете, я не вижу ее насквозь? (*Передразнивая ее*). „Любезный докторъ, я васъ, право, очень люблю... у васъ такой злой языкъ...“ хе, хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ухъ, эти мнѣ барыни! И улыбаются-то онѣ вамъ, и глазки этакъ щурятъ; а на лицѣ написана гадливость... Брезгаютъ онѣ нами, что ты будешь дѣлать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо

мнѣ отзывается. Право, эти барыни удивительный народъ! Оттого, что онѣ каждый день одеколономъ моются, да говорятъ этакъ небрежно, словно роняютъ слова—подбери, молъ, ты! — ужъ онѣ и воображаютъ, что ихъ за хвостъ поймать нельзя. Да, какъ бы не такъ! Такія же смертныя, какъ и всѣ мы, грѣшныя!

Лизавета Богдановна.

Игнатій Ильичъ... Вы меня удивляете.

Шпигельскій.

Я зналъ, что я васъ удивлю. Вы, стало-быть, видите, что я человѣкъ не веселый вовсе, можетъ-быть, даже и не слишкомъ добрый... Но я тоже не хочу прослыть передъ вами тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ. Какъ я ни ломаюсь передъ господами, шутю меня никто не видалъ, по носу меня еще никто не щелкнулъ. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знаютъ, что я кусаюсь. Однажды, года три тому назадъ, одинъ господинъ, черноземный такой, сдуру, за столомъ, взялъ, да мнѣ въ волосы рѣдъку воткнулъ. Чтò вы думаете? Я его въ ту же минуту и не горячась, знаете, самымъ вѣжливымъ образомъ вызвалъ на дуэль. Черноземнаго отъ испуга чуть параличъ не хватилъ; хозяинъ извиниться его заставилъ — эффектъ вышелъ необыкновенный!.. Я, признаться сказать, напередъ зналъ, что онъ драться не станетъ. Вотъ, видите ли, Лизавета Богдановна, самолюбія у меня тьма; да жизнь ужъ такая вышла. Таланты тоже не большіе... учился я кой-какъ. Докторъ я плохой, передъ вами мнѣ нечего скрывать, и если вы когда у меня занеможете, не я васъ лѣчить стану. Кабы таланты, да воспитаніе, я бы въ столицу махнулъ. Ну, для здѣшнихъ обывателей, конечно, лучшаго доктора и не надо. Что же касается собственно моего нрава, то я долженъ предупредить васъ, Лизавета Богдановна: дома я угрюмъ, молчаливъ, взыскателенъ; не сержусь, когда мнѣ угождаютъ и услуживаютъ; люблю, чтобы замѣчали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочемъ, я не ревнивъ и не скупъ, и въ моемъ отсутствіи вы можете дѣлать все, что вамъ угодно. Объ романтической этакъ любви

между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочемъ, я воображаю, что со мной еще можно жить подъ одной крышей... Лишь бы мнѣ угождали, да не плакали при мнѣ, этого я терпѣть не могу! А я не придирчивъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Ну-съ, что вы теперь скажете?

Лизавета Богдановна.

Что мнѣ вамъ сказать, Игнатій Ильичъ... Если вы не очернили себя съ намѣреніемъ...

Шпигельскій.

Да чѣмъ же я себя очернилъ? Вы не забудьте того, что другой бы на моемъ мѣстѣ преспокойно промолчалъ бы о своихъ недостаткахъ, благо вы ничего не замѣтили, а послѣ свадьбы, шалишь, послѣ свадьбы поздно. Но я для этого слишкомъ гордъ. (*Лизавета Богдановна взглядываетъ на него*). Да, да, гордъ... какъ вы ни изволите глядѣть на меня. Я передъ моей будущей женой при-творяться и лгать не намѣренъ, не только изъ пятнадцати, изо ста тысячъ; а чужому я изъ-за куля муки низехонько поклонюсь. Таковъ ужъ мой нравъ... Чужому-то я зубы скалю, а внутренно думаю: экой ты болванъ, братецъ, на какую удочку идешь; а съ вами я говорю, что думаю. То-есть, позвольте, и вамъ я не все говорю, что думаю; по крайней мѣрѣ, я васъ не обманываю. Я долженъ вамъ большимъ чудакомъ казаться, точно; да вотъ постойте, я вамъ когда-нибудь расскажу мою жизнь: вы удивитесь, какъ я еще настолько уцѣлѣлъ. Вы тоже, чай, въ дѣтствѣ не на золотѣ ѣли, а все-таки вы, голубушка, не можете себѣ представить, что такое настоящая, заматерѣлая бѣдность... Впрочемъ, это я вамъ все когда-нибудь въ другое время расскажу. А теперь, вотъ, вы лучше обдумайте, что я вамъ имѣлъ честь доложить... Обсудите хорошенько, наединѣ, это дѣльцо, да и сообщите мнѣ ваше рѣшеніе. Вы, сколько я могъ замѣтить, женщина благоразумная. Вы... Кстати, сколько вамъ лѣтъ?

Лизавета Богдановна.

Мнѣ... мнѣ... тридцать лѣтъ.

Шпигельскій (спокойно).

А вотъ и не правда: вамъ цѣлыхъ сорокъ.

Лизавета Богдановна (вспыхнувъ).

Совсѣмъ не сорокъ, а тридцать-шесть.

Шпигельскій.

Все же не тридцать. Вотъ, и отъ этого вамъ, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть... тѣмъ болѣе, что замужняя женщина въ тридцать-шесть лѣтъ вовсе не стара. Табакъ тоже вы напрасно нюхаете. (Вставая). А дождикъ, кажется, пересталъ.

Лизавета Богдановна (тоже вставая).

Да, пересталъ.

Шпигельскій.

Итакъ вы мнѣ на-дняхъ дадите отвѣтъ?

Лизавета Богдановна.

Я вамъ завтра же скажу мое рѣшеніе.

Шпигельскій.

Вотъ, люблю!.. Вотъ, что умно, такъ умно! Ай да Лизавета Богдановна? Ну, дайте жъ мнѣ вашу руку. Пойдемте домой.

Лизавета Богдановна (отдавая ему свою руку).

Пойдемте.

Шпигельскій.

А кстати: я не поцѣловалъ ея у васъ... а оно, кажется, требуется... Ну, на этотъ разъ куда ни шло! (Цѣлуетъ ея руку. Лизавета Богдановна краснѣетъ). Вотъ, такъ. (Направляется къ двери сада).

Лизавета Богдановна (останавливаясь).

Такъ вы думаете, Игнатій Ильичъ, что Михайло Александрычъ точно не опасный человѣкъ?

Шпигельскій.

Я думаю.

Лизавета Богдановна.

Знаете ли что, Игнатій Ильичъ? Мнѣ кажется, Наталья Петровна съ нѣкоторыхъ поръ... мнѣ кажется, что г-нъ Бѣляевъ... Она обращаетъ на него вниманіе... а? Да и Вѣрочка, какъ вы думаете? Ужъ не отъ этого ли сегодня...

Шпигельскій *(перебивая ее)*.

Я забылъ вамъ еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я самъ ужасно любопытенъ, а любопытныхъ женщинъ терпѣть не могу. То-есть, я объясняюсь: по-моему жена должна быть любопытна и наблюдательна (это даже очень полезно для ея мужа), только съ другими... Вы понимаете меня: съ другими. Впрочемъ, если вамъ непременно хочется знать мое мнѣніе насчетъ Натальи Петровны, Вѣры Александровны, г-на Бѣляева и вообще здѣшнихъ жителей, слушайте же, я вамъ спою пѣсенку. У меня голосъ прескверный, да вы не взыщите.

Лизавета Богдановна *(съ удивленіемъ)*.

Пѣсенку!

Шпигельскій.

Слушайте! Первый куплетъ:

Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ,
Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ,
Фитъ какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!
Фитъ какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!

Второй куплетъ:

Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Фитъ какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ погуляти!
Фитъ какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ погуляти!

Лизавета Богдановна.

Но я, право, не понимаю...

Шпигельскій.

Слушайте же! Третій куплетъ:

Сѣрые во-олки козлика съѣли,
Сѣрые во-олки козлика съѣли, *(подпрыгивая)*
Фитъ какъ! вотъ какъ! козлика съѣли!
Фитъ какъ! вотъ какъ! козлика съѣли!

А теперь пойдете. Мнѣ же, кстати, нужно съ Натальей Петровной потолковать. Авось не укуситъ. Если я не ошибаюсь, я ей еще нуженъ. Пойдете. *(Уходятъ въ садъ)*.

Катя *(осторожно выходя изъ-за колонны)*.

Насилу-то ушли! Экой этотъ лѣкарь злющій... говорилъ, говорилъ, чтò говорилъ! А ужъ поётъ-то какъ? Боюсь я,

какъ бы тѣмъ временемъ Алексѣй Николаичъ домой не вернулся... И нужно жъ имъ было именно сюда придти! *(Подходитъ къ окну)*. А Лизавета Богдановна лѣкаршей будетъ... *(Смѣясь)*. Вишь, какая... Ну, да я ей не завидую... *(Выглядываетъ изъ окна)*. Какъ трава словно обмылась... какъ хорошо пахнетъ... Это отъ черемухи такъ пахнетъ. А, да вотъ онъ идетъ. *(Подождавъ)*. Алексѣй Николаичъ!.. Алексѣй Николаичъ!

Голосъ Бѣляева *(за кулисами)*.

Кто меня зоветъ? А, это ты, Катя? *(Подходитъ къ окну)*. Что тебѣ надобно?

Катя.

Войдите сюда... мнѣ вамъ нужно что-то сказать.

Бѣляевъ.

А! изволь. *(Отходитъ отъ окна и черезъ минуту входитъ въ двери)*. Вотъ я.

Катя.

Васъ дождикъ не замочилъ?

Бѣляевъ.

Нѣтъ... я въ теплицѣ сидѣлъ съ Потапомъ... что опъ тебѣ дядей, что ли, приходится?

Катя.

Да-съ. Они мнѣ дяденька.

Бѣляевъ.

Какая ты сегодня хорошенькая! *(Катя улыбается и опускаетъ глаза. Онъ достаетъ изъ кармана персикъ)*. Хочешь?

Катя *(отказываясь)*.

Покорно благодарю... покушайте сами.

Бѣляевъ.

А я развѣ отказался, когда ты мнѣ вчера малины поднесла? Возьми, я для тебя его сорвалъ... право.

Катя.

Ну, благодарствуйте. *(Беретъ персикъ)*.

Бѣляевъ.

То-то же. Такъ что жъ ты мнѣ сказать хотѣла?

Катя.

Барышня... Вѣра Александровна, попросила меня... Онѣ желаютъ васъ видѣть.

Бѣляевъ.

А! Ну, я сейчасъ къ ней пойду.

Катя.

Нѣтъ-съ... онѣ сами сюда будутъ. Имъ нужно съ вами переговорить.

Бѣляевъ *(съ нѣкоторымъ изумленіемъ)*.

Она хочетъ сюда придти?

Катя.

Да-съ. Здѣсь, знаете ли... Сюда никто не заходитъ. Здѣсь не могутъ помѣшать... *(Вздыхаетъ)*. Она васъ очень любитъ, Алексѣй Николаичъ... Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождете?

Бѣляевъ.

Конечно, конечно.

Катя.

Сейчасъ... *(Идетъ и останавливается)*. Алексѣй Николаичъ, правда ли говорятъ вы отъ насъ уѣзжаете?

Бѣляевъ.

Я? нѣтъ... Кто тебѣ сказалъ?

Катя.

Такъ вы не уѣзжаете? Ну, и слава Богу! *(Съ смущеніемъ)*. Мы сейчасъ вернемся. *(Уходитъ въ дверь, ведущую въ домъ)*.

Бѣляевъ *(остается на нѣкоторое время неподвижнымъ)*.

Это чудеса! чудеса со мной происходятъ. Признаюсь, я всего этого никакъ не ожидалъ... Вѣра меня любитъ... Наталья Петровна это знаетъ... Вѣра сама ей во всемъ созналась... чудеса! Вѣра — такой милый, добрый ребенокъ; но... что значить, напримѣръ, эта записка? *(Достаетъ изъ кармана небольшой лоскутокъ бумаги)*. Отъ Натальи Петровны... карандашомъ. „Не уѣзжайте, не рѣшайтесь ни на что, пока я съ вами не переговорила“. О чемъ она хочетъ говорить со мной? *(Помолчавъ)*. Какія глупыя мысли мнѣ приходятъ въ голову! Признаюсь, все это меня чрезвычайно смущаетъ. Если бы кто-нибудь мнѣ

мѣсяцъ тому назадъ сказалъ, что я... я... Я никакъ не могу придти въ себя послѣ этого разговора съ Натальей Петровной. Отчего у меня сердце такъ бьется? И теперь Вѣра, вотъ, хочетъ меня видѣть... Что я ей скажу! По крайней мѣрѣ, я узнаю, въ чемъ дѣло... Можетъ-быть, Наталья Петровна на меня сердится... Да за что же? (*Разсматриваетъ опять записку*). Это все странно, очень странно. (*Дверь тихонько растворяется. Онъ быстро прячетъ записку. На порогъ показываются Вѣра и Катя. Онъ подходитъ къ нимъ. Вѣра очень блѣдна, не поднимаетъ глазъ и не трогается съ мѣста*).

Катя.

Не бойтесь, барышня, подойдите къ нему; я буду насторожѣнъ... Не бойтесь. (*Бѣляеву*). Ахъ, Алексѣй Николаичъ! (*Она закрываетъ окно, уходитъ въ садъ и запираетъ за собою дверь*).

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна... вы хотѣли меня видѣть. Подойдите сюда, сядьте вотъ здѣсь. (*Беретъ ее за руку и ведетъ къ скамьѣ. Вѣра садится*). Вотъ, такъ. (*Съ удивленіемъ глядя на нее*). Вы плакали?

Вѣра (*не поднимая глазъ*).

Это ничего... Я пришла просить у васъ прощенія, Алексѣй Николаичъ.

Бѣляевъ.

Въ чемъ?

Вѣра.

Я слышала... у васъ было непріятное объясненіе съ Натальей Петровной... Вы уѣзжаете... Вамъ отказали.

Бѣляевъ.

Кто вамъ это сказалъ?

Вѣра.

Сама Наталья Петровна... Я встрѣтила ее послѣ вашего объясненія съ ней... Она мнѣ сказала, что вы сами не хотите больше оставаться у насъ. Но я думаю, что вамъ отказали.

Бѣляевъ.

Скажите, въ домѣ это знаютъ?

Вѣра.

Нѣтъ... Одна Катя... Я должна была ей сказать... Я хотѣла съ вами говорить, попросить у васъ прощенія. Представьте же теперь, какъ мнѣ должно быть тяжело... Вѣдь я всему причиной, Алексѣй Николаичъ; я одна виновата.

Бѣляевъ.

Вы, Вѣра Александровна?

Вѣра.

Я никакъ не могла ожидать... Наталья Петровна... Впрочемъ, я ее извиняю. Извините меня и вы... Сегодня поутру я была глупымъ ребенкомъ, а теперь... (*Останавливается*).

Бѣляевъ.

Еще ничего не рѣшено, Вѣра Александровна... Я, можетъ-быть, останусь.

Вѣра (*печально*).

Вы говорите, ничего не рѣшено, Алексѣй Николаичъ... Нѣтъ, все рѣшено, все кончено. Вотъ, вы какъ со мной теперь; а помните, еще вчера, въ саду... (*Помолчавъ*). Ахъ, я вижу, Наталья Петровна вамъ все сказала.

Бѣляевъ (*съ смущеніемъ*).

Вѣра Александровна...

Вѣра.

Она вамъ все сказала, я это вижу... Она хотѣла поймать меня, и я, глупая, такъ и бросилась въ ея сѣти... Но и она выдала себя... Я, все-таки, не такой уже ребенокъ. (*Понизивъ голосъ*). О, нѣтъ!

Бѣляевъ.

Что вы хотите сказать?

Вѣра (*взглянувъ на него*).

Алексѣй Николаичъ, точно ли вы сами хотѣли оставить насъ?

Бѣляевъ.

Да.

Вѣра.

Отчего? (*Бѣляевъ молчитъ*). Вы мнѣ не отвѣчаете?

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, вы не ошиблись... Наталья Петровна мнѣ все сказала.

Вѣра (*слабымъ голосомъ*).

Что, напримѣръ?

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна... Мнѣ, право, невозможно... Вы меня понимаете.

Вѣра.

Она вамъ, можетъ-быть, сказала, что я васъ люблю?

Бѣляевъ (*нервничательно*).

Да.

Вѣра (*быстро*).

Да это неправда...

Бѣляевъ (*съ смущеніемъ*).

Какъ!..

Вѣра (*закрываетъ лицо руками и глухо шепчетъ сквозь пальцы*).

Я, по крайней мѣрѣ, ей этого не сказала, я не помню... (*Поднимая голову*). О, какъ жестоко она поступила со мной! И вы... вы отъ этого хотите уѣхать?

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, посудите сами...

Вѣра (*взглянувъ на него*).

Онъ меня не любитъ! (*Опять закрываетъ лицо*).

Бѣляевъ (*садится подлѣ нея и беретъ ея руки*).

Вѣра Александровна, дайте мнѣ вашу руку... Послушайте, между нами не должно быть недоразумѣній. Я люблю васъ, какъ сестру; я люблю васъ, потому что васъ нельзя не любить. Извините меня, если я... Я отъ роду не былъ въ такомъ положеніи... Я бы не желалъ оскорбить васъ... Я не стану притворяться передъ вами; я знаю, что я вамъ понравился, что вы меня полюбили... Но посудите сами, что изъ этого можетъ выйти? Мнѣ всего двадцать лѣтъ, за мной гроша нѣту. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вамъ сказать.

Вѣра (*отнимая руки отъ лица и глядя на него*).

И какъ будто я что-нибудь требовала, Боже мой! Но зачѣмъ же такъ жестоко, такъ немилосердно... (*Она останавливается*).

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, я не желалъ огорчить васъ.

Вѣра.

Я васъ не обвиняю, Алексѣй Николаичъ. Въ чемъ вы виноваты? Виновата одна я... За то и наказана! Я и ее не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя... Она потерялась.

Бѣляевъ (*съ недоумѣніемъ*).

Потерялась?

Вѣра (*оборачиваясь къ нему*).

Наталья Петровна васъ любитъ, Бѣляевъ.

Бѣляевъ.

Какъ?

Вѣра.

Она влюблена въ васъ.

Бѣляевъ.

Что вы говорите?

Вѣра.

Я знаю, что я говорю. Сегодняшній день меня состарѣлъ... Я не ребенокъ больше, повѣрьте. Она вздумала ревновать... ко мнѣ! (*Съ горькой улыбкой*). Какъ вамъ это кажется?

Бѣляевъ.

Да это быть не можетъ!

Вѣра.

Не можетъ быть... Но зачѣмъ же она вдругъ вздумала выдать меня за этого господина, какъ бишь его, за Большинцова? Зачѣмъ подсылала ко мнѣ доктора, зачѣмъ сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Если бъ вы могли видѣть, Бѣляевъ, какъ у ней все лицо перемѣнилось, когда я ей сказала... О, вы не можете вообразить, какъ хитро, какъ лукаво она выманивала у меня это сознаніе... Да, она васъ любитъ; это слишкомъ ясно...

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

Вѣра.

Нѣтъ, я не ошибаюсь. Повѣрьте мнѣ: я не ошибаюсь. Если она васъ не любитъ, зачѣмъ же она меня такъ истерзала? Чтò я ей сдѣлала? (*Горько*). Ревность все извиняетъ. Да что и говорить!.. И теперь, вотъ, зачѣмъ она вамъ отказывается? Она думаетъ, что вы... что мы съ вами... О, она можетъ успокоиться! Вы можете остаться! (*Закрываетъ лицо руками*).

Бѣляевъ.

Она до сихъ поръ мнѣ не отказала, Вѣра Александровна... Я вамъ уже сказывалъ, что еще ничего не рѣшено...

Вѣра (*вдругъ поднимаетъ голову и глядитъ на него*).
Въ самомъ дѣлѣ?

Бѣляевъ.

Да... но зачѣмъ вы такъ смотрите на меня?

Вѣра (*словно про себя*).

А! я понимаю... Да, да... она сама еще надѣется... (*Дверь изъ коридора быстро растворяется, и на порогъ показывается Наталья Петровна. Она останавливается при видѣ Вѣры и Бѣлева*).

Бѣляевъ.

Чтò вы говорите?

Вѣра.

Да, теперь мнѣ все ясно... Она опомнилась, она поняла, что я ей не опасна! и въ самомъ дѣлѣ, чтò я такое? Глупая дѣвчонка, а она!

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, какъ вы можете думать...

Вѣра.

Да и наконецъ, кто знаетъ? Можетъ-быть, она права... можетъ-быть, вы ее любите...

Бѣляевъ.

Я?

Вѣра (*вставая*).

Да, вы; отчего вы краснѣете?

Бѣляевъ.

Я, Вѣра Александровна?

Вѣра.

Вы ее любите, вы можете ее полюбить?.. Вы не отвѣчаете на мой вопросъ?

Бѣляевъ.

Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвѣчалъ вамъ? Вѣра Александровна, вы такъ взволнованы... Успокойтесь ради Бога...

Вѣра (*отворачиваясь отъ него*).

О, вы обращаетесь со мной, какъ съ ребенкомъ... Вы даже не удостоиваете меня серьезнаго отвѣта... Вы, просто, желаете отдѣлаться... Вы меня утѣшаете! (*Хочетъ уйти, но вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны*). Наталья Петровна... (*Бѣляевъ быстро оглядывается*).

Наталья Петровна (*дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ*).

Да, я. (*Она говоритъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ*). Я пришла за тобой, Вѣрочка.

Вѣра (*медленно и холодно*).

Почему вамъ вздумалось именно сюда придти? Вы, стало-быть, меня искали?

Наталья Петровна.

Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Вѣрочка... Уже не разъ я тебѣ говорила... И вы, Алексѣй Николаичъ, вы забыли ваше обѣщаніе... Вы меня обманули.

Вѣра.

Да полноте же, наконецъ, Наталья Петровна, перестаньте! (*Наталья Петровна съ изумленіемъ глядитъ на нее*). Полно вамъ говорить со мной, какъ съ ребенкомъ... (*Понизивъ голосъ*). Я женщина съ сегодняшняго дня... Я такая же женщина, какъ вы.

Наталья Петровна (*съ смущеніемъ*).

Вѣра...

Вѣра (*почти шопотомъ*).

Онъ васъ не обманулъ... Не онъ искалъ этого свиданія со мной. Вѣдь онъ меня не любитъ, вы это знаете, вамъ нечего ревновать.

Наталья Петровна (съ возрастающимъ изумленіемъ).
Вѣра!

Вѣра.

Повѣрьте мнѣ... не хитрите больше. Эти хитрости теперь ужъ ни къ чему не служатъ... Я ихъ насквозь вижу теперь. Повѣрьте. Я, Наталья Петровна, для васъ не воспитанница, за которой вы наблюдаете (съ ироніей), какъ старшая сестра... (Пододвигается къ ней). Я для васъ соперница.

Наталья Петровна.

Вѣра, вы забываетесь...

Вѣра.

Можетъ-быть... но кто меня до этого довелъ? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смѣлость такъ говорить съ вами... Можетъ-быть, я говорю такъ оттого, что я ни на что болѣе не надѣюсь, оттого, что вамъ угодно было растоптать меня... И вамъ это удалось... совершенно. Но, слушайте: я не намѣрена лукавить съ вами, какъ вы со мной... знайте: я ему (указывая на Бѣляева) все сказала.

Наталья Петровна.

Что вы могли ему сказать?

Вѣра.

Что? (Съ ироніей). Да все то, что мнѣ удалось замѣтить. Вы надѣялись изъ меня все вывѣдать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишкомъ рассчитывали на свои силы.

Наталья Петровна.

Вѣра, Вѣра, опомнитесь...

Вѣра (шопотомъ и еще ближе пододвинувшись къ ней).

Скажите же мнѣ, что я ошибаюсь... Скажите мнѣ, что вы его не любите... Сказалъ же онъ мнѣ, что онъ меня не любитъ! (Наталья Петровна въ смущеніи молчитъ. Вѣра остается нѣкоторое время неподвижной и вдругъ прикладываетъ руку ко лбу). Наталья Петровна, простите меня... я... сама не знаю... что со мною, простите меня, будьте снисходительны... (Заливается слезами и быстро уходитъ въ дверь коридора. Молчаніе).

Бѣляевъ (подходя къ Натальѣ Петровнѣ).

Я могу васъ увѣрить, Наталья Петровна...

Наталья Петровна (неподвижно глядя на полъ, протягиваетъ руку въ его направленіи).

Остановитесь, Алексѣй Николаичъ. Точно... Вѣра права... Пора... пора перестать мнѣ хитрить. Я виновата передъ ней, передъ вами — вы въ правѣ презирать меня. (Бѣляевъ делаетъ невольное движеніе.) Я унизилась въ собственныхъ глазахъ. Мнѣ остается одно средство снова заслужить ваше уваженіе: откровенность, полная откровенность, какія бы ни были послѣдствія. Притомъ, я васъ вижу въ послѣдній разъ, я въ послѣдній разъ говорю съ вами. Я люблю васъ. (Она все глядитъ на него.)

Бѣляевъ.

Вы, Наталья Петровна!..

Наталья Петровна.

Да, я. Я васъ люблю. Вѣра не обманулась, и не обманула васъ. Я полюбила васъ съ перваго дня вашего приѣзда, но сама узнала объ этомъ со вчерашняго дня. Я не намѣрена оправдывать мое поведеніе... Оно было недостойно меня... но, по крайней мѣрѣ, вы теперь можете понять, можете извинить меня. Да, я ревновала къ Вѣрѣ; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того, чтобы удалить ее отъ себя и отъ васъ; да, я воспользовалась преимуществомъ моихъ лѣтъ, моего положенія, чтобы вывѣдать ея тайну, и — конечно, я этого не ожидала — и сама себя выдала. Я васъ люблю, Бѣляевъ; но знайте: одна гордость вынуждаетъ у меня это признаніе... комедія, разыгрываемая мною до сихъ поръ, меня возмутила, наконецъ. Вы не можете оставаться здѣсь... Впрочемъ, послѣ того, что я вамъ сейчасъ сказала, вамъ, вѣроятно, въ моемъ присутствіи будетъ очень неловко, и вы сами захотите какъ можно скорѣе удалиться отсюда. Я въ этомъ увѣрена. Эта увѣренность придала мнѣ смѣлость. Я, признаюсь, не хотѣла, чтобы вы унесли дурное воспоминаніе обо мнѣ. Теперь вы все знаете... Я, можетъ-быть, помѣшала вамъ... можетъ-быть, если бъ все это не случилось, вы бы полюбили Вѣрочку... У меня только

одно извиненіе, Алексѣй Николаичъ... Все это не было въ моей власти. *(Она умолкаетъ. Она все это говоритъ довольно ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, не глядя на Бѣляева. Онъ молчитъ. Она продолжаетъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, все не глядя на него.)* Вы мнѣ не отвѣчаете?.. Впрочемъ, я это понимаю. Вамъ нечего мнѣ сказать. Положеніе человѣка, который не любитъ, и которому объясняются въ любви, слишкомъ тягостно. Я благодарю васъ за ваше молчаніе. Повѣрьте, когда я вамъ сказала... что я люблю васъ, я не хитрила... попрежнему; я ни на что не рассчитывала; напротивъ: я хотѣла сбросить, наконецъ, съ себя личину, къ которой, могу васъ увѣрить, я не привыкла... Да и, наконецъ, къ чему еще жеманиться и лукавить, когда все извѣстно; къ чему еще притворяться, когда даже некого обманывать? Все кончено теперь между нами. Я васъ болѣе не удерживаю. Вы можете уйти отсюда, не сказавши мнѣ ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невѣжливость, напротивъ—я вамъ буду благодарна. Есть случаи, въ которыхъ деликатность неумѣстна... хуже грубости. Видно, намъ не было суждено узнать другъ друга. Прощайте. Да, намъ не было суждено узнать другъ друга... но, по крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что теперь я въ вашихъ глазахъ перестала быть тѣмъ притѣснительнымъ, скрытнымъ и хитрымъ существомъ... Прощайте, навсегда. *(Бѣляевъ въ волненіи хочетъ что-то сказать и не можетъ.)* Вы не уходите?

Бѣляевъ *(кланяется, хочетъ уйти и послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою возвращается).*

Нѣтъ, я не могу уйти... *(Наталя Петровна въ первый разъ взглядываетъ на него.)* Я не могу уйти такъ!.. Послушайте, Наталя Петровна, вы, вотъ, сейчасъ мнѣ сказали... вы не желаете, чтобы я унесъ невыгодное воспоминаніе объ васъ, но я и не хочу, чтобы и вы вспомнили обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, который... Боже мой! Я не знаю какъ выразиться... Наталя Петровна, извините меня... Я не умѣю говорить съ дамами... Я до сихъ поръ зналъ.. совсѣмъ не такихъ женщинъ. Вы говорите, что намъ не

было суждено узнать другъ друга; но помилуйте, могъ ли я, простой, почти необразованный мальчикъ, могъ ли я даже думать о сближеніи съ вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, могъ ли я смѣть подумать... Съ вашимъ воспитаніемъ... Да чтò я говорю о воспитаніи... Взгляните на меня... этотъ старый сюртукъ, и ваши пахучія платья... Помилуйте! Ну, да! я боялся васъ, я и теперь боюсь васъ... Я, безъ всякихъ преувеличеній, глядѣлъ на васъ, какъ на существо высшее, и между тѣмъ... вы, вы говорите мнѣ, что вы меня любите... вы, Наталья Петровна! Меня!.. Я чувствую, сердце во мнѣ бьется, какъ отъ роду не билось; оно бьется не отъ одного изумленія, не самолюбіе во мнѣ польщено... гдѣ!.. не до самолюбія теперь... Но я... я не могу уйти такъ, воля ваша!

Наталья Петровна (*помолчавъ, словно про себя*).

Что я сдѣлала!

Бѣляевъ.

Наталья Петровна, ради Бога, повѣрьте...

Наталья Петровна (*измѣненнымъ голосомъ*).

Алексѣй Николаичъ, если бъ я не знала васъ за человѣка благороднаго, за человѣка, которому ложь недоступна, я бы могла Богъ знаетъ чтò подумать. Я бы, можетъ-быть, раскаялась въ своей откровенности. Но я вѣрю вамъ. Я не хочу скрывать передъ вами мои чувства: я благодарна вамъ за то, что вы мнѣ сейчасъ сказали. Я теперь знаю, почему мы не сошлись... Стало-быть, собственно во мнѣ ничего васъ не отталкивало... Одно мое положеніе... (*Остонавливается.*) Все къ лучшему, конечно... но мнѣ теперь легче будетъ разстаться съ вами... Прощайте. (*Хочетъ уйти.*)

Бѣляевъ (*помолчавъ*).

Наталья Петровна, я знаю, что мнѣ нельзя здѣсь оставаться... но я не могу передать вамъ всего, что во мнѣ происходитъ. Вы меня любите... мнѣ даже страшно выговорить эти слова... все это для меня такъ ново... мнѣ кажется, я васъ вижу, слышу васъ въ первый разъ, но я чувствую одно: мнѣ необходимо уѣхать... я чувствую, что я ни за что отвѣчать не могу...

Наталья Петровна (*слабымъ голосомъ*).

Да, Бѣляевъ, вы должны уѣхать... Теперь, послѣ этого объясненія, вы можете уѣхать... И неужели же точно, несмотря на все, что я сдѣлала... О, повѣрьте, если бъ я могла хоть отдаленно подозрѣвать все то, что вы мнѣ теперь сказали—это признаніе, Бѣляевъ, оно бы умерло во мнѣ... Я хотѣла только прекратить всѣ недоразумѣнія, я хотѣла покаяться, наказать себя, я хотѣла разомъ перервать послѣднюю нить. Если бъ я могла себя представить... (*Она закрываетъ себѣ лицо.*)

Бѣляевъ.

Я вамъ вѣрю, Наталья Петровна, я вѣрю вамъ. Да я самъ, за четверть часа... развѣ я воображалъ... Я только сегодня, во время нашего послѣдняго свиданія передъ обѣдомъ, въ первый разъ почувствовалъ что-то необыкновенное, небывалое, словно чья-то рука мнѣ стиснула сердце, и такъ горячо стало въ груди... Я, точно, прежде какъ будто чуждался, какъ будто даже не любилъ васъ; но, когда вы мнѣ сказали сегодня, что Вѣрѣ Александровнѣ показалось... (*Останавливается.*)

Наталья Петровна (*съ невольной улыбкой счастья на губахъ*).

Полноте, полноте, Бѣляевъ; намъ не объ этомъ должно думать. Намъ не должно забывать, что мы говоримъ другъ съ другомъ въ послѣдній разъ... что вы завтра уѣзжаете...

Бѣляевъ.

О, да! я завтра же уѣду! Теперь я еще могу уѣхать... Все это пройдетъ... Вы видите, я не хочу преувеличивать... Я ѣду... а тамъ, что Богъ дастъ! Я унесу съ собой одно воспоминанье, я вѣчно буду помнить, что вы меня полюбили... Но какъ же это я до сихъ поръ не узналъ васъ? Вотъ, вы смѣтрите на меня теперь... Неужели я когда-нибудь старался избѣгать вашего взгляда... Неужели я когда-нибудь робѣлъ въ вашемъ присутствіи?

Наталья Петровна (*съ улыбкой*).

Вы сейчасъ мнѣ сказали, что вы боитесь меня.

Бѣляевъ.

Я? *(Помолчавъ.)* Точно... Я самъ себѣ удивляюсь... Я, я такъ смѣло говорю съ вами? Я себя не узнаю.

Наталья Петровна.

И вы не обманываетесь?..

Бѣляевъ.

Въ чемъ?

Наталья Петровна.

Въ томъ, что вы меня... *(Вздрагивая.)* О, Боже, что я дѣлаю... Послушайте, Бѣляевъ... Придите ко мнѣ на помощь... Ни одна женщина не находилась еще въ подобномъ положеніи. Я не въ силахъ больше, право... Можетъ-быть, оно такъ къ лучшему, все разомъ прекращено, но мы, по крайней мѣрѣ, узнали другъ друга... Дайте мнѣ руку—и прощайте навсегда.

Бѣляевъ *(беретъ ее за руку)*.

Наталья Петровна... я не знаю, что вамъ сказать на прощанье... сердце у меня такъ полно... Дай вамъ Богъ... *(Остонавливается и прижимаетъ ея руку къ губамъ.)* Прощайте. *(Хочетъ уйти въ садовую дверь.)*

Наталья Петровна *(глядя ему вслѣдъ)*.

Бѣляевъ...

Бѣляевъ *(оборачиваясь)*.

Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(помолчавъ нѣкоторое время, слабымъ голосомъ)*.

Останьтесь...

Бѣляевъ.

Какъ?..

Наталья Петровна.

Останьтесь, и пусть Богъ насъ разсудитъ! *(Она прійметъ голову въ руки.)*

Бѣляевъ *(быстро подходитъ къ ней и протягиваетъ къ ней руки)*.

Наталья Петровна... *(Въ это мновеніе дверь изъ саду растворяется, и на порогъ показывается Ракитинъ. Онъ нѣкоторое время глядитъ на обоихъ и вдругъ подходитъ къ нимъ.)*

Ракитинъ (громко).

А васъ вездѣ ищутъ, Наталья Петровна... (Наталья Петровна и Бѣляевъ оглядываются.)

Наталья Петровна (отнимая руки отъ лица и словно приходя въ себя).

А, это вы... Кто меня ищетъ? (Бѣляевъ, смущенный, кланяется Натальѣ Петровнѣ и хочетъ уйти.) Вы уходите, Алексѣй Николаичъ... не забудьте же, вы знаете... (Онъ вторично кланяется ей и уходитъ въ садъ.)

Ракитинъ.

Аркадій васъ ищетъ... Признаюсь, я не ожидалъ найти васъ здѣсь... но, проходя мимо...

Наталья Петровна (съ улыбкой).

Вы слышали наши голоса... Я встрѣтила здѣсь Алексѣя Николаича... и имѣла съ нимъ большое объясненіе... Сегодня, видно, день объясненій; но теперь мы можемъ пойти домой... (Хочетъ уйти въ дверь коридора).

Ракитинъ (съ некоторымъ волненіемъ).

Могу узнать... какое рѣшеніе...

Наталья Петровна (притворяясь удивленной).

Какое рѣшеніе?... Я васъ не понимаю.

Ракитинъ (долго помолчавъ, печально).

Въ такомъ случаѣ, я все понимаю.

Наталья Петровна.

Ну, такъ и есть... Опять таинственные намеки! Ну, да, я объяснилась съ нимъ, и теперь все опять пришло въ порядокъ... Это пустяки были, преувеличенья... Все, о чемъ мы говорили съ вами, все это ребячество. Это слѣдуетъ теперь позабыть.

Ракитинъ.

Я васъ не спрашиваю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (съ принужденной развязностью).

Что, бишь, я хотѣла сказать вамъ... Не помню. Все равно. Пойдемте. Все это кончено... все прошло.

Ракитинъ (пристально поглядывая на нее).

Да, все кончено. Какъ вамъ, должно-быть, теперь досадно на себя... за вашу сегодняшнюю откровенность... (Она отворачивается).

Наталья Петровна.

Ракитинъ... *(Онъ опять взглядываетъ на нее; она, видимо, не знаетъ, что сказать)*. Вы еще не говорили съ Аркадіемъ?

Ракитинъ.

Никакъ нѣтъ-съ... Я еще не успѣлъ приготовиться... Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить...

Наталья Петровна.

Какъ это несносно! Чего они отъ меня хотятъ? Слѣдять за мной на каждомъ шагѣ. Ракитинъ, мнѣ, право, совѣстно предъ вами...

Ракитинъ.

О, Наталья Петровна, не извольте беспокоиться... Къ чему? Все это въ порядкѣ вещей. Но какъ замѣтно, что г-нъ Бѣляевъ еще новичокъ! И къ чему это онъ такъ смѣшался, убѣждалъ... Впрочемъ, современемъ... *(вполголоса и скоро)* вы оба научитесь притворяться... *(Громко)*. Пойдемте. *(Наталья Петровна хочетъ подойти къ нему и останавливается. Въ это мгновеніе за дверью сада раздается голосъ Ислаева: «Онъ сюда пошелъ, вы говорите?» и вслѣдъ затѣмъ входятъ Ислаевъ и Шпигельскій)*.

Ислаевъ.

Точно... вотъ онъ. Ба, ба, ба! Да и Наталья Петровна тутъ же! *(Подходя къ ней)*. Что это? продолженіе сегоднешняго объясненія? Видно, предметъ важный.

Ракитинъ.

Я встрѣтилъ здѣсь Наталью Петровну...

Ислаевъ.

Встрѣтилъ? *(Оглядывается)*. Какое проходное мѣсто, подумаешь!

Наталья Петровна.

Да зашелъ же ты сюда...

Ислаевъ.

Я зашелъ сюда потому... *(Останавливается)*.

Наталья Петровна.

Ты меня искалъ?

Ислаевъ (помолчавъ).

Да, я искалъ тебя. Не хочешь ли ты вернуться домой? Чай уже готовъ. Скоро смеркнется.

Наталья Петровна (беретъ его руку).

Пойдемъ.

Ислаевъ (оглядываясь).

А изъ этихъ сѣней можно сдѣлать двѣ хорошія комнаты для садовниковъ, или другую людскую, какъ вы полагаете, Шпигельскій?

Шпигельскій.

Разумѣется.

Ислаевъ.

Пойдемъ садомъ, Наташа. (*Идетъ въ садовую дверь. Онъ въ теченіе всей этой сцены ни разу не взглянулъ на Ракитина. На порогъ онъ оборачивается до половины*). Господа, что же вы? Пойдемте чай пить. (*Уходитъ съ Натальей Петровной*).

Шпигельскій (*Ракитину*).

Что жъ, Михайло Александрычъ, пойдемте... Дайте мнѣ руку... Видно, намъ съ вами суждено состоять въ арьергардѣ...

Ракитинъ (*съ сердцемъ*).

Ахъ, господинъ докторъ, вы, позвольте вамъ сказать, вы мнѣ очень надоѣли...

Шпигельскій (*съ притворнымъ добродушіемъ*).

А ужъ себѣ-то какъ я надоѣлъ, Михайло Александрычъ, если бъ вы знали! (*Ракитинъ невольно улыбается*). Пойдемте, пойдемте... (*Оба уходятъ въ дверь сада*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же декорация, какъ въ первомъ и третьемъ дѣйствіяхъ. Утро. За столомъ сидитъ Ислаевъ и разсматриваетъ бумаги. Онъ вдругъ встаетъ.

Ислаевъ.

Нѣтъ! рѣшительно не могу сегодня заниматься. Словно гвоздь засѣлъ мнѣ въ голову. (*Прохаживается*). Признаюсь, я этого не ожидалъ; я не ожидалъ, что я буду

тревожиться... какъ теперь тревожусь. Какъ тутъ поступить?.. вотъ въ чемъ задача. (*Задумывается и вдругъ кричитъ*). Матвѣй!

Матвѣй (*входя*).

Что прикажете?

Ислаевъ.

Старосту мнѣ позвать... Да копачамъ на плотинѣ вели подождать меня... Ступай.

Матвѣй.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Ислаевъ (*подходя опять къ столу и перелистывая бумаги*).

Да... задача!

Анна Семеновна (*входитъ и приближается къ Ислаеву*).

Аркаша...

Ислаевъ.

А! это вы, маменька. Какъ ваше здоровье?

Анна Семеновна (*сидя на диванѣ*).

Я здорова, слава Богу. (*Вздыхаетъ*). Я здорова. (*Вздыхаетъ еще громче*). Слава Богу. (*Видя, что Ислаевъ не слушаетъ ее, вздыхаетъ очень сильно, съ легкимъ стономъ*).

Ислаевъ.

Вы вздыхаете... что съ вами?

Анна Семеновна (*опять вздыхаетъ, но уже легче*).

Ахъ, Аркаша, какъ будто ты не знаешь, о чемъ я вздыхаю!

Ислаевъ.

Что вы хотите сказать?

Анна Семеновна (*помолчавъ*).

Я мать твоя, Аркаша. Конечно, ты человѣкъ уже взрослый, съ разсудкомъ; но все же — я твоя мать. Великое слово: мать!

Ислаевъ.

Объяснитесь, пожалуйста.

Анна Семеновна.

Ты знаешь, на что я намекаю, другъ мой. Твоя жена, Наташа... конечно, она прекрасная женщина — и поведе-

ніе ея до сихъ поръ было самое примѣрное... но она еще такъ молода, Аркаша! А молодость...

Ислаевъ.

Я понимаю, что вы хотите сказать... Вамъ кажется, что ея отношенія съ Ракитинымъ...

Анна Семеновна.

Сохрани Богъ! Я вовсе не думала.

Ислаевъ.

Вы мнѣ не дали договорить... Вамъ кажется, что ея отношенія съ Ракитинымъ не совсѣмъ... ясны. Эти таинственные разговоры, эти слезы — все это вамъ кажется страннымъ.

Анна Семеновна.

А что, Аркаша, сказалъ онъ тебѣ, наконецъ, о чемъ это у нихъ были разговоры?.. Мнѣ онъ ничего не сказалъ.

Ислаевъ.

Я, маменька, его не спрашивалъ, а онъ, повидимому, не слишкомъ торопится удовлетворить мое любопытство.

Анна Семеновна.

Такъ что жъ ты намѣренъ теперь сдѣлать?

Ислаевъ.

Я, маменька? Да ничего.

Анна Семеновна.

Какъ ничего?

Ислаевъ.

Да такъ же, ничего.

Анна Семеновна (*вставая*).

Признаюсь, это меня удивляетъ. Конечно, ты въ своемъ домѣ хозяинъ и лучше меня знаешь, что хорошо и что дурно. Однако, подумай, какія послѣдствія...

Ислаевъ.

Маменька, право, вы напрасно изволите тревожиться.

Анна Семеновна.

Другъ мой, вѣдь я мать... а впрочемъ, какъ знаешь. (*Шомочавъ*). Я, признаюсь, пришла-было къ тебѣ съ намѣреніемъ предложить свое посредничество...

Ислаевъ *(съ живостью)*.

Нѣтъ, ужъ на этотъ счетъ я долженъ просить васъ, маменька, не беспокоиться... Сдѣлайте одолженіе!

Анна Семеновна.

Какъ хочешь, Аркаша, какъ хочешь. Я впередъ уже ни слова не скажу. Я тебя предупредила, долгъ исполнила, а теперь—какъ воды въ ротъ набрала. *(Небольшое молчаніе)*.

Ислаевъ.

Вы сегодня никуда не выѣзжаете?

Анна Семеновна.

А только я должна предупредить тебя: ты слишкомъ довѣрчивъ, дружокъ мой; обо всѣхъ по себѣ судишь! Повѣрь мнѣ: настоящіе друзья слишкомъ рѣдки въ ваше время!

Ислаевъ *(съ нетерпѣніемъ)*.

Маменька...

Анна Семеновна.

Ну — молчу, молчу! Да и гдѣ мнѣ, старухѣ! Чай, изъ ума выжила! — И воспитана я была въ другихъ правилахъ — и сама старалась тебѣ внушить... Ну, ну, занимайся, я мѣшать не буду... Я уйду. *(Идетъ къ двери и останавливается)*. Стало-быть?.. Ну, какъ знаешь, какъ знаешь! *(Уходитъ)*.

Ислаевъ *(глядя ей вслѣдъ)*.

Что за охота людямъ, которые дѣйствительно васъ любятъ, класть поочередно всѣ свои пальцы въ вашу рану? И вѣдь они убѣждены въ томъ, что отъ этого вамъ легче, — вотъ что забавно! — Впрочемъ, я матушку не виню: ея намеренія, точно, самыя лучшія — да и какъ не подать совѣта? — Но дѣло не въ томъ... *(Садясь)*. Какъ мнѣ поступить? *(Подумавъ, встаетъ)*. Э! чѣмъ проще, тѣмъ лучше! — Дипломатическія тонкости ко мнѣ не идутъ... Я первый въ нихъ запутаюсь. *(Звонитъ. Входитъ Матвѣй)*. Михайло Александрычъ дома — не знаешь?

Матвѣй.

Дома-съ. Я ихъ сейчасъ въ бильярдной видѣлъ.

Ислаевъ.

А! Ну, такъ попроси его ко мнѣ.

Матвѣй.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Ислаевъ (*ходя взадъ и впередъ*).

Не привыкъ я къ подобнымъ передрягамъ... Надѣюсь, что онѣ не будутъ часто повторяться... Я хоть и крѣпкаго сложенія, а этого не вынесу. (*Кладетъ руку на грудь*). Фу!.. (*Изъ залы входитъ Ракитинъ, смущенный*).

Ракитинъ.

Ты меня звалъ?

Ислаевъ.

Да... (*Помолчавъ*). Michel, вѣдь ты у меня въ долгу.

Ракитинъ.

Я?

Ислаевъ.

А какъ же? Ты развѣ забылъ свое обѣщаніе? Насчетъ... Наташинныхъ слезъ... и вообще... Вотъ, какъ мы васъ съ матушкой застали, помнишь—ты мнѣ сказалъ, что между вами есть тайна, которую ты хотѣлъ объяснить?

Ракитинъ.

Я сказалъ: тайна?

Ислаевъ.

Сказалъ.

Ракитинъ.

Да какая же у насъ можетъ быть тайна?—Былъ у насъ разговоръ.

Ислаевъ.

О чемъ?—И отчего она плакала?

Ракитинъ.

Ты знаешь, Аркадій... попадаютъ такія минуты въ жизни женщины... самой счастливой...

Ислаевъ.

Ракитинъ, постой, этакъ нельзя. — Я не могу видѣть тебя въ такомъ положеніи... Твое замѣшательство меня тяготитъ больше, чѣмъ тебя самого. (*Беретъ его за руку*). Мы вѣдь старые друзья — ты меня съ дѣтства знаешь: хитрить я не умѣю—да и ты былъ всегда со мной откро-

вененъ. Позволь мнѣ предложить тебѣ одинъ вопросъ... Даю напередъ честное слово, что въ искренности твоего отвѣта сомнѣваться не буду. Ты вѣдь любишь мою жену? (*Ракитинъ взглядываетъ на Ислаева*). Ты меня понимаешь, любишь ли ты ее такъ... Ну, словомъ, любишь ли ты мою жену такою любовью, въ которой мужу сознаться... трудно?

Ракитинъ (*помолчавъ, глухимъ голосомъ*).

Да—я люблю твою жену... такой любовью.

Ислаевъ (*тоже помолчавъ*).

Мишель, спасибо за откровенность. Ты благородный человекъ.—Ну, однако, что жъ теперь дѣлать? Сядь, обсудимъ-ка это дѣло вдвоемъ. (*Ракитинъ садится. Ислаевъ ходитъ по комнатѣ*). Я Наташу знаю; я знаю ей цѣну... Но и себѣ я цѣну знаю. Я тебя не стою, Michel... не перебивай меня, пожалуйста, — я тебя не стою. Ты умнѣе, лучше, наконецъ, пріятнѣе меня. Я простой человекъ. Наташа меня любить — я думаю, но у ней есть глаза... ну, словомъ, ты долженъ ей нравиться. И вотъ, что я тебѣ еще скажу: я давно замѣчалъ ваше взаимное расположеніе... Но я въ обоихъ васъ всегда былъ увѣренъ—и пока ничего не выходило наружу... Эхъ! говорить-то я не умѣю! (*Остнавливается*). Но послѣ вчерашней сцены, послѣ вашего вторичнаго свиданія вечеромъ—какъ тутъ быть? И хоть бы я одинъ васъ засталъ—а тутъ замѣшались свидѣтели; маменька, этотъ плутъ Шпигельскій... Ну, что ты скажешь, Michel—а?

Ракитинъ.

Ты совершенно правъ, Аркадій.

Ислаевъ.

Не въ томъ вопросъ... а что дѣлать? Я долженъ тебѣ сказать, Michel, что хоть я и простой человекъ — а настолько понимаю, что чужую жизнь заѣдать не годится — и что бываютъ случаи, когда на своихъ правахъ настаивать грѣшно. Это я, братъ, не изъ книгъ вычиталъ... совѣсть говорить. Дать волю... ну, что жъ? дать волю! — Только это обдумать надо. Это слишкомъ важно.

Ракитинъ *(вставая)*.

Да ужъ я все обдумалъ.

Ислаевъ.

Какъ?

Ракитинъ.

Я долженъ уѣхать... я уѣзжаю.

Ислаевъ *(помолчавъ)*.

Ты полагаешь?.. Совсѣмъ отсюда вонъ?

Ракитинъ.

Да.

Ислаевъ *(опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ)*.

Это... это ты какое слово сказалъ! А, можетъ-быть, ты правъ. Тяжело намъ будетъ безъ тебя... Богъ вѣдаетъ, можетъ, это и къ цѣли не приведетъ... Но тебѣ виднѣй, тебѣ лучше знать. Я полагаю, это ты придумалъ вѣрно. Ты мнѣ опасенъ, братъ... *(Съ грустной улыбкой)*. Да... ты мнѣ опасенъ. Вотъ, я сейчасъ что сказалъ... насчетъ воли-то... А вѣдь, пожалуй, я бы не пережилъ! Мнѣ безъ Наташи быть... *(Махаетъ рукой)*. И вотъ что, братъ, еще: съ нѣкоторыхъ поръ, особенно въ эти послѣдніе дни, я вижу въ ней большую перемѣну. Въ ней проявилось какое-то глубокое, постоянное волненіе, которое меня пугаетъ. Неправда ли, я не ошибаюсь?

Ракитинъ *(горько)*.

О, нѣтъ, ты не ошибаешься!

Ислаевъ.

Ну, вотъ, видишь! Стало-быть, ты уѣзжаешь?

Ракитинъ.

Да.

Ислаевъ.

Гм! И какъ это вдругъ стряслось! И нужно же тебѣ было такъ смѣшаться, когда мы съ матушкой застали васъ...

Матвѣй *(входя)*.

Староста пришелъ-съ.

Ислаевъ.

Пусть подождетъ! *(Матвѣй уходитъ)*. Michel, однако, ты не надолго уѣзжаешь? Ужъ это, братъ, пустяки!

Ракитинъ.

Не знаю, право... Я думаю... надолго.

Ислаевъ.

Да ты меня ужъ не принимаешь ли за Отелло за какого-нибудь? Право, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, я думаю, такого разговора не было между двумя друзьями! Не могу же я такъ съ тобой разстаться...

Ракитинъ (*пожимая ему руку*).

Ты меня увѣдомишь, когда мнѣ можно будетъ воротиться.

Ислаевъ.

Вѣдь тебя здѣсь замѣнить некому! Не Большинцовъ же, въ самомъ дѣлѣ!

Ракитинъ.

Тутъ есть другіе...

Ислаевъ.

Кто? Криницынъ? Фатъ этотъ? Бѣляевъ, конечно, добрый малый... но вѣдь ему до тебя, какъ до звѣзды небесной!

Ракитинъ (*язвительно*).

Ты думаешь? Ты его не знаешь, Аркадій... Ты обрати на него вниманіе... Совѣтую тебѣ... Слышишь? Онъ очень... очень замѣчательный человѣкъ!

Ислаевъ.

Ба! То-то вы все съ Наташей хотѣли его воспитаньемъ заняться! (*Глянувъ въ дверь*). А! да вотъ и онъ, кажется, сюда идетъ... (*Поспѣшно*). И такъ, милый мой, это рѣшено — ты уѣзжаешь... на короткое время... на этихъ дняхъ... Спѣшить не къ чему — нужно Наташу приготовить... Маменьку я успокою... И дай Богъ тебѣ счастья! Камень у меня ты снялъ съ сердца... Обними меня, душа моя! (*Торопливо его обнимаетъ и оборачивается къ входящему Бѣляеву*). А... это вы! Ну... ну, какъ можете?

Бѣляевъ.

Слава Богу, Аркадій Сергѣичъ.

Ислаевъ.

А что, Коля гдѣ?

Бѣляевъ.

Онъ съ господиномъ Шаафомъ.

Ислаевъ.

А... прекрасно! (*Беретъ шляпу*). Ну, господа, однако, прощайте. Я еще нигдѣ не былъ сегодня — ни на плотинѣ, ни на постройкѣ... Вотъ, и бумагъ не просмотрѣлъ. (*Схватываетъ ихъ подъ мышку*). До свиданья! Матвѣй! Матвѣй! ступай со мной! (*Уходитъ. Ракитинъ остается въ задумчивости на авансценѣ*).

Бѣляевъ (*подходя къ Ракитину*).

Какъ вы сегодня себя чувствуете, Михайло Александръчъ?

Ракитинъ.

Благодарствуйте. По обыкновенному. А вы какъ?

Бѣляевъ.

Я здоровъ.

Ракитинъ.

Это видно!

Бѣляевъ.

А что?

Ракитинъ.

Да такъ... по вашему лицу... Э! да вы новый сюртукъ сегодня надѣли... И что я вижу! цвѣтокъ въ петлицѣ. (*Бѣляевъ, краснѣя, вырываетъ его*). Да зачѣмъ же... зачѣмъ, помилуйте... Это очень мило... (*Помолчавъ*). Кстати, Алексѣй Николаичъ, если вамъ что-нибудь нужно... Я завтра ѣду въ городъ.

Бѣляевъ.

Завтра?

Ракитинъ.

Да... а оттуда, можетъ-быть, въ Москву.

Бѣляевъ (*съ удивленіемъ*).

Въ Москву? Да вы, кажется, еще вчера мнѣ говорили, что намѣрены пробыть здѣсь съ мѣсяцъ...

Ракитинъ.

Да... но дѣла... обстоятельство вышло такое...

Бѣляевъ.

И надолго вы уѣзжаете?

Ракитинъ.

Не знаю... можетъ-быть, надолго.

Бѣляевъ.

Позвольте узнать — Наталья Петровна извѣстно ваше намѣреніе?

Ракитинъ.

Нѣтъ. Почему вы спрашиваете меня именно о ней?

Бѣляевъ.

Я? (*Нѣсколько смущенный*). Такъ.

Ракитинъ (*помолчавъ и оглянувшись кругомъ*).

Алексѣй Николаичъ, кажется, кромѣ насъ, никого нѣтъ въ комнатѣ; не странно ли, что мы другъ передъ другомъ комедію разыгрываемъ, а? какъ вы думаете?

Бѣляевъ.

Я васъ не понимаю, Михайло Александровичъ.

Ракитинъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Вы точно не понимаете, зачѣмъ я уѣзжаю?

Бѣляевъ.

Нѣтъ.

Ракитинъ.

Это странно... Впрочемъ, я готовъ вамъ вѣрить. Можетъ-быть, вы дѣйствительно не знаете причины... Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ я уѣзжаю?

Бѣляевъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Ракитинъ.

Вотъ, видите ли, Алексѣй Николаичъ — впрочемъ, я надѣюсь на вашу скромность — вы сейчасъ застали меня съ Аркадіемъ Сергѣичемъ... У насъ съ нимъ былъ довольно важный разговоръ. Вслѣдствіе именно этого разговора я рѣшился уѣхать. И знаете ли — почему? Я вамъ все это говорю потому, что считаю васъ за благороднаго человѣка... Ему вообразилось, что я... ну, да, что я люблю Наталью Петровну. Какъ вамъ это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я за то благодаренъ ему, что онъ не сталъ хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратился ко мнѣ. Ну, теперь скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Конечно, его подозрѣнія не имѣютъ никакого основанія, но они его

Тревожать... Для покоя друзей порядочный человекъ долженъ умѣть иногда пожертвовать... своимъ удовольствіемъ. Вотъ, отъ этого-то я и уѣзжаю... Я увѣренъ, вы одобрите мое рѣшеніе, не правда ли? Не правда ли, вы... вы бы точно такъ же поступили на моемъ мѣстѣ? Вы бы тоже уѣхали?

Бѣляевъ (помолчавъ).

Можетъ-быть.

Ракитинъ.

Мнѣ очень пріятно это слышать... Конечно, я не спорю, въ моемъ намѣреніи удалиться есть сторона смѣшная, я словно самъ почитаю себя опаснымъ; но, видите ли, Алексѣй Николаичъ, честь женщины такая важная вещь... И притомъ — я, разумѣется, это говорю не про Наталью Петровну — но я знавалъ женщинъ чистыхъ и невинныхъ сердцемъ, настоящихъ дѣтей при всемъ умѣ, которыя, именно вслѣдствіе этой чистоты и невинности, болѣе другихъ способны были отдаться внезапному увлеченію... А потому, кто знаетъ? Лишняя осторожность въ такихъ случаяхъ не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что... Кстати, Алексѣй Николаичъ, вы, можетъ-быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на землѣ?

Бѣляевъ (холодно).

Я этого еще не испыталъ, но я думаю, что быть любимымъ женщиной, которую любишь, великое счастье.

Ракитинъ.

Дай вамъ Богъ долго сохранить такія пріятныя убѣжденія! По-моему, Алексѣй Николаичъ, всякая любовь, счастливая, равно какъ и несчастная, настоящее бѣдствіе, когда ей отдаешься весь... Погодите! вы, можетъ-быть, еще узнаете, какъ эти нѣжныя ручки умѣютъ пытаться какой ласковой заботливостью онѣ по частичкамъ раздираютъ сердце... Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится подъ самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мнѣ, когда, какъ больной жаждетъ здоровья, вы будете жаждать покоя, самаго бессмысленнаго, самаго пошлаго покоя, когда вы будете завидовать всякому человеку беззаботному и свободному... Погодите!

Вы узнаете, что значитъ принадлежать юбкѣ, что значитъ, быть порабощеннымъ, зараженнымъ — и какъ постыдно и томительно это рабство!.. Вы узнаете, наконецъ, какіе пустячки покупаются такою дорогою цѣною... Но къ чему я это все говорю вамъ, вы мнѣ не повѣрите теперь. Дѣло въ томъ, что мнѣ очень пріятно ваше одобреніе... да, да... въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть осторожнымъ.

Бѣляевъ (*который все время не спускалъ глазъ съ Ракитина*).

Спасибо за урокъ, Михайло Александрычъ, хотя я въ немъ и не нуждался.

Ракитинъ (*беретъ его за руку*).

Вы извините меня, пожалуйста, я не имѣлъ намѣренія... не мнѣ давать уроки кому бы то ни было... Я только такъ разговорился...

Бѣляевъ (*съ легкой ироніей*).

Безъ всякаго повода?

Ракитинъ (*немного смѣшавшись*).

Именно, безъ всякаго особеннаго повода. Я хотѣлъ только... Вы до сихъ поръ, Алексѣй Николаичъ, не имѣли случая изучить женщинъ. Женщины — это очень своеправный народъ.

Бѣляевъ.

Да вы о комъ говорите?

Ракитинъ.

Такъ... ни о комъ въ особенности.

Бѣляевъ.

О всѣхъ вообще, не правда ли?

Ракитинъ (*принужденно улыбаясь*).

Да, можетъ-быть. Я, право, не знаю, съ какой стати я попалъ въ этотъ наставническій тонъ, но ужъ позвольте мнѣ на прощанье дать вамъ одинъ добрый совѣтъ. (*Останавливаясь и махнувъ рукой*). Э! да впрочемъ, что я за совѣтчикъ! Извините, пожалуйста, мою болтовню...

Бѣляевъ.

Напротивъ, напротивъ...

Ракитинъ.

Итакъ, вамъ ничего не нужно изъ города?

Бѣляевъ.

Ничего, спасибо. Но мнѣ жаль, что вы уѣзжаете.

Ракитинъ.

Покорно васъ благодарю... Повѣрьте, что и мнѣ тоже...
(Изъ двери кабинета выходятъ Наталья Петровна и
Вѣра. Вѣра очень печальна и блѣдна). Я очень былъ
радъ съ вами познакомиться... (Опять жметъ ему руку).

Наталья Петровна (глядитъ нѣкоторое время на
обоихъ и подходитъ къ нимъ).

Здравствуйте, господа...

Ракитинъ (быстро оборачиваясь).

Здравствуйте, Наталья Петровна... Здравствуйте, Вѣра
Александровна... (Бѣляевъ молча кланяется Натальѣ Пе-
тровнѣ и Вѣрѣ. Онъ смущенъ).

Наталья Петровна (Ракитину).

Что вы дѣлаете хорошаго?

Ракитинъ.

Да ничего...

Наталья Петровна.

А мы ужъ съ Вѣрой гуляли по саду... Сегодня такъ
хорошо на воздухѣ... Липы такъ сладко пахнутъ... Мы
все подъ липами гуляли... Пріятно слушать въ тѣни жуж-
жаніе пчелъ надъ головой... (Робко Бѣляеву). Мы надѣя-
лись васъ тамъ встрѣтить. (Бѣляевъ молчитъ).

Ракитинъ (Натальѣ Петровнѣ).

А! и вы сегодня обращаете вниманіе на красоты при-
роды... (Помолчавъ). Алексѣю Николаичу нельзя было идти
въ садъ... Онъ сегодня новый сюртукъ надѣлъ...

Бѣляевъ (слегка вспыхнувъ).

Конечно, вѣдь онъ у меня только одинъ, а въ саду,
пожалуй, изорвать его можно... Вѣдь вы вотъ что хотите
сказать?

Ракитинъ (покраснѣвъ).

О, нѣтъ... я совсѣмъ не то... (Вѣра идетъ молча къ
дивану направо, садится и принимается за работу. На-

Наталя Петровна принужденно улыбается Бѣляеву. Небольшое, довольно тягостное молчаніе. Ракитинъ продолжаетъ съ язвительной небрежностью). Ахъ, да, я и забылъ вамъ сказать, Наталя Петровна, я сегодня уѣзжаю...

Наталя Петровна (съ нѣкоторымъ волненіемъ).

Вы уѣзжаете? Куда?

Ракитинъ.

Въ городъ... По дѣламъ.

Наталя Петровна.

Я надѣюсь, не на долго?

Ракитинъ.

Какъ дѣла пойдутъ.

Наталя Петровна.

Смотрите же, возвращайтесь скорѣй. (Къ Бѣляеву, не глядя на него). Алексѣй Николаичъ, это ваши рисунки мнѣ Коля показывалъ? Это вы рисовали?

Бѣляевъ.

Да-съ... я... бездѣлицы...

Наталя Петровна.

Напротивъ, это очень мило. У васъ талантъ.

Ракитинъ.

Я вижу, вы въ господинѣ Бѣляевѣ съ каждымъ днемъ открываете новыя достоинства...

Наталя Петровна (холодно).

Можетъ-быть... Тѣмъ лучше для него. (Бѣляеву). У васъ, вѣроятно, есть другіе рисунки, вы мнѣ ихъ покажете. (Бѣляевъ кланяется).

Ракитинъ (который все время стоитъ какъ на шлахъ).

Однако, я вспомнилъ, что мнѣ пора укладываться... До свиданья. (Идетъ къ дверямъ залы).

Наталя Петровна (ему вслѣдъ).

Да вы еще проститесь съ нами...

Ракитинъ.

Конечно.

Бѣляевъ (послѣ нѣкоторой нерышительности).

Михайло Александрычъ, погодите, я съ вами пойду. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова...

Ракитинъ.

А! (Оба уходятъ въ залу. Наталья Петровна остается посреди сцены; погода немного, она садится нальво).

Наталья Петровна (послѣ нѣкотораго молчанія).
Вѣра!

Вѣра (не поднимая головы).

Что вамъ угодно?

Наталья Петровна.

Вѣра, ради Бога, не будь такъ со мной... ради Бога, Вѣра... Вѣрочка... (Вѣра ничего не говоритъ. Наталья Петровна встаетъ, идетъ черезъ всю сцену и тихо становится передъ ней на колѣни. Вѣра хочетъ поднять ее, отворачивается и закрываетъ лицо. Наталья Петровна говоритъ на колѣняхъ). Вѣра, прости меня: не плачь, Вѣра. Я виновата предъ тобою, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

Вѣра (сквозь слезы).

Встаньте, встаньте...

Наталья Петровна.

Я не встану, Вѣра, пока ты не простишь меня. Тебѣ тяжело... но вспомни, развѣ мнѣ легче... вспомни, Вѣра... Вѣдь ты все знаешь... Между нами только та разница, что ты передо мной ни въ чемъ не виновата, а я...

Вѣра (горько).

Только та разница! Нѣтъ, Наталья Петровна, между нами другая есть разница... Вы сегодня такъ мягки, такъ добры, такъ ласковы...

Наталья Петровна (перебивая ее).

Потому что я чувствую свою вину...

Вѣра.

Въ самомъ дѣлѣ? Только поэтому...

Наталья Петровна (встаетъ и садится подлѣ нея).

Да какая же можетъ быть другая причина?

Вѣра.

Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не спрашивайте меня...

Наталья Петровна (вздохнувъ).

Вѣра! ты, я вижу, не можешь меня простить.

Вѣра.

Вы сегодня такъ добры, такъ мягки, потому, что вы чувствуете себя любимой.

Наталья Петровна (*въ смущеніи*).

Вѣра?

Вѣра (*оборачиваясь къ ней*).

Что жъ, развѣ это не правда?

Наталья Петровна (*печально*).

Повѣрь мнѣ, мы обѣ съ тобой равно несчастны.

Вѣра.

Онъ васъ любить!

Наталья Петровна.

Вѣра, что намъ за охота другъ друга мучить? Пора намъ обѣимъ опомниться. Вспомни, въ какомъ я положеніи, въ какомъ мы положеніи обѣ. Вспомни, что обѣ нашей тайнѣ, по моей винѣ, конечно, знаютъ уже здѣсь два человека... (*Останавливается*). Вѣра, вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга подозрѣніями и упреками, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйти изъ этого тяжелаго положенія... какъ бы спастись! Или ты думаешь, что я могу выносить эти волненія, эти тревоги? Или ты забыла, кто я? Но ты меня не слушаешь.

Вѣра (*задумчиво глядитъ на полъ*).

Онъ васъ любить...

Наталья Петровна.

Вѣра, онъ уѣдетъ...

Вѣра (*оборачиваясь*).

Ахъ, оставьте меня... (*Наталья Петровна глядитъ на нее съ неръшительностью. Въ это мгновеніе въ кабинетъ раздается голосъ Ислаева: «Наташа, а Наташа, гдѣ ты?»*)

Наталья Петровна (*быстро встаетъ и подходитъ къ двери кабинета*).

Я здѣсь... Что тебѣ?

Голосъ Ислаева.

Поди-ка сюда, мнѣ нужно тебѣ что-то сказать...

Наталья Петровна.

Сейчасъ. (*Она возвращается къ Вѣрѣ, протягиваетъ ей*

руку. Вѣра не шевелится. Наталья Петровна вздыхаетъ и уходитъ въ кабинетъ).

Вѣра (одна, послѣ молчанья).

Онъ ее любить!.. И я должна остаться у ней въ домѣ... О, это слишкомъ... (Она закрываетъ лицо руками и остается неподвижной. Изъ двери, ведущей въ залу, показывается голова Шпигельскаго. Онъ осторожно оглядывается и подходит на цыпочкахъ къ Вѣрѣ, которая его не замѣчаетъ).

Шпигельскій (постоявъ передъ ней, скрестя руки и съ язвительной улыбкой на лицѣ).

Вѣра Александровна!.. А Вѣра Александровна...

Вѣра (поднявъ голову).

Кто это? Вы, докторъ....

Шпигельскій.

Что вы, моя барышня, нездоровы, что ли?

Вѣра.

Нѣтъ, ничего.

Шпигельскій.

Дайте-ка пощупать пульсъ? (Щупаетъ у ней пульсъ). Гмъ! что такъ скоро? Ахъ, вы, барышня моя, барышня... Не слушаетесь вы меня... А ужъ, кажется, я на что вамъ добра желаю.

Вѣра (рѣшительно взглянувъ на него).

Игнатій Ильичъ...

Шпигельскій (проворно).

Слушаю, Вѣра Александровна... Что за взглядъ, помилуйте... Слушаю.

Вѣра.

Этотъ господинъ... Большинцовъ, вашъ знакомый, точно хорошій человѣкъ?

Шпигельскій.

Мой пріятель Большинцовъ? Отличнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ... образецъ и примѣръ добродѣтели.

Вѣра.

Онъ не злой?

Шпигельскій.

Добрѣйшій, помилуйте. Это не человѣкъ, это тѣсто, по-

милуйте. Только стòить взять да лѣпить. Такого добряка другого на свѣтѣ днемъ съ огнемъ не найти. Голубь, а не человѣкъ.

Вѣра.

Вы за него ручаетесь?

Шпигельскій *(кладетъ одну руку на сердце, а другую поднимаетъ кверху)*.

Какъ за самого себя!

Вѣра.

Въ такомъ случаѣ, вы можете ему сказать... что я готова за него замужъ выйти.

Шпигельскій *(съ радостнымъ изумленіемъ)*.

Ой-ли?

Вѣра.

Только какъ можно скорѣе — слышите? — какъ можно скорѣе...

Шпигельскій.

Завтра, если хотите... Еще бы! Ай да Вѣра Александровна! Молодецъ-барышня! Я сейчасъ же къ нему поскочу. То-то я его обрадую... Вотъ, какое неожиданное вышло обстоятельство! Вѣдь онъ въ васъ души не чаетъ, Вѣра Александровна...

Вѣра *(съ нетерпѣніемъ)*.

Я у васъ этого не спрашиваю, Игнатій Ильичъ...

Шпигельскій.

Какъ знаете, Вѣра Александровна, какъ знаете. А только вы будете съ нимъ счастливы, вы будете меня благодарить, увидите... *(Вѣра дѣлаетъ опять нетерпѣливое движеніе)*. Ну, я молчу, я молчу... Стало-быть, я могу ему сказать...

Вѣра.

Можете, можете.

Шпигельскій.

Очень хорошо-съ. Такъ я сейчасъ отправляюсь. До свиданья. *(Прислушиваясь)*. Кстати же кто-то сюда идетъ. *(Идетъ въ кабинетъ и на порогъ дѣлаетъ про себя изумленную гримасу)*. До свиданья. *(Уходитъ)*.

Вѣра (*глядя ему вслѣдъ*).

Все на свѣтѣ скорѣй, чѣмъ здѣсь оставаться... (*Встаетъ*).
Да, я рѣшилась. Я не останусь въ этомъ домѣ... ни за
что. Я не могу сносить ея кроткаго взора, ея улыбки, я
не могу видѣть, какъ она вся отдыхаетъ, вся нѣжится въ
своемъ счастіи... Вѣдь она счастлива, какъ она тамъ ни при-
кидывайся грустной и печальной... Ея ласки мнѣ нестер-
пимы... (*Изъ двери залы показывается Бѣляевъ. Онъ осма-
тривается и подходитъ къ Вѣрѣ*).

Бѣляевъ (*вполголоса*).

Вѣра Александровна, вы однѣ?

Вѣра (*оглядывается, вздрагиваетъ и, помолчавъ
немного, произноситъ*).

Да.

Бѣляевъ.

Я радъ, что вы однѣ... А то я не пошелъ бы сюда.
Вѣра Александровна, я пришелъ проститься съ вами.

Вѣра.

Проститься?

Бѣляевъ.

Да, я уѣзжаю.

Вѣра.

Вы уѣзжаете? И вы уѣзжаете?

Бѣляевъ.

Да... и я. (*Съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ*). Вотъ,
видите ли, Вѣра Александровна, мнѣ нельзя здѣсь оста-
ваться. Мое присутствіе ужъ и такъ надѣлало здѣсь много
бѣдъ. Кромѣ того, что я, самъ не знаю какъ, возмутилъ
ваше спокойствіе и спокойствіе Натальи Петровны, я еще
нарушилъ старинныя, дружескія связи. По моей милости
г. Ракитинъ уѣзжаетъ отсюда, вы разсорились съ вашей
благодѣтельницей... Пора прекратить все это. Послѣ моего
отъѣзда все, я надѣюсь, опять успокоится и придетъ въ
порядокъ... Кружить голову богатымъ барынямъ и моло-
дымъ дѣвушкамъ не мое дѣло... Вы обо мнѣ позабудете
и, можетъ-быть, современемъ станете удивляться, какъ
это все могло случиться... Меня даже теперь это уди-
вляетъ... Я не хочу васъ обманывать, Вѣра Александровна:

мнѣ страшно, мнѣ жутко здѣсь оставаться... Я не могу ни за что отвѣчать... Я, знаете ли, не привыкъ ко всему этому. Мнѣ неловко... мнѣ такъ и кажется, что всѣ глядятъ на меня... Да и, наконецъ, мнѣ невозможно будетъ... теперь... съ вами обѣими...

Вѣра.

О, на мой счетъ не беспокойтесь! Я не долго останусь здѣсь.

Бѣляевъ.

Какъ?

Вѣра.

Это моя тайна. Но я вамъ не буду мѣшать, повѣрьте.

Бѣляевъ.

Ну, вотъ, видите, какъ же мнѣ не уѣхать? Посудите сами. Я словно чуму занесъ въ этотъ домъ; всѣ бѣгутъ отсюда... Не лучше ли мнѣ одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчасъ имѣлъ большой разговоръ съ г. Ракитинымъ... Вы не можете вообразить, сколько было горечи въ его словахъ... А онъ подѣломъ подтрунилъ надъ моимъ новымъ сюртукомъ... Онъ правъ. Да, я долженъ уѣхать. Повѣрите ли, Вѣра Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать въ телѣгѣ по большой дорогѣ... Мнѣ душно здѣсь, мнѣ хочется на воздухъ. Мнѣ мочи нѣтъ, какъ горько и въ то же время легко, словно человѣку, который отправляется въ далекое путешествіе, за море: ему тошно разставаться съ друзьями, ему жутко, а между тѣмъ море такъ весело шумить, вѣтеръ такъ свѣжо дуетъ ему въ лицо, что кровь невольно играетъ въ его жилахъ, какъ сердце въ немъ ни тяжело... Да, я рѣшительно уѣзжаю. Вернусь въ Москву, къ своимъ товарищамъ, стану работать...

Вѣра.

Вы, стало-быть, ее любите, Алексѣй Николаичъ; вы ее любите, а между тѣмъ вы уѣзжаете.

Бѣляевъ.

Полноте, Вѣра Александровна, къ чему это? Развѣ вы не видите, что все кончено? Все вспыхнуло и погасло, какъ искра. Разстанемтесь друзьями. Пора. Я опомнился. Будь-

те здоровы, будьте счастливы, мы когда-нибудь увидимся... Я васъ никогда не забуду, Вѣра Александровна... Я васъ очень полюбилъ, повѣрьте... (*Жметъ ей руку и прибавляетъ поспѣшно.*) Отдайте отъ меня эту записку Натальѣ Петровнѣ...

Вѣра (*съ смущеніемъ взглянувъ на него*).

Записку?

Бѣляевъ.

Да... я не могу съ ней проститься.

Вѣра.

Да развѣ вы сейчасъ уѣзжаете?

Бѣляевъ.

Сейчасъ... Я никому ничего не сказалъ объ этомъ... исключая одного Михайла Александрыча. Онъ одобряетъ меня. Я отправлюсь отсюда сейчасъ пѣшкомъ до Петровскаго. Въ Петровскомъ я подожду Михайла Александрыча, и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ городъ. Изъ города я напишу. Мои вещи мнѣ вышлютъ. Вы видите, все уже слажено... Впрочемъ, вы можете прочесть эту записку. Въ ней всего два слова.

Вѣра (*принимая отъ него записку*).

И точно, вы уѣзжаете?..

Бѣляевъ.

Да, да... Отдайте ей эту записку и скажите... Нѣтъ, не говорите ей ничего. Къ чему? (*Прислушиваясь.*) Сюда идутъ. Прощайте... (*Бросается къ двери, останавливается на минуту на порогъ и бѣжитъ вонъ. Вѣра остается съ запиской въ рукъ. Изъ гостиной выходитъ Наталья Петровна.*)

Наталья Петровна (*подходя къ Вѣрѣ*).

Вѣрочка... (*Взглядываетъ на нее и останавливается.*) Что съ тобой? (*Вѣра молча протягиваетъ ей записку.*) Записка?.. отъ кого?

Вѣра (*глухо*).

Прочтите.

Наталья Петровна.

Ты меня пугаешь. (*Читаетъ про себя записку и вдругъ*

прижимаетъ обѣ руки къ лицу и падаетъ на кресло. Долгое молчаніе.)

Вѣра (*приближаясь къ ней*).

Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*не отнимая рукъ отъ лица*).

Онъ уѣзжаетъ!.. Онъ даже не хотѣлъ проститься со мной... О! съ вами онъ, по крайней мѣрѣ, простился!

Вѣра (*печально*).

Онъ меня не любилъ...

Наталья Петровна (*отнимаетъ руку и встаетъ*).

Но онъ не имѣетъ права такъ уѣхать... Я хочу... Онъ не можетъ такъ... Кто ему позволилъ такъ глупо прервать... Это презрѣніе, наконецъ... Я... почему онъ знаетъ, что я бы никогда не рѣшилась... (*Опускается въ кресло.*)
Боже мой, Боже мой!..

Вѣра.

Наталья Петровна, вы сами сейчасъ мнѣ говорили, что онъ долженъ уѣхать... Вспомните.

Наталья Петровна.

Вамъ хорошо теперь... Онъ уѣзжаетъ... Теперь мы обѣ съ вами равны... (*Голосъ ея прерывается*).

Вѣра.

Наталья Петровна, вы мнѣ сейчасъ говорили... вотъ ваши собственные слова: вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйти изъ этого положенія, какъ бы спастись... Мы спасены теперь.

Наталья Петровна (*почти съ ненавистью отворачиваясь отъ нея*).

Ахъ...

Вѣра.

Я понимаю васъ, Наталья Петровна... Не безпокойтесь... Я не долго буду тяготить васъ своимъ присутствіемъ. Намъ вмѣстѣ жить нельзя.

Наталья Петровна (*хочетъ протянуть ей руку и роняетъ ее на колѣни*).

Зачѣмъ ты это говоришь, Вѣрочка... Неужели и ты хо-

чешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Все кончено... все опять пришло въ порядокъ...

Вѣра (*холодно*).

Не безпокойтесь, Наталья Петровна. (*Вѣра молча глядитъ на нее. Изъ кабинета выходитъ Ислаевъ.*)

Ислаевъ (*посмотрѣвъ нѣкоторое время на Наталью Петровну, вполголоса Вѣрѣ*).

Она развѣ знаетъ, что онъ уѣзжаетъ?

Вѣра (*съ недоумѣніемъ*).

Да... знаетъ.

Ислаевъ (*про себя*).

Да зачѣмъ же это онъ такъ скоро... (*Громко.*) Наташа... (*Беретъ ее за руку. Она поднимаетъ голову.*) Это я, Наташа. (*Она силится улыбнуться.*) Ты нездорова, душа моя? Я бы посоветовалъ тебѣ прилечь, право...

Наталья Петровна.

Я здорова, Аркадій... Это ничего.

Ислаевъ.

Однако, ты блѣдна... Право, послушайся меня... Отдохни немножко.

Наталья Петровна.

Ну, пожалуй. (*Она хочетъ подняться и не можетъ.*)

Ислаевъ (*помогая ей*).

Вотъ, видишь... (*Она опирается на его руку.*) Хочешь я тебя провожу?

Наталья Петровна.

О! я еще не такъ слаба! Пойдемъ, Вѣра. (*Направляется къ кабинету. Изъ залы входитъ Ракитинъ. Наталья Петровна останавливается.*)

Ракитинъ.

Я пришелъ, Наталья Петровна...

Ислаевъ (*перебивая его*).

А, Michel! поди-ка сюда! (*Отводитъ его въ сторону — и вполголоса, съ досадой.*) Зачѣмъ же ты ей все сейчасъ такъ и сказалъ? Вѣдь я тебя, кажется, просилъ! Къ чему было торопиться... Я засталъ ее здѣсь въ такомъ волненіи...

Ракитинъ (съ изумленіемъ).

Я тебя не понимаю.

Ислаевъ.

Ты сказалъ Наташѣ, что ты уѣзжаешь...

Ракитинъ.

Такъ ты полагаешь, что она отъ этого пришла въ волненіе?

Ислаевъ.

Тссс! — Она глядитъ на насъ. (Громко.) Ты не идешь къ себѣ, Наташа?

Наталья Петровна.

Да... я иду...

Ракитинъ.

Прощайте, Наталья Петровна! (Наталья беретъ за ручку двери—и ничего не отвѣчаетъ.)

Ислаевъ (кладя руку на плечо Ракитину).

Наташа, знаешь ли, что это одинъ изъ лучшихъ людей...

Наталья Петровна (съ внезапнымъ порывомъ).

Да — я знаю, онъ прекрасный человѣкъ — всѣ вы прекрасные люди... всѣ, всѣ... и между тѣмъ... (Она вдругъ закрываетъ лицо руками, толкаетъ дверь колѣномъ и быстро уходитъ. Вѣра уходитъ за ней. Ислаевъ садится молча у стола и опирается на локти.)

Ракитинъ (глядитъ нѣкоторое время на него и съ горькой улыбкой пожимаетъ плечами).

Каково мое положеніе! Славно, нечего сказать! Право, даже освѣжительно. И прощаніе-то каково, послѣ четырехлѣтней любви? Хорошо, очень хорошо, по дѣломъ болтуну. Да и слава Богу, все къ лучшему. Пора было прекратить эти болѣзненные, эти чахоточныя отношенія. (Громко Ислаеву.) Ну, Аркадій, прощай.

Ислаевъ (поднимаетъ голову. У него слезы на глазахъ).

Прощай, братъ. — А оно, того... не совсѣмъ легко. Не ожидалъ, братъ. Словно буря въ ясный день. Ну, перемелется... мука будетъ. А все-таки, спасибо, спасибо тебѣ! Ты — другъ, точно!

Ракитинъ (*про себя сквозь зубы*).

Это слишкомъ. (*Отрывисто*). Прощай. (*Хочетъ идти въ залу... Ему навстрѣчу вбѣгаетъ Шпигельскій*).

Шпигельскій.

Что такое? Мнѣ сказали, Наталья Петровна дурно...

Ислаевъ (*вставая*).

Кто вамъ сказалъ?

Шпигельскій.

Дѣвушка... горничная...

Ислаевъ.

Нѣтъ, это ничего, докторъ. Я думаю, лучше Наташу не беспокоить теперь...

Шпигельскій.

А! ну, и прекрасно! (*Ракитину*). Вы, говорятъ, въ городъ уѣзжаете?

Ракитинъ.

Да, по дѣламъ.

Шпигельскій.

А! по дѣламъ!.. (*Въ это мгновеніе изъ залы врываются разомъ Анна Семеновна, Лизавета Богдановна, Коля и Шаафъ*).

Анна Семеновна.

Что такое? что такое? что съ Наташей?

Коля.

Что съ мамашей? что съ ней?

Ислаевъ.

Ничего съ ней... Я сейчасъ ее видѣлъ... Что съ вами?

Анна Семеновна.

Да помилуй, Аркаша, намъ сказали, что Наташѣ дурно...

Ислаевъ.

А вы напрасно повѣрили.

Анна Семеновна.

Зачѣмъ же ты горячишься такъ, Аркаша? Наше участіе понятно.

Ислаевъ.

Конечно... конечно...

Ракитинъ.

Однако, мнѣ пора ѣхать.

Анна Семеновна.

Вы уѣзжаете?

Ракитинъ.

Да... уѣзжаю.

Анна Семеновна (*про себя*).

А! Ну, теперь я понимаю.

Коля (*Ислаеву*).

Папаша...

Ислаевъ.

Чего тебѣ?

Коля.

Зачѣмъ Алексѣй Николаичъ ушелъ?

Ислаевъ.

Куда ушелъ?

Коля.

Я не знаю... Поцѣловаль меня, надѣлъ фуражку и ушелъ... А теперь часъ русскаго урока.

Ислаевъ.

Вѣроятно, онъ сейчасъ вернется... Впрочемъ, можно за нимъ послать...

Ракитинъ (*вполголоса Ислаеву*).

Не посылай за нимъ, Аркадій, онъ не вернется. (*Анна Семеновна старается прислушаться; Шнигельскій шепчется съ Лизаветой Богдановной*).

Ислаевъ.

Это что значитъ?

Ракитинъ.

Онъ тоже уѣзжаетъ.

Ислаевъ.

Уѣзжаетъ... куда?

Ракитинъ.

Въ Москву.

Ислаевъ.

Какъ, въ Москву? Да что, сегодня, съ ума всѣ сходятъ, что ли?

Ракитинъ *(еще понизивъ голосъ)*.

Между нами... Вѣрочка въ него влюбилась... Ну, онъ, какъ честный человѣкъ, рѣшился удалиться. *(Ислаевъ, растопыривъ руки, опускается въ кресло)*. Ты понимаешь теперь, почему...

Ислаевъ *(вскакивая)*.

Я? я ничего не понимаю. У меня голова кругомъ идетъ. Что тутъ можно понять? Всѣ улепетываютъ, кто куда, какъ куропатки, а все потому, что честные люди... И все это разомъ, въ одинъ и тотъ же день...

Анна Семеновна *(заходя сбоку)*.

Да что такое? Господинъ Бѣляевъ, ты говоришь...

Ислаевъ *(нервически кричитъ)*.

Ничего, матушка, ничего! Г-нъ Шаафъ, извольте теперь заняться съ Колей, вмѣсто г-на Бѣлева. Извольте увести его.

Шаафъ.

Злушаю-съ... *(Беретъ Колю за руку)*.

Коля.

Но, папаша...

Ислаевъ *(кричитъ)*.

Пошелъ, пошелъ! *(Шаафъ уводитъ Колю)*. А тебя, Ракитинъ, я провожу... Я лошадь велю осѣдлатъ, буду ждать тебя на плотинѣ... А вы, маменька, пока, ради Бога, не беспокойте Наташу—да и вы, докторъ... Матвѣй! Матвѣй! *(Уходитъ поспышно. Анна Семеновна съ достоинствомъ и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ея. Анна Семеновна поднимаетъ взоръ къ небу, какъ бы желая отчудиться отъ всего, что происходитъ вокругъ нея)*.

Шпигельскій *(украдкой и лукаво Ракитину)*.

А что, Михайло Александрычъ, не прикажете ли довести васъ на новой троечкѣ до большой дороги?

Ракитинъ.

А!.. Развѣ вы уже получили лошадокъ?

Шпигельскій *(скромно)*.

Я съ Вѣрой Александровной переговаривалъ... Такъ прикажете-съ?

Ракитинъ.

Пожалуй! (*Кланяется Аннѣ Семеновнѣ*). Анна Семеновна, честь имѣю...

Анна Семеновна (*все такъ же величественно, не поднимаясь съ мѣста*).

Прощайте, Михайло Александрычъ... Желаю вамъ счастливаго пути...

Ракитинъ.

Покорно благодарю!.. Лизавета Богдановна... (*Кланяется ей. Она въ отвѣтъ ему присѣдаетъ. Онъ уходитъ въ залу*).

Шпигельскій (*подходя къ ручкѣ Анны Семеновны*).

Прощайте, барыня...

Анна Семеновна (*меньше величественно, но все-таки строго*).

А! и вы уѣзжаете, докторъ?

Шпигельскій.

Да-съ... Больные, знаете, того-съ... Притомъ же, вы видите, мое присутствіе здѣсь не требуется. (*Раскланиваясь, хитро щурится Лизаветъ Богдановна, которая отвѣчаетъ ему улыбкой*). До свиданья... (*Убѣгаетъ вслѣдъ за Ракитинымъ*).

Анна Семеновна (*даетъ ему выйти и, скрестивъ руки, медленно обращается къ Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Что вы объ этомъ обо всемъ думаете, душа моя, а?

Лизавета Богдановна (*вздыхнувъ*).

Не знаю-съ, что вамъ сказать, Анна Семеновна.

Анна Семеновна.

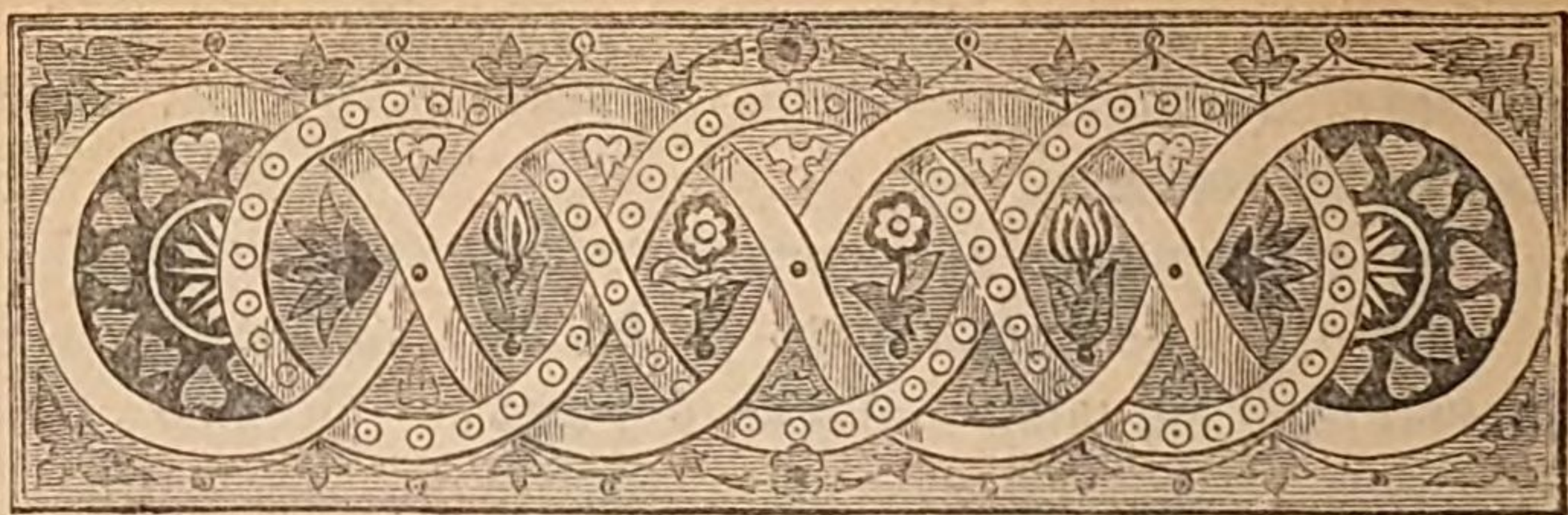
Слышала ты, Бѣляевъ тоже уѣзжаетъ...

Лизавета Богдановна (*опять вздохнувъ*).

Ахъ, Анна Семеновна, можетъ-быть, и мнѣ не долго придется здѣсь оставаться... И я уѣзжаю. (*Анна Семеновна съ невыразимымъ изумленіемъ глядитъ на нее. Лизавета Богдановна стоитъ передъ ней, не поднимая глазъ*).

1850 г.

ПРОВИНЦІАЛКА.

(КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Алексѣй Ивановичъ Ступендѣевъ, уѣздный чиновникъ, 48 лѣтъ.

Дарья Ивановна, жена его, 28 лѣтъ.

Миша, дальній родственникъ Дарьи Ивановны, 19 лѣтъ.

Графъ Валерьянъ Николаевичъ Любинъ, 49 лѣтъ.

Лакей графа, 30 лѣтъ.

Васильевна, кухарка Ступендѣева, 50 лѣтъ.

Аполлонъ, мальчикъ Ступендѣева, 17 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ въ домѣ Ступендѣева.

Театръ представляетъ гостиную въ домѣ небогатаго чиновника. Прямо дверь въ переднюю, направо—въ кабинетъ; налѣво два окна и дверь въ садикъ. Налѣво въ углу низенькія ширмы; спереди диванъ, два стула, столикъ и пальцы; направо, на второмъ планѣ, небольшое фортепіано; спереди столъ и стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

За пальцами сидитъ Дарья Ивановна. Она одѣта очень просто, но со вкусомъ. На диванѣ сидитъ Миша. Онъ скромно читаетъ книжечку.

Дарья Ивановна (*не поднимая глазъ и продолжая шить*).
Миша!

Миша (*опуская книжечку*).

Чего изволите?

Дарья Ивановна.

Вы... ходили къ Попову?

Миша.

Ходилъ-съ.

Дарья Ивановна.

Чтò онъ вамъ сказалъ?

Миша.

Онъ сказалъ-съ, что все будетъ прислано, какъ слѣдуетъ. Я особенно просилъ его о красномъ винѣ-съ. Вы, говорить, будьте покойны-съ. (*Помолчавъ*). Позвольте узнать, Дарья Ивановна, вы кого-нибудь ожидаете?

Дарья Ивановна.

Жду.

Миша (*опять помолчавъ*).

Можно узнать, кого-съ?

Дарья Ивановна.

Вы любопытны. Впрочемъ, вы не болтливы и я могу вамъ сказать, кого я жду. Графа Любина.

Миша.

Какъ-съ, этого богатаго господина, который недавно прїѣхалъ къ себѣ въ имѣнье-съ?

Дарья Ивановна.

Его.

Миша.

Ихъ, точно, сегодня ожидаютъ въ трактирѣ у Кулѣшкина-съ. Но позвольте узнать, развѣ вы съ нимъ знакомы?

Дарья Ивановна.

Теперь нѣтъ.

Миша.

А! стало-быть, прежде?

Дарья Ивановна.

Вы меня спрашиваете?

Миша.

Извините-съ. (*Помолчавъ*). Впрочемъ, и я глупъ. Вѣдь онъ, должно-быть, сынъ Катерины Дмитриевны, вашей благодѣтельницы.

Дарья Ивановна (*посмотрѣвъ на него*).

Да, моей благодѣтельницы. (*За кулисами слышенъ голосъ Ступендьева «не приказала? почему не приказала?»*)

Дарья Ивановна.

Что тамъ такое?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Ступендеевъ съ Васильевной. Они выходятъ изъ двери кабинета: Ступендеевъ въ одномъ жилетѣ; у Васильевны въ рукавъ сюртукъ.

Ступендеевъ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Даша, правда ли, ты приказала... (*Миша встаетъ и кланяется*). А, здравствуй, Миша, здравствуй. Правда ли, ты приказала этой женщинѣ (*показываетъ на Васильевну*) не давать мнѣ сегодня моего бешмета, а?

Дарья Ивановна.

Я ей не приказывала.

Ступендеевъ (*съ торжествующимъ лицомъ, обращаясь къ Васильевнѣ*).

А? что?

Дарья Ивановна.

Я только сказала ей, чтобъ она тебя попросила не надѣвать сегодня твоего бешмета...

Ступендеевъ.

А чѣмъ же мой бешметъ дуренъ? Онъ такой пестренькій, съ разводами. Ты же мнѣ сама его подарила.

Дарья Ивановна.

Да вѣдь сколько времени тому назадъ!

Васильевна.

Ну, надѣвайте, надѣвайте сюртукъ, Алексѣй Ивановичъ... Что, право... Хорошъ пестренькій! На локтяхъ прорвался; а сзади такъ, просто, глядѣть не хорошо.

Ступендеевъ (*надѣвая сюртукъ*).

А кто тебѣ велитъ на меня сзади глядѣть? Тише, тише! развѣ ты не слыхала? ты меня просить должна.

Васильевна.

Ну, да, ужъ вы... (*Уходитъ*).

Ступендеевъ (*ей вслѣдъ*).

Не разсуждай, женщина!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, кромѣ Васильевны.

Ступендеевъ.

Чортъ возьми, ужасъ, какъ подъ мышками рѣжетъ! Бываютъ же такіе подлые портные... такъ и кажется, что вотъ, вотъ, кверху потянуть на канатѣ. Право, Даша, я не понимаю, почему тебѣ вздумалось меня нарядить въ сюртукъ; теперь же скоро двѣнадцатый часъ, на службу идти пора, и безъ того фракъ придется надѣть.

Дарья Ивановна.

У насъ, можетъ-быть, гости будутъ.

Ступендеевъ.

Гости? Какіе гости?

Дарья Ивановна.

Графъ Любинъ. Вѣдь ты его знаешь?

Ступендеевъ.

Любина? Еще бы! Такъ ты его ожидаешь?

Дарья Ивановна.

Его. (*Взглянувъ на него*). Что жъ тутъ удивительнаго?

Ступендеевъ.

Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, я совершенно съ тобою согласенъ; но позволь тебѣ замѣтить, душа моя, это совершенно невозможно.

Дарья Ивановна.

Почему же?

Ступендеевъ.

Невозможно, совершенно невозможно. Съ какой стати онъ придетъ?

Дарья Ивановна.

Ему нужно будетъ съ тобою переговорить.

Ступендеевъ.

Положимъ, положимъ, но это ничего не доказываетъ, совершенно ничего не доказываетъ. Онъ меня къ себѣ позоветъ. Возьметъ да позоветъ.

Дарья Ивановна.

Мы съ нимъ были знакомы: онъ видалъ меня въ домѣ своей матери.

Ступендеевъ.

И это ничего не доказываетъ. Какъ ты думаешь, Миша?

Миша.

Я-съ? я ничего не думаю-съ.

Ступендеевъ (*къ женѣ*).

Ну, вотъ, видишь?.. Онъ не придетъ. Помилуй, какъ это...

Дарья Ивановна.

Ну, можетъ-быть, можетъ-быть; только ты не снимай сюртука...

Ступендеевъ (*помолчавъ*).

Впрочемъ, я совершенно съ тобою согласенъ. (*Проходясь по комнатамъ*). То-то сегодня съ утра здѣсь такую подняли пыль... Охъ, ужъ эта мнѣ чистота! И ты такая нарядная!

Дарья Ивановна.

Alexis, пожалуйста, безъ замѣчаній.

Ступендеевъ.

Ну, да, да. Конечно, безъ замѣчаній... Вишь, этотъ графъ поразорился, такъ и къ намъ пожаловалъ. Чтò, онъ молодъ?

Дарья Ивановна.

Онъ моложе тебя.

Ступендеевъ.

Гмъ... Совершенно, я совершенно съ тобой согласенъ... то-то ты вчера все на фортепіанахъ этакъ того... (*разводитъ руками*). Да, да. (*Напѣваетъ сквозь зубы*).

Миша.

Я сегодня къ Кулѣшкину заходилъ-съ. Такъ ихъ тамъ ждутъ-съ.

Ступендеевъ.

Ждутъ? Ну, такъ пускай ждутъ. (*Къ женѣ*). Какъ же это я его никогда у Катерины Дмитриевны не видалъ?

Дарья Ивановна.

Онъ тогда въ Петербургѣ служилъ...

Ступендеевъ.

Гмъ... Онъ, говорятъ, теперь въ чинахъ. И ты думаешь, что онъ придетъ? Помилуй, помилуй!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же; изъ передней выходитъ Аполлонъ; на немъ голубая ливрея съ бѣлыми пуговицами, весьма неловко скроенная; лицо его выражаетъ тупое изумленіе.

Аполлонъ (*таинственно Ступендееву*).

Какой-то господинъ васъ спрашиваетъ.

Ступендеевъ (*струхнувъ*).

Какой господинъ?

Аполлонъ.

Не знаю-съ, въ шляпѣ и съ бакенами.

Ступендеевъ (*съ волненіемъ*).

Проси. (*Аполлонъ таинственно взглядываетъ на Ступендеева и выходитъ*). Неужели графъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же; изъ передней выходитъ лакей графа. Онъ одѣтъ по-дорожному, по-щегоольски и не снимаетъ шляпы. Изъ-за дверей съ любопытствомъ выглядываютъ Васильевна и Аполлонъ.

Лакей (*съ нѣмецкимъ выговоромъ*).

Здѣсь живетъ господинъ Ступендеевъ, чиновникъ?

Ступендеевъ.

Здѣсь. Что вамъ угодно?

Лакей.

Вы господинъ Ступендеевъ?

Ступендеевъ.

Я. Что вамъ угодно?

Дарья Ивановна.

Алексѣй Иванычъ!

Лакей.

Графъ Любинъ пріѣхалъ и приказалъ васъ просить къ себѣ.

Ступендеевъ.

А вы отъ него?

Дарья Ивановна.

Алексѣй Иванычъ, подите сюда.

Ступендеевъ (*подходитъ къ ней*).

Что?

Дарья Ивановна.

Скажите ему, чтобы онъ шляпу снялъ.

Ступендеевъ.

Ты думаешь? Г-мъ... Да, да... (*Подходя къ лакею*). Вы не находите, что здѣсь будто жарко... (*Показывая рукой на шляпу*).

Лакей.

Здѣсь не жарко. Слѣдовательно, вы сейчасъ придете?

Ступендеевъ.

Я... (*Дарья Ивановна дѣлаетъ ему знакъ*). Да позвольте узнать, кто вы собственно такой?

Лакей.

Я вольнонаемный человѣкъ ихъ сіятельства... камердинеръ.

Ступендеевъ (*внезапно вспыхнувъ*).

Сними шляпу, сними шляпу, сними шляпу, говорятъ! (*Лакей медленно и съ достоинствомъ снимаетъ шляпу*). А ихъ сіятельству скажи, что я сейчасъ...

Дарья Ивановна (*вставая*).

Скажите графу, что мой мужъ теперь занятъ и не можетъ выйти изъ дому. А что, если графъ желаетъ его видѣть, такъ пусть пожалуетъ самъ. Ступайте. (*Лакей выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же безъ лакея.

Ступендеевъ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Однако, Даша, мнѣ, право, кажется, ты того... (*Дарья Ивановна молча прохаживается взадъ и впередъ*). Впрочемъ, я совершенно съ тобою согласенъ. А каково я его отдѣлалъ, а? просто оборвалъ, какъ говорится. Нахаль такой? (*Миша*). Вѣдь хорошо?

Миша.

Хорошо-съ, Алексѣй Ивановичъ, очень хорошо-съ.

Ступендеевъ.

То-то же!

Дарья Ивановна.

Аполлонъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Аполлонъ; за нимъ Васильевна.

Дарья Ивановна (*поглядѣвъ нѣкоторое время на Аполлона*).

Нѣтъ, ты слишкомъ смѣшонъ въ этой ливреѣ. Ты ужъ лучше не показывайся.

Васильевна.

Да чѣмъ же онъ смѣшонъ, матушка? Человѣкъ какъ и всѣ, да еще мой племянникъ...

Ступендѣвъ.

Женщина, не разсуждай.

Дарья Ивановна (*Аполлону*).

Повернись! (*Аполлонъ поворачивается*). Нѣтъ, тебѣ рѣшительно нельзя показаться на глаза графу. Ступай и спрячься гдѣ-нибудь... А ты, Васильевна, посиди въ передней, пожалуйста.

Васильевна.

Да, матушка, у меня въ кухнѣ работа.

Ступендѣвъ.

А кто тебѣ велитъ работать, баловница?

Васильевна.

Да помилуйте...

Ступендѣвъ.

Не разсуждай, женщина! Стидись! Маршъ оба! (*Васильевна и Аполлонъ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, безъ Васильевны и Аполлона.

Ступендѣвъ (*Дарья Ивановнѣ*).

Итакъ, ты дѣйствительно думаешь, что графъ теперь придетъ?

Дарья Ивановна.

Думаю.

Ступендѣвъ (*прохаживается*).

Я въ волненіи. Онъ придетъ разсерженный... я въ волненіи.

Дарья Ивановна.

Пожалуйста, будь какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе.

Ступендеевъ.

Слушаю... я въ волненіи. Миша, а ты въ волненіи?

Миша.

Никакъ нѣтъ-съ.

Ступендеевъ.

А я въ волненіи... (*Дарь Ивановнѣ*). Зачѣмъ ты не пустила меня къ нему?

Дарья Ивановна.

Ужъ это мое дѣло. Вспомни, что ты ему нуженъ.

Ступендеевъ.

Я ему нуженъ... Я въ волненіи... Что это?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Аполлонъ.

Аполлонъ (*съ необыкновенно встревоженнымъ лицомъ*).

Я не успѣлъ спрятаться. Баринъ пришелъ. Я не успѣлъ спрятаться.

Ступендеевъ (*шопотомъ*).

Ну, ступай скорѣй сюда! (*Проталкиваетъ его въ кабинетъ*).

Аполлонъ.

Я не успѣлъ, а Васильевна ушла въ кухню. (*Исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Аполлона.

Голосъ Любина (*за кулисами*).

Что жъ это значитъ? Никого нѣтъ, что ли? Зачѣмъ этотъ человѣкъ убѣждалъ?

Ступендеевъ (*съ отчаяніемъ къ Дарь Ивановнѣ*).

Васильевна въ кухню ушла!

Голосъ Любина.

Человѣкъ!

Дарья Ивановна.

Миша, подите, отворите.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и графъ Любинъ, которому Миша отворяетъ дверь. Онъ одѣтъ щегольски и нѣсколько изысканно, какъ обыкновенно одѣваются старѣющіе бель-ѣмы.

Миша.

Пожалуйте.

Графъ Любинъ.

Господинъ Ступендѣевъ здѣсь?

Ступендѣевъ (*кланяясь съ смущеніемъ*).

Я... Ступендѣевъ.

Графъ Любинъ.

Очень радъ. Я графъ Любинъ. Я присылалъ къ вамъ моего человѣка; но вамъ не угодно было ко мнѣ пожаловать.

Ступендѣевъ.

Извините, ваше сіятельство. Я...

Графъ Любинъ (*оборачиваясь, холодно кланяется Дарьѣ Ивановнѣ, которая отошла нѣсколько въ сторону*).

Мое почтеніе. Признаюсь, я былъ удивленъ. Вѣрно, у васъ занятія, занятія?

Ступендѣевъ.

Точно, ваше сіятельство, занятія.

Графъ Любинъ.

Можетъ-быть, не спору; но мнѣ кажется, что для иныхъ людей можно оставить свое занятіе, особенно когда... васъ просятъ... (*Изъ передней выходитъ Васильевна. Ступендѣевъ дѣлаетъ ей знаки, чтобъ она ушла*). Когда... (*Любинъ съ удивленіемъ оглядывается; Васильевна смотритъ на него во все глаза и убѣгаетъ. Любинъ съ улыбкою обращается къ Ступендѣеву*).

Ступендѣевъ.

Это ничего, ваше сіятельство. Это такъ, женщина пришла и ушла; къ сожалѣнію пришла и къ счастью ушла. А вотъ, позвольте, я вамъ лучше представлю мою супругу...

Графъ Любинъ (*почти не глядя на нее, холодно кланяется*).

А? очень радъ.

Ступендеевъ.

Дарья Ивановна, ваше сіятельство, Дарья Ивановна.

Графъ Любинъ *(также холодно)*.

Очень радъ, очень радъ; но я пришелъ...

Дарья Ивановна *(скромнымъ голосомъ)*.

Вы не узнали меня, графъ?

Графъ Любинъ *(оглядываясь)*.

Ахъ, Боже мой... Позвольте, точно... Дарья Ивановна! Вотъ неожиданная встрѣча! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Это вы? Скажите!

Дарья Ивановна.

Да-съ, графъ, давно мы не видались... Видно, я много перемѣнилась съ тѣхъ поръ.

Графъ Любинъ.

Помилуйте, вы только похорошѣли. Вотъ я, небось, другое дѣло!

Дарья Ивановна *(невинно)*.

Вы нисколько не измѣнились, графъ.

Графъ Любинъ.

О, полноте! Но мнѣ теперь весьма пріятно, что вашему супругу нельзя было пожаловать ко мнѣ: это мнѣ доставило случай возобновить знакомство съ вами. Вѣдь мы старинные друзья.

Ступендеевъ.

А вѣдь это, ваше сіятельство, она...

Дарья Ивановна *(поспѣшно перебивая его)*.

Старинные друзья... Вы, графъ, должно-быть, во все время не вспомнили о... объ вашихъ старинныхъ друзьяхъ?

Графъ Любинъ.

Я?.. Напротивъ, напротивъ. Признаюсь, я хорошенько не помнилъ, за кого вы вышли замужъ... Покойница матушка мнѣ какъ-то писала незадолго передъ своей кончиной... но...

Дарья Ивановна.

Да и какъ же вамъ было въ Петербургѣ, въ большомъ свѣтѣ, не забыть о насъ? Вотъ мы, бѣдные, уѣздные жители—мы не забываемъ *(съ легкимъ вздохомъ)*, мы ничего не забываемъ.

Графъ Любинъ.

Нѣтъ, я васъ увѣряю. (*Помолчавъ*). Повѣрьте, я всегда принималъ живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ и очень радъ видѣть васъ теперь... (*Ищетъ слова*) въ положеніи упроченномъ...

Ступендеевъ (*кланяясь съ благодарностью*).

Совершенно, совершенно упроченномъ, ваше сіятельство. Одно—бѣдность, недостатокъ—вотъ, что горе!

Графъ Любинъ.

Ну, да, ну, да. (*Помолчавъ*). Однако, (*обращаясь къ Ступендееву*) позвольте узнать ваше имя и отчество?

Ступендеевъ (*кланяясь*).

Алексѣй Ивановичъ, ваше сіятельство, Алексѣй Ивановичъ.

Графъ Любинъ.

Любезнѣйшій Алексѣй Ивановичъ, намъ нужно съ вами переговорить о дѣлѣ... Я думаю, этотъ разговоръ вашу супругу занять не можетъ... такъ не лучше ли намъ, знаете... удалиться, остаться наединѣ на нѣкоторое время, а?.. Мы съ вами потолкуемъ...

Ступендеевъ.

Какъ вашему сіятельству будетъ угодно... Даша... (*Дарья Ивановна хочетъ уйти*).

Графъ Любинъ.

О, нѣтъ, помилуйте, не беспокойтесь, останьтесь... Мы съ Алексѣй Ивановичемъ можемъ выйти, мы въ вашу комнату пойдёмъ, Алексѣй Ивановичъ, хотите?

Ступендеевъ.

Въ мою комнату... гм... въ мой кабинетъ, то-есть...

Графъ Любинъ.

Да, да, въ вашъ кабинетъ...

Ступендеевъ.

Какъ вашему сіятельству будетъ угодно... но...

Графъ Любинъ (*къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

А мы, Дарья Ивановна, еще съ вами увидимся... я надѣюсь. (*Дарья Ивановна присѣдаетъ*). До свиданія. (*Къ Ступендееву*). Куда идти—сюда? (*Указываетъ шляпою на дверь въ кабинетъ*).

Ступендеевъ.

Сюда-съ... но... ваше сіятельство...

Графъ Любинъ (не слушая его).

Очень хорошо, очень хорошо... (Идетъ въ кабинетъ, за нимъ Ступендеевъ, который, уходя, дѣлаетъ какіе-то знаки жести. Дарья Ивановна остается въ раздумьи и глядитъ за ними вслѣдъ. Черезъ нѣсколько минованій, изъ кабинета стрѣлой вылетаетъ Аполлонъ и убѣгаетъ въ переднюю. Дарья Ивановна вздрагиваетъ, улыбается и опять погружается въ раздумье).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и Миша.

Миша (подходя къ ней).

Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна (встрепенувшись).

Что?

Миша.

Позвольте узнать-съ, давно вы видались съ ихъ сіятельствомъ?

Дарья Ивановна.

Давно, двѣнадцать лѣтъ.

Миша.

Двѣнадцать лѣтъ! Скажите! И въ теченіе всего этого времени получали вы отъ нихъ какія-нибудь извѣстія-съ?

Дарья Ивановна.

Я? Никакихъ. Онъ столько же думалъ обо мнѣ, сколько о китайскомъ императорѣ.

Миша.

Скажите! Какъ же это они говорили-съ, что принимали-съ живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ-съ?

Дарья Ивановна.

А васъ это удивляетъ? Какъ вы еще молоды—если это васъ точно удивляетъ! (Помолчавъ). Какъ онъ постарѣлъ!

Миша.

Постарѣлъ?

Дарья Ивановна.

Румянится, бѣлится... красить волосы, а морщинъ-то, морщинъ...

Миша.

Неужели красить волосы? Ай, ай, ай, какъ стыдно! (*Помолчавъ*). А они, кажется, скоро намѣрены уйти-съ.

Дарья Ивановна (*быстро оборачивается къ нему*).
Почему вы это думаете?

Миша (*скромно потупивъ глаза*).

Да такъ-съ.

Дарья Ивановна.

Нѣтъ... онъ останется обѣдать...

Миша (*со вздохомъ*).

Ахъ! ужъ какъ бы это было хорошо!

Дарья Ивановна.

А что?

Миша (*съ скромностью*).

Провизіи даромъ пропадутъ-съ... и вино-съ... если они не останутся, то-есть...

Дарья Ивановна (*съ разстановкой*).

Да. Ну, послушайте, Миша, вотъ въ чемъ дѣло. Они оба теперь скоро выйдутъ.

Миша (*внимательно глядя на нее*).

Да-съ.

Дарья Ивановна.

Такъ вотъ, видите ли, оставьте меня теперь одну.

Миша.

Да-съ.

Дарья Ивановна.

Я графа приглашу отобѣдать, а Алексѣя Иваныча...

Миша.

Понимаю-съ.

Дарья Ивановна (*слегка наморщивъ брови*).

Что вы понимаете? Алексѣя Иваныча я вышлю къ вамъ...

Миша.

Такъ-съ.

Дарья Ивановна.

А вы его задержите... такъ, не на долгое время... Вы

ему скажите, что мнѣ нужно переговорить съ графомъ, для его же пользы... Вы понимаете?

Миша.

Слушаю-съ.

Дарья Ивановна.

Ну, да. Я на васъ надѣюсь. Вы можете съ нимъ, если хотите, прогуляться немного.

Миша.

Конечно-съ; отчего жъ не прогуляться?

Дарья Ивановна.

Ну, да, да. Теперь ступайте, оставьте меня.

Миша.

Слушаю-съ. (*Уходя, останавливается*). Ужъ вы и меня не забудьте, Дарья Ивановна. Вѣдь вы знаете, какъ я вамъ преданъ, можно сказать, и тѣломъ и душой...

Дарья Ивановна.

Что вы хотите сказать?

Миша.

Ахъ, Дарья Ивановна, вѣдь и мнѣ страхъ какъ хочется въ Петербургъ! Что я здѣсь буду дѣлать безъ васъ?.. Сдѣлайте одолженіе, Дарья Ивановна... А я вамъ заслужу...

Дарья Ивановна (*помолчавъ*).

Я не понимаю васъ, я еще сама не знаю... Впрочемъ, хорошо, ступайте.

Миша.

Слушаю-съ. (*Возводя глаза къ небу*). А я вамъ заслужу, Дарья Ивановна! (*Уходитъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна одна.

Дарья Ивановна (*остается нѣкоторое время неподвижно*).

Онъ не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія—это ясно. Онъ меня позабылъ. И, кажется, я напрасно рассчитывала на его пріѣздъ. А сколько надеждъ у меня было сопряжено съ этимъ пріѣздомъ!.. (*Оглядывается*). Неужели же я вѣчно должна оставаться здѣсь, здѣсь?.. Что дѣлать! (*Помолчавъ*). Впрочемъ, еще ничего не рѣ-

шепо. Онъ почти не видѣлъ меня... (*Взглянувъ въ зеркало*). Я, по крайней мѣрѣ, не крашу своихъ волосъ... Посмотримъ, посмотримъ. (*Прохаживается по комнатѣ, подходитъ къ фортепіано и беретъ нѣсколько аккордовъ*). Они не скоро еще выйдутъ. Ожиданья меня замучать. (*Садится на диванъ*). Но, можетъ-быть, я сама заржавѣла въ этомъ городишкѣ... Почему я знаю? Кто мнѣ скажетъ здѣсь, что изъ меня вышло, кто можетъ въ этомъ обществѣ мнѣ дать почувствовать, что сдѣлалось со мной? Къ несчастію, я выше ихъ всѣхъ... Я выше ихъ; но для него — я все-таки провинціалка, жена уѣзднаго чиновника, бывшая воспитанница богатой барыни, которую потомъ кой-какъ пристроили... а онъ, онъ знатный человѣкъ, въ чинахъ, богатый... ну, не совсѣмъ богатый; дѣла его разстроились въ Петербургѣ, и онъ, я думаю, не на одинъ мѣсяцъ сюда пріѣхалъ. Онъ хорошъ собой, то-есть, былъ хорошъ собой... теперь онъ бѣлится и красить волосы. Говорятъ, что для людей въ его положеніи воспоминанія молодости особенно дороги... а онъ меня зналъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, волочился за мною... Да, да, конечно, онъ волочился за мной отъ нечего дѣлать, но все-таки... (*Вздыхаетъ*). И я въ то время, помнится, мечтала... О чемъ не мечтаешь въ шестнадцать лѣтъ! (*Вдругъ выпрямляясь*). Ахъ, Боже мой! да у меня, должно-быть, хранится одно его письмо... Точно. Но гдѣ оно? Какъ досадно, что я прежде о немъ не вспомнила!.. Впрочемъ, я успѣю... (*Помолчавъ*). Посмотримъ. Но какъ кстати пришли эти ноты и книги! Мнѣ смѣшно... я точно генераль передъ сраженіемъ, przygotowляюсь встрѣтить непріятеля... А какъ я перемѣнилась въ послѣднее время! Неужели это я такъ холодно, такъ спокойно обдумываю, что мнѣ должно дѣлать? Нужда всему научить и отъ многого отучить. Нѣтъ, я не спокойна, я въ волненіи теперь, но только отъ того, что я не знаю, удастся ли... Полно, такъ ли? Вѣдь ужъ я не ребенокъ, и воспоминанія уже стали дороги и для меня... какія бы они ни были... вѣдь другихъ у меня не будетъ, вѣдь ужъ полжизни, болѣе полжизни прошло. (*Улыбается*). Однако,

они все нейдутъ! И чего я прошу? чего добиваюсь? Самой бездѣлицы. Для него дать намъ возможность переѣхать въ Петербургъ, сыскать намъ тамъ мѣсто—бездѣлица. А Алексѣй Ивановичъ всякому мѣсту будетъ радъ... Неужели жъ я и этого не добьюсь?.. Въ такомъ случаѣ, мнѣ и слѣдъ оставаться въ уѣздномъ городѣ... я не заслуживаю лучшей участи... (*Прикладывая руку къ щеку*). А у меня отъ этой неизвѣстности, отъ всѣхъ этихъ размышленій—лихорадка; щеки такъ и горятъ. (*Помолчавъ*). Что жъ? Тѣмъ лучше. (*Услышавъ шумъ въ кабинетъ*). Они идутъ... сраженіе начинается... О, робость, неумѣстная робость, оставь меня теперь! (*Берется за книгу и прислоняется къ спинкѣ дивана*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна, Ступендеевъ и графъ Любинъ.

Графъ.

Итакъ, я могу надѣяться на васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ивановичъ?

Ступендеевъ.

Ваше сіятельство, я, съ своей стороны, готовъ во всемъ, что отъ меня зависитъ...

Графъ.

Очень, очень вамъ благодаренъ. А бумаги я вамъ сообщу въ самое короткое время... Сегодня я вернусь къ себѣ, и завтра или послѣзавтра...

Ступендеевъ.

Слушаю-съ, слушаю-съ.

Графъ (*подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Дарья Ивановна, вы, пожалуйста, извините меня: я сегодня, къ сожалѣнію, не могу у васъ остаться долѣе, но я надѣюсь, что въ другой разъ.

Дарья Ивановна.

Развѣ вы не обѣдаете у насъ, графъ? (*Встаетъ*).

Графъ.

Я вамъ очень благодаренъ за приглашеніе, но..

Дарья Ивановна.

А я такъ радовалась напередъ... я надѣялась, что вы

проведете хоть немного времени съ нами! Конечно, мы не смѣемъ васъ удерживать...

Графъ.

Вы слишкомъ добры, но право... если бъ вы знали—у меня столько дѣла...

Дарья Ивановна.

Вспомните, какъ давно мы не видались... и Богъ знаетъ, когда намъ придется опять увидѣться съ вами! Вѣдь вы у насъ такой рѣдкій гость...

Ступендьевъ.

Именно, ваше сіятельство, такъ сказать, фениксъ.

Дарья Ивановна (*перебивая его*).

Притомъ же, вы теперь не успѣете вернуться къ обѣду домой; а у насъ... я могу васъ увѣрить, вы отобѣдаете лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ городѣ.

Ступендьевъ.

Мы, вѣдь, знали о прибытіи вашего сіятельства.

Дарья Ивановна (*опять перебивая его*).

Такъ вы общаете, не правда ли?

Графъ (*нѣсколько принужденно*).

Вы такъ мило меня просите, что мнѣ невозможно вамъ отказать...

Дарья Ивановна.

А! (*Беретъ у него шляпу изъ рукъ и ставитъ на фортепiano*).

Графъ (*Дарья Ивановна*).

Признаюсь, я сегодня поутру, выѣзжая изъ дому, никакъ не ожидалъ имѣть удовольствіе встрѣтить васъ... (*Помолчавъ*). А вашъ городъ, сколько я могъ замѣтить, не дурень.

Ступендьевъ.

Для уѣзднаго города—живетъ, ваше сіятельство.

Дарья Ивановна (*сидясь*).

Сядьте же, графъ, прошу васъ... (*Графъ садится*). Вы не можете себѣ представить, какъ я счастлива, какъ я рада видѣть васъ у себя... (*Къ мужу*). Ахъ! кстати, Alexis, тебя Миша спрашиваетъ.

Ступендьевъ.

Что ему надобно?

Дарья Ивановна.

Не знаю, но ты, кажется, ему очень нуженъ; поди, пожалуйста, къ нему.

Ступендьевъ.

Да какъ же я... ихъ сіятельство, вотъ... мнѣ теперь невозможно.

Графъ.

О, помилуйте, сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. Я остаюсь въ очень пріятномъ обществѣ. (*Равнодушно проводитъ рукой по волосамъ*).

Ступендьевъ.

Да что жъ его могло такъ приспичить?

Дарья Ивановна.

Ты ему нуженъ; ступай, топ ашѣ.

Ступендьевъ (*помолчавъ*).

Слушаю... Но я сейчасъ вернусь... къ вашему сіятельству... (*Кланяется; графъ ему кланяется. Ступендьевъ уходитъ въ переднюю и говоритъ про себя*). И что ему такое вдругъ занадобилось?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и графъ. Небольшое молчаніе. Графъ съ легкой улыбкой поглядываетъ сбоку на Дарью Ивановну и покачиваетъ головой.

Дарья Ивановна (*опуская глаза*).

Надолго вы пріѣхали въ наши края, ваше сіятельство?

Графъ.

Мѣсяца на два; я уѣду, какъ только дѣла мои нѣсколько устроятся.

Дарья Ивановна.

Вы въ Спасскомъ остановились?

Графъ.

Да, въ матушкиномъ имѣніи.

Дарья Ивановна.

Въ томъ же домѣ?

Графъ.

Въ томъ же. Признаюсь, въ немъ теперь жить не весело. Онъ такъ обветшалъ, такъ развалился... я на будущій годъ его намѣренъ сломать.

Дарья Ивановна.

Вы говорите, графъ, въ немъ теперь не весело жить... Я не знаю, мои воспоминанія объ немъ чрезвычайно пріятны. Неужели вы, точно, хотите его сломать?

Графъ.

А развѣ вамъ его жаль?

Дарья Ивановна.

Еще бы! Я въ немъ провела лучшее время моей жизни. Притомъ, память о моей благодѣтельницѣ, вашей покойной матушкѣ... Вы понимаете...

Графъ (*перебивая ее*).

Ну, да, да... я понимаю. (*Помолчавъ*). А вѣдь, точно, въ прежнее время тамъ бывало весело...

Дарья Ивановна.

А вы не забыли...

Графъ.

Чего?

Дарья Ивановна (*опять опустивъ глаза*).

Прежняго времени?

Графъ (*понемногу оборачиваясь и начиная обращать нѣкоторое вниманіе на Дарью Ивановну*).

Я ничего не забылъ, повѣрьте... Скажите, пожалуйста, Дарья Ивановна, сколько вамъ тогда было лѣтъ?.. Пойдите, пойдите... Знаете ли, вѣдь вы отъ меня не можете скрыть свои годы?

Дарья Ивановна.

Я ихъ и не скрываю... Мнѣ, графъ, столько, сколько вамъ было тогда—28 лѣтъ.

Графъ.

Неужели мнѣ тогда было уже 28 лѣтъ? Мнѣ кажется, вы ошибаетесь...

Дарья Ивановна.

О, нѣтъ, графъ, не ошибаюсь... Я слишкомъ хорошо помню все, что касается до васъ...

Графъ (*принужденно смѣясь*).

Какой же я старикъ послѣ этого!

Дарья Ивановна.

Вы старикъ? Полноте!

Графъ.

Ну, положимъ, положимъ; я съ вами въ этомъ спорить не стану. (*Помолчавъ*). Да, да, хорошее было тогда время! Помните наши утреннія прогулки въ саду, по липовой аллеѣ, передъ завтракомъ? (*Дарья Ивановна опускаетъ глаза*). Нѣтъ, скажите, помните?

Дарья Ивановна.

Я вамъ уже сказала, графъ, что намъ, деревенскимъ жителямъ, нельзя не помнить прошедшаго, особенно, когда оно... почти не повторялось. Вотъ вы—другое дѣло!

Графъ (*все болѣе одушевляясь*).

Нѣтъ, послушайте, Дарья Ивановна, вы этого не думайте. Я вамъ это серьезно говорю. Конечно, въ большихъ городахъ такъ много разсѣянности, особенно для молодого человѣка; конечно, эта разнообразная, шумная жизнь... Но могу васъ увѣрить, Дарья Ивановна, первыя, знаете ли, первыя впечатлѣнія никогда не изглаживаются, а иногда, среди этого вихря, сердце... вы понимаете, сердце, наскучивъ пустотою... знаете ли, его такъ и тянетъ...

Дарья Ивановна.

О, да, графъ, я съ вами согласна: первыя впечатлѣнія не проходятъ. Я это испытала.

Графъ.

А! (*Помолчавъ*). А признайтесь, Дарья Ивановна, вѣдь вамъ, должно-быть, здѣсь довольно скучно?

Дарья Ивановна (*съ разстановкой*).

Не скажу. Сначала мнѣ, точно, было нѣсколько трудно привыкать къ этому новому образу жизни; но потомъ... мой мужъ такой добрый, прекрасный человѣкъ!

Графъ.

О, да... я съ вами согласенъ... Онъ очень, очень достойный человѣкъ, очень; но..

Дарья Ивановна.

Потомъ я... я привыкла. Для счастья немного нужно. Домашній быть, семейство... (*пониживъ голосъ*) и нѣсколько хорошихъ воспоминаній...

Графъ.

А у васъ есть такія воспоминанья?

Дарья Ивановна.

Есть, какъ у всякаго; съ ними легче переносить скуку.

Графъ.

Стало-быть, вы все-таки скучаете иногда?

Дарья Ивановна.

Васъ это удивляетъ, графъ? Вы вспомните, я имѣла счастье быть воспитанной въ домѣ вашей матушки. Сравните же то, къ чему я привыкла въ молодости, съ тѣмъ, что меня теперь окружаетъ. Конечно, ни мое состоянье, ни мое рожденье, словомъ, ничто не давало мнѣ права надѣяться, что я такъ же буду продолжать жить, какъ начала; но вы сами сказали: первыя впечатлѣнія не изглаживаются, и что нельзя же насильно выкинуть изъ памяти то (*потупляя голову*), что благоразуміе совѣтовало бы забыть... Я буду откровенна съ вами, графъ. Неужели вы думаете, что я не чувствую, какъ вамъ все здѣсь должно казаться бѣдно... и смѣшно? Этотъ лакей, который спасается отъ васъ, какъ заяцъ; эта кухарка—и... и, можетъ-быть, я сама...

Графъ.

Вы, Дарья Ивановна? Вы шутите, помилуйте! Да я, я васъ увѣряю... я, напротивъ, удивляюсь...

Дарья Ивановна (*живо*).

Я вамъ скажу, чему вы удивляетесь, графъ. Вы удивляетесь тому, что я еще не совсѣмъ потеряла привычки моей молодости, что я еще не успѣла вполнѣ превратиться въ провинціалку... Это удивленіе для меня, вы думаете, лестно?

Графъ.

Какъ вы дурно толкуете мои слова, Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна.

Можетъ-быть; но оставимъ это, прошу васъ. До иныхъ

ранъ, даже когда онъ и зажили, все больно дотрогиваться. Притомъ же, я совершенно примирилась съ своей судьбой, живу одна въ своемъ темномъ уголку; и если бѣ вашъ пріѣздъ не пробудилъ во мнѣ многихъ воспоминаній, мнѣ бы все это и въ голову не пришло. Я бы, по крайней мѣрѣ, объ этомъ никогда не заговорила. Мнѣ и такъ совѣстно, что я, вмѣсто того, чтобъ занять васъ по мѣрѣ возможности...

Графъ.

Да за кого же вы меня принимаете, позвольте васъ спросить? Неужели же вы думаете, что я не дорожу вашей довѣренностью, не умѣю цѣнить ее? Но вы клевете на себя. Не можетъ быть, я не хочу вѣрить, чтобъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованьемъ, остались незамѣченною здѣсь...

Дарья Ивановна.

Совершенно, графъ, увѣряю васъ. И я объ этомъ нисколько не тужу. Послушайте: я горда. Это только у меня и осталось отъ моего прошедшаго. Я не желаю нравиться людямъ, которые мнѣ самой не нравятся... Притомъ, мы бѣдны, зависимъ отъ другихъ; все это мѣшаетъ сближенью—такому сближенью, которое бы меня не оскорбляло. Такое сближеніе невозможно... Я и предпочла одиночество. Притомъ, мнѣ одиночество не страшно—я читаю, занимаюсь; къ счастью, я нашла въ мужѣ честнаго человѣка...

Графъ.

Да, это тотчасъ видно.

Дарья Ивановна.

Мой мужъ, конечно, не безъ странностей... Я вамъ говорю это такъ смѣло потому, что вы, съ вашимъ проницательнымъ взглядомъ, не могли ихъ не замѣтить—но онъ прекрасный человѣкъ. И я бы ни на что не жаловалась, я бы всѣмъ была довольна, если бѣ...

Графъ.

Если бѣ что?

Дарья Ивановна.

Если бѣ... иногда... иныя непредвидѣнныя... случайности не возмущали моего спокойствія.

Графъ.

Я не смѣю понимать васъ, Дарья Ивановна... Какія случайности? Вы сперва говорили о воспоминаніяхъ...

Дарья Ивановна (*прямо и невинно глядя въ глаза графу*).

Послушайте, графъ; я съ вами хитрить не стану. Я вообще хитрить не умѣю, а съ вами это было бы, просто, смѣшно. Неужели вы думаете, что для женщины ничего не значить увидѣть человѣка, котораго она знала въ молодости, знала совершенно въ другомъ мірѣ, въ другихъ отношеніяхъ — и увидать его, какъ я вижу теперь васъ... (*Графъ украдкой поправляетъ волосы.*) Говорить съ нимъ, вспоминать о прошломъ...

Графъ (*перебивая ее*).

А вы развѣ тоже думаете, что ничего не значить для мужчины, котораго судьба, такъ сказать, бросала во всѣ концы міра—что ничего ему не значить встрѣтить женщину, подобную вамъ, сохранившую всю... всю эту прелесть молодости, этотъ... этотъ умъ, эту любезность—*cette grâce*?

Дарья Ивановна (*съ улыбкой*).

А между тѣмъ, эта женщина едва-едва уговорила этого мужчину остаться у ней обѣдать!

Графъ.

Ахъ, вы злопамятны! Но, нѣтъ, скажите, какъ вы думаете—это для него ничего не значить?

Дарья Ивановна.

Я этого не думаю. Вотъ, видите ли, какъ я съ вами откровенна. Всегда пріятно вспомнить про свою молодость, особенно, когда въ ней нѣтъ ничего такого, что могло бы служить упрекомъ.

Графъ.

Ну, и скажите, что отвѣтитъ эта женщина этому мужчине, если онъ, этотъ мужчина, увѣритъ ее, что никогда, никогда не забывалъ ея, что свиданіе съ ней, такъ сказать, сердечно его тронуло.

Дарья Ивановна.

Что она отвѣтитъ?

Графъ.

Да, да, что она отвѣтитъ?

Дарья Ивановна.

Она ему отвѣтитъ, что сама тронута его ласковыми словами и (*протягивая ему руку*) предложить ему руку на возобновленіе старинной, искренней дружбы.

Графъ (*схватывая ея руку*).

Vous êtes charmante. (*Хочетъ поцѣловать у ней руку. но Дарья Ивановна принимаетъ ее.*) Вы милы, вы чрезвычайно милы!

Дарья Ивановна (*встаетъ съ веселымъ видомъ*).

Ахъ, какъ я рада! какъ я рада! Я такъ боялась, что вы не захотите вспомнить обо мнѣ, что вамъ будетъ неловко, непріятно у насъ, что вы даже найдете насъ невѣжливыми...

Графъ (*сидя, слѣдитъ за ней глазами*).

Скажите, Дарья Ивановна...

Дарья Ивановна (*слегка къ нему оборачиваясь*).

Что?

Графъ.

Вы отсовѣтовали Алексѣю Иванычу придти ко мнѣ? (*Дарья Ивановна лукаво киваетъ головой.*) — Вы? (*Вставая.*) Увѣряю васъ честью, что вы въ этомъ раскаиваться не будете.

Дарья Ивановна.

Еще бы! я васъ увидала.

Графъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ говорю.

Дарья Ивановна (*невинно*).

Не въ томъ? въ какомъ же?

Графъ.

А въ томъ, что вамъ грѣшно оставаться здѣсь. Я этого не потерплю. Я не потерплю, чтобъ такая жемчужина пропадала въ глуши... Я вамъ—я вашему мужу доставлю мѣсто въ Петербургѣ.

Дарья Ивановна.

Полноте!

Графъ.

Вы увидите.

Дарья Ивановна.

Да полноте, говорятъ вамъ.

Графъ.

Вы, можетъ-быть, думаете, Дарья Ивановна, что у меня для этого нѣтъ довольно... э... э... (*Онъ ищетъ слова*) influence?..

Дарья Ивановна.

Oh, j'en suis parfaitement persuadée!

Графъ.

Tiens! (*У него это выраженіе вырвалось невольно.*)

Дарья Ивановна (*смѣясь*).

Вы, графъ, кажется, сказали: tiens! Неужели вы воображали, что я забыла по-французски?

Графъ.

Нѣтъ, я этого не воображалъ... mais quel accent!

Дарья Ивановна.

О, полноте!..

Графъ.

А мѣсто, все-таки, я вамъ обѣщаю.

Дарья Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ? не шутя?

Графъ.

Не шутя, не шутя, вовсе не шутя.

Дарья Ивановна.

Ну, тѣмъ лучше. Алексѣй Ивановичъ вамъ будетъ очень, очень благодаренъ. (*Помолчавъ.*) Только вы, пожалуйста, не подумайте...

Графъ.

Чего?

Дарья Ивановна.

Нѣтъ, ничего. Эта мысль не могла придти въ вашу голову, и потому ей не слѣдовало приходить въ мою. Такъ мы, можетъ-быть, будемъ въ Петербургѣ? Ахъ, какое счастье! Какъ Алексѣй Ивановичъ будетъ радъ!

Графъ.

Вѣдь мы часто будемъ видѣться, не правда ли? Я гляжу

на васъ, на ваши глаза, на ваши локоны—и мнѣ, право, кажется, что вамъ шестнадцать лѣтъ, и что мы, попрежнему, гуляемъ съ вами въ саду, sous ces magnifiques tilleuls... Ваша улыбка нисколько не измѣнилась, вашъ смѣхъ такъ же звонокъ, такъ же пріятенъ, aussi jeune qu'alors...

Дарья Ивановна.

А почему вы это знаете?

Графъ.

Какъ почему? Развѣ я не помню?

Дарья Ивановна.

Я тогда не смѣялась... Мнѣ было не до смѣху. Я была грустна, задумчива, молчалива—развѣ вы забыли?..

Графъ.

Все же иногда...

Дарья Ивановна.

Вамъ бы менѣ всякаго другого слѣдовало это позабыть, monsieur le comte. Ахъ, какъ мы были молоды тогда... особенно я!.. Вы—вы уже пріѣхали къ намъ блестящимъ молодымъ офицеромъ. Помните, какъ ваша матушка вамъ обрадовалась, какъ не могла наглядѣться на васъ... Помните, какъ вы даже вашей старой тетускѣ, княжнѣ Лизѣ, вскружили голову... (Помолчавъ.) Нѣтъ, я не смѣялась тогда.

Графъ.

Vous êtes adorable... plus adorable que jamais.

Дарья Ивановна.

En vérité? Что значить воспоминанье! Вы мнѣ тогда этого не говорили.

Графъ.

Я? я, который...

Дарья Ивановна.

Ну, полноте. А не то, я могу подумать, что вы собираетесь мнѣ дѣлать комплименты; это не годится между старыми друзьями.

Графъ.

Я? вамъ комплименты?

Дарья Ивановна.

Да, вы. Не думаете ли вы, что вы много перемѣнились

съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ? Впрочемъ, давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Скажите мнѣ лучше, что вы дѣлаете, какъ вы живете въ Петербургѣ—все это меня такъ интересуется... Вѣдь вы продолжаете заниматься музыкой, не правда ли?

Графъ.

Да, между дѣломъ, знаете.

Дарья Ивановна.

Что, у васъ такой же прекрасный голосъ?

Графъ.

Прекраснаго голоса у меня никогда не было, но я еще пою.

Дарья Ивановна.

Ахъ, я помню, у васъ былъ чудесный голосъ, такой симпатичный... Вѣдь вы, кажется, тоже композировали?

Графъ.

Я и теперь занимаюсь иногда композиціей.

Дарья Ивановна.

Въ какомъ родѣ?

Графъ.

Въ итальянскомъ. Я другого не признаю. Pour moi—je fais peu; mais ce que je fais est bien. Кстати, вѣдь и вы занимались музыкой. Вы, помнится, сами очень мило пѣли, очень хорошо на фортепіанахъ играли. Я надѣюсь, вы всего этого не бросили?

Дарья Ивановна (*указывая на фортепіано и на лежащія на немъ ноты*).

Вотъ мой отвѣтъ.

Графъ.

А! (*Подходитъ къ фортепіано*).

Дарья Ивановна.

Но, къ сожалѣнію, фортепіано мое очень плохо; за то, по крайней мѣрѣ, вѣрно. Оно дребезжитъ, но отъ него не дѣлается тоски.

Графъ (*беретъ два-три аккорда*).

Звукъ не дуренъ. Ахъ, кстати—какая мысль! Вѣдь вы разбираете à livre ouvert?

Дарья Ивановна.

Если не слишкомъ трудно, разбираю.

Графъ.

О! это нисколько не трудно. У меня здѣсь небольшая вещь, une bagatelle que j'ai composée, дуэтино изъ моей оперы для тенора и сопрано. Я—вы, можетъ-быть, слыхали, я пишу оперу—для забавы, знаете ли... sans aucune prétention.

Дарья Ивановна.

Неужели?

Графъ.

Такъ вотъ, если вы позволите, я пошлю за этимъ дуэтино, или, лучше, нѣтъ, я самъ схожу за нимъ. Мы его разберемъ съ вами—хотите?

Дарья Ивановна.

А оно у васъ здѣсь?

Графъ.

Здѣсь, на квартирѣ.

Дарья Ивановна.

Ахъ, ради Бога, графъ, принесите его поскорѣй. Боже мой, какъ я вамъ благодарна! Пожалуйста, ступайте за нимъ.

Графъ (*беретъ шляпу*).

Сейчасъ, сейчасъ. Vous verrez, cela n'est pas mal. Я надѣюсь, что эта бездѣлка вамъ понравится.

Дарья Ивановна.

Можетъ ли быть иначе? Только я напередъ прошу вашего снисхожденія.

Графъ.

О, помилуйте! напротивъ, я... (*Уходя, въ дверяхъ*). А! такъ вамъ не до смѣху было тогда!

Дарья Ивановна.

Вы, кажется, надо мной теперь смѣетесь... А я бы могла вамъ показать одну вещь...

Графъ.

Что такое? что такое?

Дарья Ивановна.

Которая у меня хранится... Я бы посмотрѣла, узнали ли бы вы ее.

Графъ.

Да о чемъ вы говорите?

Дарья Ивановна.

Я ужъ знаю, о чемъ. Ступайте теперь принесите ваше дуэтино, а потомъ мы увидимъ.

Графъ.

Vous êtes un ange. Я сейчасъ вернусь. Vous êtes un ange!
(Дѣлаетъ ей ручкой и исчезаетъ въ переднюю).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна одна.

Дарья Ивановна (*глядитъ ему вслѣдъ и, послѣ небольшого молчанія, восклицаетъ*).

Побѣда! побѣда!.. Неужели? И такъ скоро, такъ неожиданно! А! je suis un ange—je suis adorable! Стало-быть, я еще не совсѣмъ заржавѣла здѣсь. Я еще могу нравиться даже такимъ людямъ, какъ онъ (*улыбаясь*), какъ онъ... О, милый мой графъ! я не могу скрыть, что вы довольно смѣшны и очень устарѣли. И онъ не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда 28 лѣтъ вмѣсто 39... какъ я, однако, спокойно солгала. Ступайте за вашимъ дуэтино, какъ вы говорите. Мы можете быть напередъ увѣрены, что я найду его прелестнымъ. (*Останавливается передъ зеркаломъ, глядится и проводитъ обѣими руками по своей талии*). Мое бѣдное, деревенское платьице, я скоро разстанусь съ тобой, прощай! Не даромъ я сама хлопотала надъ тобой, не даромъ я для тебя выпросила картинку у нашей городничихи. Ты мнѣ сослужило службу. Я тебя никогда не брошу; но въ Петербургъ ужъ я тебя надѣвать не стану. (*Охорашиваясь*). Мнѣ кажется, на этихъ плечахъ не стыдно лежать и бархату..

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна. Дверь изъ передней слегка растворяется и выказывается голова Миши. Онъ глядитъ нѣкоторое время на Дарью Ивановну и, не входя въ комнату, говоритъ вполголоса: „Дарья Ивановна!..“

Дарья Ивановна (*быстро оглядывается*).

А это вы, Миша! Что вамъ? Мнѣ теперь некогда...

Миша.

Я знаю, знаю... я не войду-съ; я только желалъ васъ предупредить, что Алексѣй Ивановичъ сейчасъ придутъ.

Дарья Ивановна.

Зачѣмъ же вы съ нимъ не пошли гулять?

Миша.

Я гулялъ-съ съ нимъ, Дарья Ивановна; но они мнѣ сказали-съ, что желаютъ идти на службу; я не могъ ихъ удержать-съ.

Дарья Ивановна.

Ну, онъ отправился на службу?

Миша.

Они, точно, вошли въ присутствіе, но черезъ короткое время изволили выйти-съ.

Дарья Ивановна.

А вы почему знаете, что онъ вышелъ?

Миша.

А я изъ-за угла глядѣлъ-съ. (*Прислушивается*). Вотъ, они, кажется, сюда идутъ-съ. (*Скрывается и черезъ минуту показывается опять*). Вѣдь вы меня не забудете-съ?

Дарья Ивановна.

Нѣтъ, нѣтъ.

Миша.

Слушаю-съ. (*Исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна; немного погодя, Алексѣй Ивановичъ.

Дарья Ивановна.

Неужели Алексѣй Ивановичъ вздумалъ ревновать? Вотъ кстати, нечего сказать! (*Она садится. Изъ двери передней выходитъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ въ смущеніи. Дарья Ивановна оглядывается*). А, это ты, Alexis?

Ступендьевъ.

Я, я, душа моя, я. А развѣ графъ ушелъ?

Дарья Ивановна.

Я думала, что ты на службѣ

Ступендеевъ.

Я и то заходилъ въ присутствіе, сказать, знаешь, чтобъ меня не ждали. Да и какъ же бы я могъ сегодня? У насъ такой почетный гость... Да куда жъ это онъ ушелъ?

Дарья Ивановна (*встаетъ*).

Послушайте, Алексѣй Ивановичъ, хотите вы получить хорошее мѣсто, съ хорошимъ жалованьемъ, въ Петербургъ?

Ступендеевъ.

Я? Еще бы!

Дарья Ивановна.

Хотите?

Ступендеевъ.

Конечно... Какой вопросъ!

Дарья Ивановна.

Такъ оставьте меня одну.

Ступендеевъ.

То-есть, какъ одну?

Дарья Ивановна.

Одну съ графомъ. Онъ сейчасъ придетъ. Онъ пошелъ на свою квартиру за дуэтино.

Ступендеевъ.

За дуэтино?

Дарья Ивановна.

Да, за дуэтино. Онъ сочинилъ дуэть. Мы хотимъ его вмѣстѣ разобрать.

Ступендеевъ.

Отчего же я долженъ уйти?... Я бы тоже хотѣлъ послушать...

Дарья Ивановна.

Ахъ, Алексѣй Ивановичъ! Вы знаете, всѣ авторы ужасно робки, и третье лицо—для нихъ, просто, бѣда.

Ступендеевъ.

Для авторовъ? Г-мъ... Да, третье лицо... Но я, право, не знаю, прилично ли это будетъ... Какъ же это я уйду изъ дому?... Графъ, наконецъ, можетъ обидѣться.

Дарья Ивановна.

Нисколько, — увѣряю тебя. Онъ знаетъ, что ты чело-
вѣкъ занятой, служащій; притомъ же, ты къ обѣду вер-
нешься.

Ступендьевъ.

Къ обѣду? Да.

Дарья Ивановна.

Въ три часа.

Ступендьевъ.

Въ три часа. Г-мъ! Да... Я совершенно съ тобою согла-
сенъ. Къ обѣду. Да, въ три часа. (*Вертится на мѣстѣ*).

Дарья Ивановна (*подождавъ*).

Ну, что же ты?

Ступендьевъ.

Я не знаю... У меня что-то, словно этакъ, голова бо-
леть. Вотъ эта, лѣвая сторона.

Дарья Ивановна.

Неужели? Лѣвая сторона?

Ступендьевъ.

Ей-Богу. Вотъ, вотъ, вся эта сторона: я не знаю... мнѣ,
кажется, лучше дома остаться.

Дарья Ивановна.

Послушай, мой другъ, ты ревнуешь меня къ графу, это
ясно.

Ступендьевъ.

Я? Съ чего ты это взяла? Это было бы слишкомъ глупо...

Дарья Ивановна.

Конечно, это было бы очень глупо, въ этомъ нѣтъ ни-
какого сомнѣнiя; но ты ревнуешь.

Ступендьевъ.

Я?

Дарья Ивановна.

Ты ревнуешь меня къ челоуѣку, который красить себѣ
волосы.

Ступендьевъ.

Графъ себѣ красить волосы? Такъ что жъ! Я ношу
парикъ.

Дарья Ивановна.

И то правда; а потому, такъ какъ мнѣ твое спокойствіе дороже всего, пожалуй, оставайся... Но ужъ не думай о Петербургѣ.

Ступендьевъ.

Да отчего же? развѣ это мѣсто въ Петербургѣ... развѣ оно зависитъ отъ моего отсутствія?

Дарья Ивановна.

Именно.

Ступендьевъ.

Гмъ! Странно. Я, конечно, согласенъ съ тобой; но, все-таки, это странно, согласись и ты.

Дарья Ивановна.

Можетъ-быть.

Ступендьевъ.

Какъ это странно... какъ это странно! (*Расхаживаетъ по комнатѣ*). Гмъ!

Дарья Ивановна.

Но, во всякомъ случаѣ, рѣшайся скорѣе... Графъ сейчасъ долженъ вернуться.

Ступендьевъ.

Какъ это странно! (*Помолчавъ*). Знаешь ли что, Даша, я останусь.

Дарья Ивановна.

Какъ тебѣ угодно.

Ступендьевъ.

Да развѣ графъ тебѣ говорилъ что-нибудь объ этомъ мѣстѣ?

Дарья Ивановна.

Я ничего не могу прибавить къ тому, что я тебѣ уже сказала. Оставайся или уходи; какъ хочешь.

Ступендьевъ.

И хорошее мѣсто?

Дарья Ивановна.

Хорошее.

Ступендьевъ.

Я совершенно съ тобою согласенъ. Я... я остаюсь... я рѣшительно остаюсь, Даша. (*Въ передней раздается го-*

лосъ графа, который дѣлаетъ руладу). Вотъ онъ. (Послѣ небольшого колебанья). Въ три часа! Прощай! (Бѣжитъ въ кабинетъ).

Дарья Ивановна.

Слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Дарья Ивановна и графъ; у него въ рукахъ свертокъ.

Дарья Ивановна.

Наконецъ, я васъ дождалась, графъ.

Графъ.

Me voilà, me voilà, ma toute belle. Я немножко замѣшкался.

Дарья Ивановна.

Покажите, покажите... Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я нетерпѣніи. (Беретъ у него свертокъ изъ рукъ и съ жадностью его разсматриваетъ).

Графъ.

Вы, пожалуйста, не ожидайте чего-нибудь этакого, слишкомъ необыкновеннаго. Вѣдь я вамъ напередъ сказалъ, что это бездѣлка, суцая бездѣлка.

Дарья Ивановна (не сводя глазъ съ нотъ).

Напротивъ, напротивъ... Oh! mais c'est charmant! Ахъ, какъ этотъ переходъ милъ! (Указывая пальцемъ на одно мѣсто). Ахъ, я влюблена въ этотъ переходъ...

Графъ (съ скромной усмѣшкой).

Да, онъ не совсѣмъ обыкновенный.

Дарья Ивановна.

И эта rentrée!

Графъ.

А! она вамъ нравится?

Дарья Ивановна.

Очень, очень мило! Ну, пойдемте, пойдемте; что время терять! (Идетъ къ фортепіано, садится, поднимаетъ ноты и кладетъ ноты... Графъ становится за ея стуломъ).

Дарья Ивановна.

Это—*andante*?

Графъ.

Andante, andante amoroso quasi cantando. (*Откашливается*). Г-мъ, г-мъ! Я сегодня не въ голосъ... Но вы извините... Une voix de compositeur, vous savez.

Дарья Ивановна.

Извѣстная отговорка. Что жъ мнѣ, бѣдной, сказать послѣ этого? Я начинаю. (*Она играетъ ритурнель*). Вотъ это трудно.

Графъ.

Не для васъ.

Дарья Ивановна.

А слова очень милы.

Графъ.

Да... я ихъ нашелъ, кажется, dans Metastase... я не знаю, четко ли они написаны. (*Указывая пальцемъ*). Это онъ ей поетъ:

La dolce tua immagine
O, vergine amata
Dell' alma inamorata...

Да вотъ, позвольте, слушайте. (*Поетъ романсъ въ итальянскомъ вкусъ; Дарья Ивановна аккомпанируетъ ему*).

Дарья Ивановна.

Прекрасно, прекрасно... Oh, que c'est joli!

Графъ.

Вы находите?

Дарья Ивановна.

Удивительно, удивительно!

Графъ.

Я еще не такъ это спѣлъ, какъ бы слѣдовало. Но какъ вы мнѣ аккомпанировали, Боже мой! Я васъ увѣряю, никто, никто мнѣ такъ не аккомпанировалъ... никто!

Дарья Ивановна.

Вы мнѣ льстите.

Графъ.

Я? это не въ моемъ характерѣ, Дарья Ивановна. Вѣрьте мнѣ, c'est moi qui le dis. Вы—великая музыкантша.

Дарья Ивановна (*словно все еще погруженная въ созерцаніе нотъ*).

Какъ этотъ пассажъ мнѣ правится! Какъ это ново!

Графъ.

Не правда ли?

Дарья Ивановна.

И неужели вся опера такъ же хороша?

Графъ.

Вы знаете, въ этомъ дѣлѣ авторъ не судья; но мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, остальное не хуже, если не лучше.

Дарья Ивановна.

Боже мой! Неужели вы мнѣ не сыграете что-нибудь изъ этой оперы?

Графъ.

Я былъ бы слишкомъ радъ и счастливъ исполнить вашу просьбу, Дарья Ивановна, но, къ сожалѣнію, я не играю на фортепіано и ничего не взялъ съ собой.

Дарья Ивановна.

Какъ жаль! (*Вставая*). До другого раза. Вѣдь я надѣюсь, графъ, что вы побываете къ намъ передъ вашимъ отъѣздомъ?

Графъ.

Я? я, если вы позволите, готовъ къ вамъ ѣздить каждый день. Что жъ касается до моего обѣщанія, то ужъ на этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны.

Дарья Ивановна (*невинно*).

Какого обѣщанія?

Графъ.

Я вашему мужу доставлю мѣсто въ Петербургѣ, ручаюсь вамъ честнымъ словомъ. Вамъ нельзя здѣсь оставаться. Помилуйте, это было бы, просто, срамъ! Vous n'êtes pas faites, чтобы этакъ... pour végéter ici. Вы должны быть однимъ изъ блестящихъ украшеній нашего общества, и я хочу... я буду гордиться тѣмъ, что я первый... Но вы, кажется, задумались... о чемъ, смѣю спросить?

Дарья Ивановна (*напѣвая, будто про себя*).

La dolce tua immagine...

Графъ.

А! я зналъ, я зналъ, что эта фраза останется у васъ въ памяти... Вообще все, что я дѣлаю, est très chantant.

Дарья Ивановна.

Эта фраза чрезвычайно мила. Но извините, графъ... я и не слыхала, что вы мнѣ говорили... по милости вашей музыки.

Графъ.

Я вамъ говорилъ, Дарья Ивановна, что вамъ непременно нужно переѣхать въ Петербургъ—во-первыхъ, для васъ и для вашего мужа, а во-вторыхъ, и для меня. Я осмѣливаюсь упомянуть о себѣ, потому что... потому что наша старинная, можно сказать, связь даетъ мнѣ нѣкоторое право на это. Я никогда не забывалъ васъ, Дарья Ивановна, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь могу васъ увѣрить, что я искренно вамъ преданъ... что эта встрѣча съ вами...

Дарья Ивановна (*печально*).

Графъ, къ чему вы это говорите?

Графъ.

Почему жъ мнѣ не говорить того, что я чувствую?

Дарья Ивановна.

Потому, что вамъ не слѣдовало бы возбуждать во мнѣ...

Графъ.

Что возбуждать... что возбуждать? говорите...

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Ступендѣевъ показывается въ дверяхъ кабинета.

Дарья Ивановна.

Напрасныя ожиданія.

Графъ.

Почему жъ напрасныя? И какія ожиданья?

Дарья Ивановна.

Почему? Я постараюсь быть откровенной съ вами, Валерьянъ Николаичъ.

Графъ.

Вы помните мое имя!

Дарья Ивановна.

Вотъ, видите ли, здѣсь... вы обратили на меня... нѣкоторое вниманіе, а въ Петербургѣ, я, можетъ-быть, пока-

жусь вамъ такою незначительною, что вы, пожалуй, будете сожалѣть о томъ, что теперь намѣрены сдѣлать для насъ.

Графъ.

О, что вы говорите, помилуйте! Вы себѣ не знаете цѣны. Но развѣ вы не понимаете... *mais vous êtes une femme charmante...* Сожалѣть о томъ, что я сдѣлаю для васъ, Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна (*увидавъ Ступендьева*).

Для моего мужа, вы хотите сказать.

Графъ.

Ну, да, да, для вашего мужа. Сожалѣть... Нѣтъ, вы еще не знаете настоящихъ моихъ чувствъ... я тоже хочу быть откровеннымъ съ вами... въ свою очередь.

Дарья Ивановна (*въ смущенъи*).

Графъ...

Графъ.

Вы не знаете моихъ настоящихъ чувствъ, говорю вамъ: вы ихъ не знаете.

Ступендьевъ (*быстро входитъ въ комнату, приближается къ графу, который стоитъ къ нему спиной, и кланяется*).

Ваше сіятельство, ваше сіятельство!..

Графъ.

Вы не знаете чувствъ моихъ, Дарья Ивановна.

Ступендьевъ (*кричитъ*).

Ваше сіятельство, ваше сіятельство...

Графъ (*быстро оборачивается, глядитъ на него нѣкоторое время и спокойно говоритъ*).

А, это вы, Алексѣй Ивановичъ? Откуда вы явились?

Ступендьевъ.

Изъ кабинета... изъ кабинета, ваше сіятельство. Я былъ тутъ, въ кабинетѣ, ваше сіятельство...

Графъ.

Я думалъ, что вы на службѣ. А мы здѣсь съ вашей супругой занимались музыкой. Господинъ Ступендьевъ, вы счастливѣйшій человѣкъ! Я вамъ это говорю такъ просто, безъ обиняковъ, потому, что я вашу жену знаю съ дѣтства.

Ступендеевъ.

Вы слишкомъ добры, ваше сіятельство.

Графъ.

Да, да... Вы счастливый человѣкъ!

Дарья Ивановна.

Другъ мой, ты можешь благодарить графа.

Графъ (*быстро перерывая*).

Permettez... Je le lui dirai moi-même... plus tard...
quand nous serons plus d'accord. (*Громко къ Ступендееву*).
Вы счастливый человѣкъ! Любите вы музыку?

Ступендеевъ.

Какъ же, ваше сіятельство. Я...

Графъ (*обращаясь къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Кстати... вы мнѣ хотѣли что-то показать, вы забыли?

Дарья Ивановна.

Я?

Графъ.

Да... вы... Vous avez déjà oublié?

Дарья Ивановна (*быстро вполголоса*).

Il est jaloux et il comprend le français. Ахъ, да, точно...
Я теперь вспомнила; я хотѣла вамъ... я хотѣла вамъ по-
казать нашъ садъ; до обѣда еще есть время.

Графъ.

А! (*Помолчавъ*). А! у васъ есть садъ?

Дарья Ивановна.

Небольшой, но въ немъ довольно цвѣтовъ.

Графъ.

Да, да, я помню; вы всегда были до нихъ большая
охотница. Покажите, покажите мнѣ вашъ садъ, сдѣлайте
одолженіе. (*Идетъ къ фортепіано за шляпой*).

Ступендеевъ (*вполголоса, подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Что жъ это... что жъ это... что жъ это значитъ—а?

Дарья Ивановна (*вполголоса*).

Въ три часа, или безъ мѣста. (*Отходитъ отъ него и
беретъ со стола зонтикъ*).

Графъ (*возвращаясь*).

Дайте мнѣ вашу руку. (*Вполголоса*). Я васъ понимаю.

Дарья Ивановна (*глядя на него съ едва замѣтной усмѣшкой*).

Вы думаете?

Ступендеевъ (*словно просытаясь*).

Да, позвольте, позвольте... И я съ вами пойду.

Дарья Ивановна (*останавливается и оглядывается*).

И ты хочешь идти, топ ами? Ступай, ступай съ нами, ступай. (*Они съ графомъ направляются къ двери сада*).

Ступендеевъ.

Да... я... я пойду. (*Схватываетъ шляпу и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Дарья Ивановна.

Ступай, ступай... (*Она уходитъ съ графомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Ступендеевъ (*дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, комкаетъ шляпу и бросаетъ ее на полъ*).

Да, чертъ возьми, я остаюсь! остаюсь! не пойду! (*Ходитъ по комнатѣ*). Я человѣкъ рѣшительный, я не люблю полумѣрь. Я хочу видѣть, докуда... я хочу все это вынести до конца. Я хочу убѣдиться собственными глазами. Вотъ, что я хочу... Вѣдь, это, наконецъ, неслыханное дѣло!—Ну, положимъ, она знала его въ дѣтствѣ; ну, положимъ, она образованная женщина, очень, очень образованная женщина—да какая же нужда меня-то дурачить? Оттого, что я не получилъ воспитанія? Во-первыхъ, это не моя вина. Говорить тамъ о мѣстѣ въ Петербургѣ—ну, что за вздоръ? ну, можно ли этому повѣрить? Какъ бы не такъ! Графъ этотъ сейчасъ дастъ мнѣ мѣсто! Да и, наконецъ, самъ-то онъ развѣ такая важная птица—дѣла его совершенно плохи... Ну, положимъ, онъ тамъ какъ-нибудь мнѣ, точно, доставитъ мѣсто; да зачѣмъ все такъ съ нимъ, тетъ-анъ-тетъ, цѣлый день?.. Вѣдь это неприлично! Ну, общалъ—и конецъ. Въ три часа... Еще говорить, въ три часа (*глядитъ на часы*), а теперь всего четверть третьяго! (*Останавливается*). А пойду-ка я въ садъ! (*Взглядываетъ*). Вишь, не видать ихъ. (*Поднимаетъ шляпу и расправляетъ ее*). Пойду, ей-Богу, пойду. Сама же,

сама мнѣ (*передразнивая жену*): ступай, мон-ами, ступай! (*Помолчавъ*). Да, какъ бы не такъ, пойдешь! Нѣтъ, братъ, знаю я тебя... куда тебѣ пойти! Пойдешь, какъ же, сейчасъ! Э! (*Съ досадой опять швыряетъ шляпу на полъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Ступендѣевъ и Миша выходятъ изъ передней.

Миша (*подходя къ Ступендѣеву*).

Что съ вами, Алексѣй Ивановичъ? вы какъ будто не совсѣмъ въ своей тарелкѣ-съ? (*Поднимаетъ шляпу, расправляетъ ее и ставитъ на столъ*). Что съ вами-съ?

Ступендѣевъ.

Отстань, братъ, пожалуйста. Не надоѣдай хоть ты, по крайней мѣрѣ.

Миша.

Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, не извольте такъ выражаться; неужели я васъ чѣмъ-нибудь обезпокоилъ-съ?

Ступендѣевъ (*помолчавъ*).

Не ты меня безпокоишь, а (*показываетъ рукой въ направлении къ саду*) вотъ кто!

Миша (*шлянувъ въ дверь, невиннымъ голосомъ*).

Кто же такое, смѣю спросить?

Ступендѣевъ.

Кто?... онъ...

Миша.

Кто онъ-съ?

Ступендѣевъ.

Какъ будто ты не знаешь! Этотъ пріѣзжій графъ.

Миша.

Какимъ же манеромъ могъ онъ васъ безпокоить-съ?

Ступендѣевъ.

Какимъ манеромъ!.. Онъ, вотъ, съ утра отъ Дарьи Ивановны не отходитъ, поетъ съ ней, гуляетъ... Что ты думаешь... это... это пріятно? пріятно это—а? для мужа, то-есть.

Миша.

Для мужа ничего-съ.

Ступендеевъ.

Какъ ничего? Развѣ ты не слышишь: гуляетъ съ ней, поетъ?

Миша.

Только-то-съ?.. Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, какъ вамъ не грѣшно, этакъ, того-съ... беспокоиться? Вѣдь это все, такъ сказать, для вашего блага дѣлается. Графъ, человѣкъ важный, съ вліяніемъ, зналъ Дарью Ивановну съ дѣтства—какъ же этимъ не воспользоваться, помилуйте-съ? Да послѣ этого намъ бы, просто, стыдно было показаться на глаза всякому благомыслящему человѣку. Я чувствую, что выраженія мои сильны, слишкомъ сильны, но мое усердіе къ вамъ...

Ступендеевъ.

Убирайся ты съ твоимъ усердіемъ! (*Садится и отворачивается*).

Миша.

Алексѣй Ивановичъ... (*Помолчавъ*). Алексѣй Ивановичъ!

Ступендеевъ (*не перемѣняя положенія*).

Ну, что тебѣ?

Миша.

Что вы изволите такъ сидѣть? Пойдемте лучше гулять.

Ступендеевъ.

Не хочу я гулять.

Миша.

Пойдемте-съ... Ей-Богу, пойдемте-съ.

Ступендеевъ (*быстро оборачиваясь и скрепя руки*).

Да что тебѣ надобно, наконецъ, а?.. Что ты отъ меня сегодня ни на шагъ не отходишь съ утра? Что тебя ко мнѣ приставили, какъ няньку, что ли?

Миша (*опуская глаза*).

Точно, приставили-съ.

Ступендеевъ (*вставая*).

Кто, смѣю спросить?

Миша.

Для вашего же блага-съ, Алексѣй Ивановичъ.

Ступендеевъ..

Позвольте узнать, милостивый государь, кто васъ ко мнѣ приставилъ?

Миша (*съ нѣкоторымъ стenanъемъ*).

Только выслушайте меня, Алексѣй Ивановичъ, ради Бога. Два слова, Алексѣй Ивановичъ, два слова... я не могу вамъ, этакъ, подробно объяснить. Кажется, вотъ, дождичекъ идти собирается... они сейчасъ придутъ...

Ступендеевъ.

Дождикъ собирается идти, а ты меня зовешь гулять!

Миша.

Да мы можемъ, этакъ не по улицѣ... Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, не тревожьтесь... Чего вы можете бояться? Вѣдь мы тутъ, вѣдь мы наблюдаемъ-сь... вѣдь, кажется, это все вещь такая извѣстная-сь... Вы, вотъ, въ три часа вернетесь...

Ступендеевъ.

Да изъ чего ты-то хлопочешь? Что она тебѣ такое говорила?..

Миша.

Онѣ мнѣ ничего, этакъ собственно не говорили-сь... а такъ-сь... Помилуйте, вѣдь вы оба мои благодѣтели. Вы мой благодѣтель, а Дарья Ивановна моя благодѣтельница; притомъ же, онѣ мнѣ и родственница. Какъ же мнѣ не радѣть... (*Беретъ его подъ руку*).

Ступендеевъ.

Я остаюсь, говорятъ! Мое мѣсто здѣсь! Я здѣсь хозяинъ... Здѣсь! мое мѣсто! Я разрушу ихъ замыселъ!

Миша.

Конечно, вы хозяинъ-сь; да вѣдь, коли я вамъ говорю, что мнѣ все извѣстно...

Ступендеевъ.

Такъ что жъ? Ты думаешь, она тебя не проведетъ? Не бойсь, ты, братъ, еще молодъ и глупъ. Ты еще женщинъ не знаешь...

Миша.

Гдѣ мнѣ ихъ знать-сь... Только вотъ-сь...

Ступендеевъ.

Я здѣсь графа засталъ и своими собственными ушами слышалъ, какъ онъ приставаля: вы, молъ, сударыня, не знаете моихъ чувствій; я, молъ, ихъ вамъ открою, мои чувствія... а ты зовешь меня гулять...

Миша (*тоскливо*).

Кажется, дождикъ накрапываетъ... Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ!

Ступендеевъ.

Вѣдь вишь, присталъ! (*Помолчавъ*). А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, накрапываетъ!

Миша.

Они сюда идутъ, они сюда идутъ... (*Опять беретъ его подъ руку*).

Ступендеевъ (*упираясь*).

Да нѣтъ же, говорятъ! (*Помолчавъ*). Ну, а впрочемъ, чортъ возьми, пойдемъ!

Миша.

Позвольте, я шляпу, шляпу...

Ступендеевъ.

Гдѣ тутъ шляпу! брось! (*Оба убѣгаютъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Дарья Ивановна и графъ входятъ изъ сада.

Графъ.

Charmant, charmant.

Дарья Ивановна.

Вы находите?

Графъ.

Вашъ садъ чрезвычайно милъ, какъ и все здѣсь. (*Помолчавъ*). Дарья Ивановна, я признаюсь... я всего этого не ожидалъ; я въ очарованьи, я въ очарованьи...

Дарья Ивановна.

Чего вы не ожидали, графъ?

Графъ.

Вы меня понимаете. Но когда вы мнѣ покажете это письмо?

Дарья Ивановна.

Зачѣмъ оно вамъ?..

Графъ.

Какъ зачѣмъ?.. Я бы желалъ знать, такъ же ли я чувствовалъ въ то время, въ то прекрасное время, когда мы были такъ молоды оба...

Дарья Ивановна.

Графъ, намъ, я думаю, лучше не касаться до того времени.

Графъ.

Да почему же? Развѣ вы, Дарья Ивановна, развѣ вы не видите, какое вы произвели на меня впечатлѣніе!..

Дарья Ивановна (*съ смущеніемъ*).

Графъ...

Графъ.

Нѣтъ, выслушайте меня... Я вамъ правду скажу... Когда я пришелъ сюда, когда я васъ увидѣлъ, я, признаюсь, подумалъ—извините меня, пожалуйста—я подумалъ, что вы желали только возобновить знакомство со мной...

Дарья Ивановна (*поднимая глаза*).

И вы не ошиблись...

Графъ.

И потому я... я...

Дарья Ивановна (*съ улыбкой*).

Далѣе, графъ, далѣе.

Графъ.

Потомъ я вдругъ убѣдился, что имѣю дѣло съ женщиной, чрезвычайно плѣнительной, а теперь откровенно долженъ вамъ сознаться—теперь вы мнѣ совершенно вскружили голову.

Дарья Ивановна.

Вы смѣтаете надо мной, графъ...

Графъ.

Я смѣюсь надъ вами?

Дарья Ивановна.

Да, вы! Сядемте, графъ. Позвольте мнѣ вамъ сказать два слова. (*Садится*).

Графъ (*сидясь*).

Вы мнѣ все не вѣрите!..

Дарья Ивановна.

А вы хотите, чтобъ я вамъ вѣрила? Полноте... какъ будто бы я не знаю, какого рода впечатлѣніе произвожу на васъ. Сегодня я вамъ, Богъ знаетъ, почему, нравлюсь; завтра вы меня позабудете. (*Онъ хочетъ говорить, но она его останавливаетъ*). Поставьте себя въ мое положеніе... Вы еще молоды, блестящи, живете въ большомъ свѣтѣ; у насъ вы случайный гость...

Графъ.

Но...

Дарья Ивановна (*останавливая его*).

Мимоходомъ вы замѣтили меня. Вы знаете, что наши дороги въ жизни такъ различны... что же вамъ стоить увѣрить меня въ вашей... въ вашей дружбѣ?... Но я, графъ, я, которой суждено провести весь свой вѣкъ въ уединеніи—я должна дорожить своимъ покоемъ, я должна строго наблюдать за своимъ сердцемъ, если не хочу со-временемъ...

Графъ (*перебивая ее*).

Сердцемъ, сердцемъ; vous dites сердцемъ! Да развѣ у меня тоже нѣтъ сердца, наконецъ? И почему вы знаете, что оно, это сердце, не... не заговорило, наконецъ? Вы говорите: уединенье? Но почему же уединенье?

Дарья Ивановна.

Я дурно выразилась, графъ; я не одна — я не имѣю права говорить объ уединеніи.

Графъ.

Понимаю, понимаю—вашъ мужъ... но развѣ... развѣ... Вѣдь это только между нами... одна, этакъ... de la sympathie. (*Небольшое молчаніе*). Мнѣ только, признаюсь, одно больно: мнѣ больно, что вы не отдаете мнѣ справедливости, что вы видите во мнѣ какого-то, я не знаю... какого-то фальшиваго человѣка... что вы не вѣрите мнѣ, наконецъ...

Дарья Ивановна (*помолчавъ и посмотрѣвъ на него сбоку*).

Такъ вѣрить мнѣ вамъ, графъ?

Графъ.

Oh, vous êtes charmante! (*Беретъ ея руку. Дарья Ивановна сперва какъ будто хочетъ принять ее, потомъ оставляетъ. Графъ съ жаромъ ее цѣлуетъ*). Да, вѣрьте мнѣ, Дарья Ивановна, вѣрьте... я васъ не обманываю. Я сдержу всѣ свои обѣщанья. Вы будете жить въ Петербургѣ... Вы... вы... увидите. И не въ уединеніи... я за это вамъ ручаюсь. Вы говорите, я васъ забуду? Какъ бы вы меня не забыли!

Дарья Ивановна.

Валерьянъ Николаичъ!

Графъ.

А, вы сами теперь видите, какъ непріятно, какъ оскорбительно сомнѣніе! Вѣдь я бы могъ тоже подумать, что вы притворяетесь, que ce n'est pas pour mes beaux yeux...

Дарья Ивановна.

Валерьянъ Николаичъ!

Графъ (*болѣе и болѣе одушевляясь и вставая*).

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло, какого вы ни были мнѣнія обо мнѣ!.. Я... я долженъ вамъ сказать, что я вамъ душевно преданъ, что я, наконецъ, влюбленъ въ васъ, страстно, страстно влюбленъ, и готовъ на колѣняхъ поклясться вамъ.

Дарья Ивановна.

На колѣняхъ, графъ? (*Встаетъ*).

Графъ.

Да, на колѣняхъ, если бъ это не было принято—такъ, чѣмъ-то театральнымъ.

Дарья Ивановна.

Отчего же?.. Нѣтъ, это, признаюсь, это должно быть очень пріятно — для женщины. (*Быстро оборачиваясь къ Любину*). Станьте на колѣни, графъ, коли вы точно не смѣтаетесь надо мной.

Графъ.

Съ удовольствіемъ, Дарья Ивановна, если это только можетъ васъ заставить повѣрить, наконецъ... (*Не безъ труда становится на колѣни*).

Дарья Ивановна (*даетъ ему статъ на колѣни и быстро приближается къ нему*).

Помилуйте, графъ, что вы! я шутила, встаньте.

Графъ (*пробуетъ встать и не можетъ*).

Все равно, оставьте. Je vous aime, Dorothee... Et vous?

Дарья Ивановна.

Встаньте, прошу васъ... (*Изъ передней показывается Ступендеевъ, напрасно удерживаемый Мишей*). Встаньте... (*Она дѣлаетъ знаки и сама съ трудомъ удерживаетъ смѣхъ*). Встаньте... (*Графъ съ изумленіемъ глядитъ на нее и замѣчаетъ ея знаки*). Да встаньте же, говорятъ...

Графъ (*не вставая*).

Кому вы дѣлаете знаки?

Дарья Ивановна.

Графъ, ради Бога, встаньте!

Графъ.

Дайте мнѣ руку.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Ступендеевъ и Миша. Ступендеевъ во время этого разговора подошелъ къ самому графу. Миша остановился у порога. Дарья Ивановна глядитъ на графа, на мужа и съ звонкимъ хохотомъ бросается въ кресло. Графъ въ смущеніи оглядывается и видитъ Ступендеева. Тотъ ему кланяется. Графъ съ досадой обращается къ нему.

Графъ.

Помогите мнѣ встать, милостивый государь... Я какъ-то... здѣсь сталъ на колѣни. Да помогите же мнѣ! (*Дарья Ивановна перестаетъ смѣяться*).

Ступендеевъ (*хочетъ поднять его подъ мышки*).

Слушаю-съ, ваше сіятельство... Извините меня, если я... того-съ...

Графъ (*отталкиваетъ его и вскакиваетъ молодыцомъ*).

Очень хорошо-съ, очень хорошо-съ — я у васъ ничего не спрашиваю. (*Подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ*). Прекрасно, Дарья Ивановна, очень вамъ благодаренъ.

Дарья Ивановна (*принимая умоляющій видъ*).

Чѣмъ же я виновата, Валерьянъ Николаичъ!

Графъ.

Вы нисколько не виноваты, помилуйте! Нельзя не смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно—я васъ въ этомъ не упрекаю, повѣрьте; но, сколько могъ замѣтить, это все было у васъ напередъ сговорено съ вашимъ супругомъ.

Дарья Ивановна.

Почему вы это думаете, графъ?

Графъ.

Почему? Да потому, что въ этакихъ случаяхъ, обыкновенно, не смѣются и не дѣлаютъ знаковъ.

Ступендѣевъ (*который вслушался*).

Помилуйте, ваше сіятельство, между нами ничего не было сговорено, увѣряю васъ, ваше сіятельство. (*Миша дергаетъ его за фалду*).

Графъ (*съ горькимъ смѣхомъ къ Дарьѣ Ивановнѣ*).

Ну, послѣ этого вамъ трудно будетъ еще заператься... (*Помолчавъ*). Впрочемъ, вамъ и не для чего заператься. Я совершенно заслуживалъ это.

Дарья Ивановна.

Графъ...

Графъ.

Не извиняйтесь, прошу васъ. (*Помолчавъ, про себя*). Какой позоръ! Одно только осталось средство выйти изъ этого глупаго положенія... (*Громко къ Дарьѣ Ивановнѣ*). Дарья Ивановна?..

Дарья Ивановна.

Графъ?

Графъ (*помолчавъ*).

Вы, можетъ-быть, думаете, что я теперь не сдержу своего слова, сейчасъ уѣду, и не прощу вамъ вашей мистификаціи? Я бы, можетъ-быть, имѣлъ право это сдѣлать, потому что, все-таки, съ порядочнымъ человѣкомъ такъ шутить не слѣдуетъ; но я желаю, чтобъ вы, въ свою очередь, узнали, съ кѣмъ имѣли дѣло... Madame, je suis un galant homme. Притомъ, я уважаю всегда прекрасный полъ, даже когда мнѣ отъ него достается... Я остаюсь обѣдать—если г-ну Ступендѣеву это не будетъ противно—

и, повторяю вамъ, сдержу всѣ свои обѣщанія, теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь...

Дарья Ивановна.

Валерьянъ Николаичъ, вы, я надѣюсь, тоже не такого дурного мнѣнія обо мнѣ; вы не подумаете, не правда ли, что я не умѣю цѣнить... что я не до глубины сердца тронута вашимъ великодушіемъ... Я виновата передъ вами, но вы меня узнаете, какъ я теперь узнала васъ...

Графъ.

О, помилуйте! Къ чему всѣ эти слова?.. Все это не стоитъ благодарности... Но какъ вы хорошо играете комедію!..

Дарья Ивановна.

Графъ, вы знаете, комедію хорошо играешь тогда, когда чувствуешь, что говоришь...

Графъ.

А! вы опять... Нѣтъ, ужъ извините — два раза сряду я не попадусь. (*Обращаясь къ Ступендьеву*). Я долженъ быть очень смѣшонъ въ вашихъ глазахъ теперь, милостивый государь; но постараюсь доказать на дѣлѣ мое желанье быть вамъ полезнымъ...

Ступендьевъ.

Ваше сіятельство, повѣрьте, я... (*Въ сторону*). Я ничего не понимаю.

Дарья Ивановна.

Да это и не нужно... Благодаря только его сіятельству...

Ступендьевъ.

Ваше сіятельство, повѣрьте...

Графъ.

Полноте, полноте...

Дарья Ивановна.

А васъ, Валерьянъ Николаичъ, я поблагодарю въ Петербургѣ.

Графъ.

И покажете мнѣ письмо?..

Дарья Ивановна.

Покажу, и, можетъ-быть, съ отвѣтомъ.

Графъ.

Eh bien! il n'y a pas à dire, vous êtes charmante après tout... и я ни въ чемъ не раскаиваюсь...

Дарья Ивановна.

Я, можетъ-быть, не буду въ состояніи этого сказать...
(Графъ рисуется; она улыбается).

Ступендеевъ (въ сторону, глядя на часы).

А вѣдь я пришелъ въ три четверти третьяго, а не въ три.

Миша (робко подходя къ Дарьѣ Ивановнѣ).

Дарья Ивановна, что жъ вы, меня-то?.. Вы меня-то, кажется, забыли... А ужъ я какъ старался!

Дарья Ивановна (вполголоса).

Я васъ не забыла... (Громко). Графъ, позвольте вамъ представить одного молодого человѣка... (Миша кланяется). Я принимаю въ немъ участіе, и если...

Графъ.

Вы принимаете въ немъ участіе?.. Этого довольно... Молодой человѣкъ, вы можете быть покойны: мы объ васъ не забудемъ.

Миша (подобострастно).

Ваше сіятельство...

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Аполлонъ и Васильевна.

Аполлонъ (выходя изъ передней).

Кушанье...

Васильевна (выходя изъ-за Аполлона).

Кушанье готово.

Ступендеевъ.

А! Ваше сіятельство, милости просимъ.

Графъ (подавая руку Дарьѣ Ивановнѣ, къ Ступендееву).

Вы позволите?

Ступендеевъ.

Сдѣлайте одолженіе... (Графъ съ Дарьей Ивановной приближается къ дверямъ). Однако, я пришелъ не въ три, а въ три четверти третьяго... все равно; я ничего не понимаю, но моя жена—великая женщина!

Миша.

Пойдемте, Алексѣй Ивановичъ.

Дарья Ивановна.

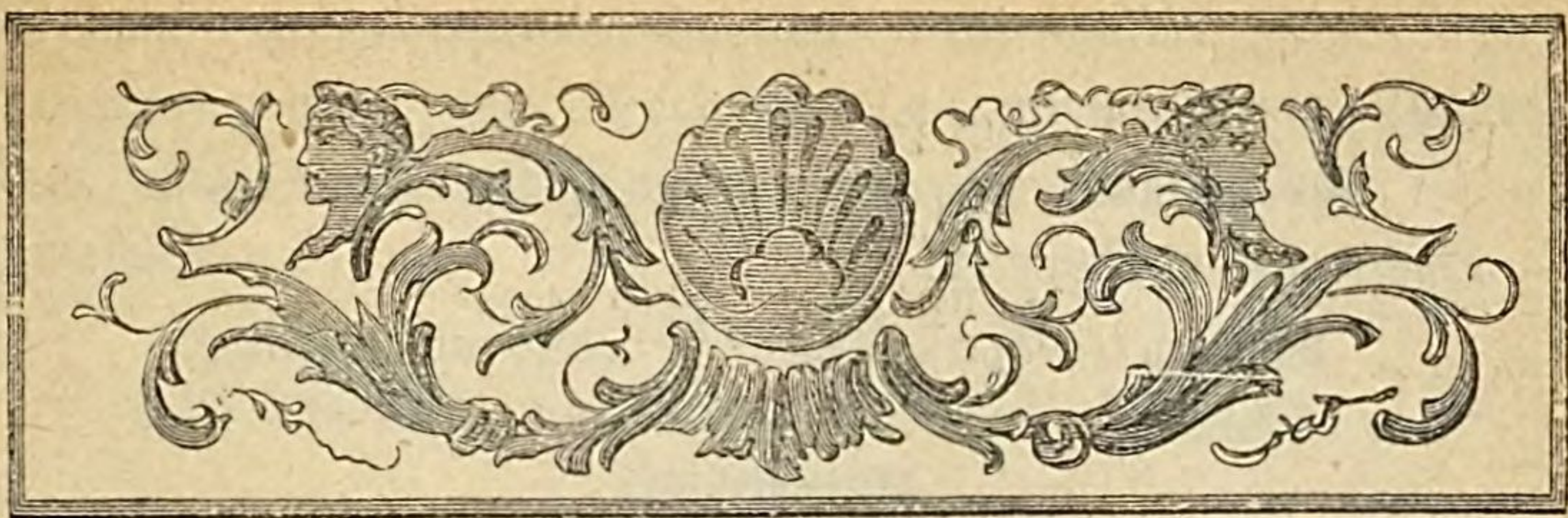
Графъ, я заранѣе прошу у васъ извиненья за провин-
ціальный нашъ обѣдъ.

Графъ.

Хорошо, хорошо... До свиданья въ Петербургѣ, провин-
ціалка!

1851 г.

РАЗГОВОРЪ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНА.

Посвящено П. М. Садовскому.

По большой ...ой дорогѣ тащится довольно уже ветхій тарантасъ, запряженный тройкою загнанныхъ лошадей. Въ тарантасѣ сидятъ рядомъ: господинъ лѣтъ 28-ми, Аркадій Артемьевичъ *Михрюткинъ*, худенькій человекъ, съ крошечнымъ лицомъ, унылымъ, краснымъ носомъ и бурными усиками, закутанный въ сѣрую попошенную шинель—и слуга его *Селивёрстъ* (онъ также и земскій), расплывшійся, пухлый мужчина 40 лѣтъ, съ свинными глазками и желтыми волосами. На козлахъ сидитъ кучеръ *Ефремъ*, бородастый, красный и курносый, одѣтый въ тяжелый, рыжій армякъ и шляпу съ опустившимися краями; ему тоже около 40 лѣтъ. Солнце печетъ; жара и духота страшная. — Ъдутъ они изъ уѣзднаго города и, полчаса тому назадъ, останавливались въ постояломъ дворикѣ, гдѣ и Ефремъ, и Селивёрстъ оба успѣли немного выпить. — Г-нъ Михрюткинъ часто кашляетъ, — грудь у него разстроена, и вообще онъ видъ имѣетъ недовольный. Онъ говорить торопливо и смутно, словно съ просонья; Ефремъ выражается медленно и обдуманно; Селивёрстъ произно-

ситъ слова съ трудомъ, словно выпираетъ ихъ изъ желудка; страдаетъ онъ одышкой.

Михрюткинъ (*внезапно встряхнувъ шинелью*).

Ефремъ,—а Ефремъ!

Ефремъ (*оборачиваясь къ нему вполголоса*).

Чего изволите?

Михрюткинъ.

Да что, ты спишь, должно-быть, на козлахъ-то?—Какъ же ты не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается—а?—Любезный ты мой другъ!

Ефремъ.

А что-съ?

Михрюткинъ.

Что-съ?—У тебя одна пристяжная вовсе не работаетъ. Что жъ ты за кучеръ послѣ этого—а?

Ефремъ.

Какая пристяжная не работаетъ?

Михрюткинъ.

Какая... какая... Известно, какая; правая, вороная. Ничего не везетъ—развѣ ты не видишь?

Ефремъ.

Правая?

Михрюткинъ.

Ну, не разсуждай, пожалуйста, и не повторяй словъ моихъ. Я этой гнусной привычки въ дворовыхъ людяхъ терпѣть не могу.—Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да впередъ не давай ей дремать, да и самъ тоже того... (*Ефремъ съ язвительной усмѣшкой съчетъ правую пристяжную.*) Послѣ этого мнѣ остается самому на козлы сѣсть, — да развѣ это мое дѣло? Это твое дѣло. Дуракъ! (*Ефремъ продолжаетъ съичъ пристяжную. Она брыкается.*) Ну, однако — тише! (*Помолчавъ.*) Экая, между прочимъ, жара неслосная. (*Закутывается въ шинель и кашляетъ.*)

Селиверстъ (*помолчавъ*).

Да-съ... оно точно: жара. Ну, а впрочемъ—для уборки хлѣбовъ — оно ничего-съ. О-охъ, Господи! (*Вздыхаетъ и чмокаетъ губами, какъ бы собираясь дремать.*)

Михрюткинъ (помолчавъ—Селиверсту).

Скажи, пожалуйста, что это за толстая баба на постояломъ дворѣ съ нами разсчитывалась?—Я прежде ея не видывалъ.

Селиверстъ.

А сама хозяйка. Изъ Бѣлева надѣсь наѣхала

Михрюткинъ.

Отчего она такая толстая?

Селиверстъ.

А кто жъ ее знаетъ? Иного этакъ вдругъ разопретъ—чѣмъ онъ въ іефтомъ случаѣ виноватъ?

Михрюткинъ.

Она съ насъ дорого взяла—эта баба. Я замѣтилъ—ты никогда на постоянныхъ дворахъ не торгуешься. Никогда.—Что запросятъ, то и даешь. Знать, она тебѣ поднесла, эта баба. И въ городѣ тоже втрое заплатилъ.

Селиверстъ.

Что вы изволите говорить, Аркадій Артемьичъ!.. Я, кажется, не таковскій человѣкъ, чтобы изъ какихъ тамъ нибудь угожденьевъ или видовъ...

Михрюткинъ.

Ну, хорошо, хорошо...

Селиверстъ.

Я, Аркадій Артемьичъ, сызмала еще вашему батюшкѣ покойному служилъ—и до сихъ поръ служу вашей милости, то-есть; и никто за мной никакихъ операцій не замѣчалъ. Потому что я чувствую; и чтобы что-нибудь этакъ противъ господской выгоды, или вообще не по совѣсти—честь свою замарать согласиться; да я, помилуйте, я—да и Господи, Боже ты мой...

Михрюткинъ.

Ну, да хорошо же...

Селиверстъ.

А баба эта съ насъ даже не дорого взяла; такъ ли еще берутъ на постоянныхъ дворахъ!—Вы говорите—она мнѣ поднесла: что жъ! можетъ-быть, и поднесла. Я отъ своего количества не отказываюсь. Я пью, но пью умѣренно, съ воздержаніемъ.

Михрюткинъ.

Ну, да, говорятъ тебѣ—хорошо.

Селиверстъ.

Вы только напрасно меня обидѣть изволили, Аркадій Артемьичъ—Богъ съ вами! (*Михрюткинъ молчитъ.*) Богъ съ вами совсѣмъ!

Михрюткинъ (*съ сердцемъ*).

Ну, да перестань же, чортъ!

Селиверстъ.

Слушаю-съ. (*Воцаряется молчаніе.*)

Михрюткинъ (*который напрасно старался заснуть, Ефрему*).

А отчего это у тебя коренная ушами трясеть—устала что ли она—вишь, вишь, на каждомъ шагу встряхиваетъ?

Ефремъ (*оборачиваясь вполонину*).

Какая лошадь ухми трясеть?

Михрюткинъ.

Коренная; развѣ ты не видишь?

Ефремъ.

Коренная ухми трясеть?

Михрюткинъ.

Да, да; ушми.

Ефремъ.

Не знаю, отчего она ухми трясти будетъ. Развѣ отъ мухъ?

Михрюткинъ.

Отъ мухъ лошадь всей головой трясеть, а не одними ухми. (*Помолчавъ.*) А что, вѣдь она, кажется, на ноги разбита?

Ефремъ.

Лядащая лошадь, какъ есть. (*Бьетъ ее кнутомъ.*)

Михрюткинъ.

Ну, ты ея не любишь, я знаю.

Ефремъ.

Нѣтъ, Аркадій Артемьичъ, я ее люблю (*бьетъ ее*); я, Аркадій Артемьичъ, всѣхъ вашихъ лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дѣло; а тотъ ужъ не кучеръ, который не соблюдаетъ лошадей—тотъ, просто,

легковѣрный человѣкъ.—Нѣтъ, я ее люблю. А только я справедливъ.—Гдѣ хвалить нечего—не хвалю.

Михрюткинъ.

Что жъ ты въ ней, на примѣръ, находишь дурного?

Ефремъ.

Аркадій Артемьичъ, позвольте вамъ доложить. Лошадь лошади рознь.—Вотъ, какъ между людьми, на примѣръ, человѣкъ бываетъ натуральный, безъ образованья, однимъ словомъ—пахондрикъ; такъ и въ лошадяхъ. Необстоятельная лошадь, Аркадій Артемьичъ, пріятности въ ней никакой нѣтъ.—Что, на примѣръ, бѣжить она—на взволкъ, что ли, по ровному ли мѣсту—или, на примѣръ, подъ гору спускаетъ—ничего въ ней нѣтъ—извольте сами посмотреть. (*Гнется на одинъ бокъ.*) Ну, что бѣжить, помилуйте! Нѣтъ отъ нея никакого удовольствія. Просто, пустая лошадь. (*Бьетъ ее кнутомъ.*)

Михрюткинъ.

Ну, а пристяжныя, по-твоему—каковы?

Ефремъ.

Ну, пристяжныя—ничего. Вороная, на примѣръ, лошадь обходительная; божевольна маленько, пуглива—ну, и лѣнца есть; а только обходительная лошадь, вѣжливая; а ужъ эта вотъ—(*указывая кнутомъ на лѣвую пристяжную*) гнѣдая—просто безъ числа.—Конь добрый, степенный, ко кнуту ласковъ, бѣжить прохладно, доброхотъ: слуга, можно сказать, изъ слугъ слуга.—Ногами, правда, немного тронуть—вѣдь у насъ какая ѣзда, Аркадій Артемьичъ, помилуйте. То туды, то сюды—покою нѣтъ лошадямъ ни малѣющаго. То вы сами изволите куда, на примѣръ, прокатиться,—то барыня погонить въ городъ, то приказчикъ поскачетъ.—Гдѣ жъ имъ тутъ справиться? А ужъ я, кажется, объ нихъ, какъ объ отцахъ родныхъ забочусь. Эхъ вы, котята! (*Погоняетъ ихъ.*)

Михрюткинъ (*помолчавъ*).

Такъ что жъ ты думаешь насчетъ коренной-то—коли она такъ плоха?

Ефремъ.

Продать ее слѣдуетъ, Аркадій Артемьичъ. На что та-

кую лошадь держать — сами вы изволите разсудить! Что дурная, что хорошая лошадь — одинаково кормъ ѣдятъ. А то и промѣнять ее можно.

Михрюткинъ.

Промѣнять! — Знаю я ваши промѣны! — придашь денегъ пропасть, своя лошадь ни за что пойдетъ, а смотришь — та-то еще хуже.

Ефремъ.

На что же такъ мѣнять, Аркадій Артемьичъ? Этакъ мѣнять не хорошо. Надо безъ придачи мѣнять — ухо на ухо.

Михрюткинъ.

Ухо на ухо! Да гдѣ жъ ты такого дурака найдешь, который бы тебѣ за дрянную лошадь хорошую безъ придачи отдалъ, а? Чтò ты, однако, за кого меня принимаешь, наконецъ? *(Кашляетъ)*.

Ефремъ.

Да Аркадій Артемьичъ, помилуйте. Кому какая лошадь пужна: иному наша лошадь покажется, а намъ — его. Вотъ, хучь бы у сосѣда нашего, у Евграфа Авдѣича, есть животикъ; Евграфъ-то Авдѣичъ порастратился, такъ, можетъ-быть, онъ сгоряча согласится. А лошадка добрая; добрая лошадка. Онъ же такой человѣкъ разсѣянный, вертлюшокъ; гдѣ ему лошадь прокормить, самъ безъ хлѣба сидить.

Михрюткинъ.

А ты, однако, я вижу, глупъ. Коли ему нечѣмъ лошадь прокормить, ну, изъ чего, ну, съ какой стати станетъ онъ мѣняться, а?

Ефремъ.

Ну, такъ купить у него можно. А онъ отдастъ дешево. Просто, за что угодно отдастъ. Лишь бы со двора долой.

Михрюткинъ *(помолчавъ)*.

А лошадь, точно, порядочная?

Ефремъ.

Отмѣнная лошадь — вотъ, изволите увидѣть.

Михрюткинъ *(опять помолчавъ)*.

Да ты, — чортъ тебя знаетъ, — ты все врешь.

Ефремъ.

Зачѣмъ врать? Песъ бретъ; за то онъ и собака.

Михрюткинъ (*недовольнымъ голосомъ*).

Ну, не разсуждай. (*Помолчавъ*). И на этой еще поѣздимъ.

Ефремъ.

Какъ вашей милости угодно будетъ. А только эта лошадь, воля ваша, просто никуда. Просто—вохлякъ

Михрюткинъ.

Что-ò?

Ефремъ.

Вохлякъ.

Михрюткинъ.

Самъ ты вохлякъ. ||

Ефремъ (*оборачиваясь вполовину*).

Кто... я вохлякъ?

Михрюткинъ.

Да, ты. Что жъ тутъ удивительнаго? Ты.

Ефремъ (*протянувъ голову*).

Ну... ну, это вы, однако, Аркадій Артемьичъ, уже того... больно изволите того... (*Онъ чрезвычайно обиженъ и взволнованъ*).

Михрюткинъ (*вспыхнувъ*).

Что-ò... что-ò?

Ефремъ.

Да помилуйте... какъ же можно...

Михрюткинъ.

Молчать! молчать! говорю тебѣ — молчать! Ахъ, ты, армякъ верблюжій! Обижаться вздумалъ, вишь! Да, вохлякъ, вохлякъ, еще какой вохлякъ! Чтò жъ, послѣ этого я; по-твоему, уже ничего не смѣю сказать? Ты мнѣ тутъ, Богъ тебя знаетъ, что наболталъ, а я долженъ передъ тобой безмолвствовать?.. Вишь, краснобай этакой!.. Еще обижается! (*Кашляетъ*). Молчать! (*Страшный кашель прерываетъ слова Михрюткина. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумажку, развертываетъ ее, достаетъ оттуда кусокъ леденца и принимается сосать его. Ефремъ молча погоняетъ лошадей; выраженіе его лица достойное и стро-*

гое. Успокоившись немножко, Михрюткинъ напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку и толкаетъ подъ бокъ Селиверста, который, во все время разговора Аркадія Артемьича съ Ефремомъ, спалъ мертвымъ сномъ). Селиверстъ, Селиверстъ!—Ну, разоспался, охреянь неприличный—Селиверстъ!

Селиверстъ (*просыпаясь*).

Чего прикажете?

Михрюткинъ.

Вотъ то-то и есть. Не будь я такъ непростительно добръ съ вами, вы бы меня уважали; а то вы всякое уваженіе ко мнѣ потеряли. Ну, что спишь, словно не видалъ, какъ спять... Тутъ кучеръ позабылся, барина обезпокоилъ, а ты спишь.

Селиверстъ.

Я такъ только, немножко, Аркадій Артемьичъ...

Михрюткинъ.

То-то, такъ. (*Утихая*). Поправь мнѣ подушку сзади. (*Селиверстъ поправляетъ подушку*). Одному я удивляюсь: кажется, ужъ на что я снисходителенъ, ужъ на что; а никакой привязанности въ васъ не заслужилъ. Вы всѣ меня за грошъ готовы продать, ей-ей! (*Едва сдерживая слезы*). Да вотъ, потерпите маленько; не долго мнѣ вамъ надождать. Скоро, скоро сложу я свою головушку (*кланяется*); посмотрю я: лучше ли вамъ будетъ безъ меня.

Селиверстъ.

Аркадій Артемьичъ, что это вы изволите говорить? Не извольте отчаиваться! Богъ милостивъ. И не стыдно тебѣ, Ефремъ, азіятская ты душа...

Михрюткинъ (*перебивая Селиверста*).

Не объ Ефремѣ рѣчь. Всѣ вы таковы. Вотъ, напри-мѣръ, что я стану теперь дѣлать? Какъ я женѣ на глаза покажусь? Послѣднія были денежки, и тѣ даромъ ухлопалъ. Еще хуже надѣлалъ. Ужъ теперь мнѣ отъ опеки не отвертѣться... шалишь! Ужъ теперь меня проберутъ, вотъ какъ проберутъ!

Селиверстъ.

Оно, точно, Аркадій Артемьичъ, не ладно. Кому жъ

іеѣто знать, коли не мнѣ? Да чѣмъ же мы-то виноваты, помилосердуйте, скажите. Ужъ мы бы, кажется, и тѣломъ, и душой, и всѣмъ, всѣмъ рады...

Михрюткинъ.

По крайней мѣрѣ, не огорчали бы, не раздражали. Видите—барину плохо приходится, просто, такъ приходится плохо, что сказать нельзя; очи, какъ говорится, на лобъ лѣзутъ,—а вы-то тутъ, вамъ-то тутъ любо... (*Сосетъ леденецъ*).

Селиверстъ.

Вся причина въ томъ, что люди въ городѣ живутъ безчувственные... Удоблетворили ихъ, какого имъ еще рожна нужно, прости, Господи, мое прегрѣшенъе! Экіе черти, право, согрѣшилъ я, грѣшный! (*Плюетъ*).

Михрюткинъ.

Именно, грабители. Вотъ, мнѣ въ городѣ леденецъ продали; говорили, малиной отзываться будетъ, а въ немъ и сладости никакой нѣтъ, просто, одинъ клей туда напиханъ. (*Помолчавъ*). Хотъ бы провизіи на эти пятьдесятъ рублей купилъ! Лиссабонскаго-то, вѣдь, чай, ни одной бутылочки не осталось?

Селиверстъ.

Послѣднюю передъ отъѣздомъ извоили выкупать.

Михрюткинъ.

Ну, такъ и есть! И женѣ ничего не купилъ, а она приказывала... Эхъ!

Селиверстъ.

Раиса Карповна гнѣваться будетъ, точно.

Михрюткинъ (*слезливо, почти крича*).

Ну, для чего ты меня раздражаешь? Ну, для чего? Боже мой, Боже мой! Что жъ это такое! что жъ это такое! Что жъ это я за несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ? (*Потупляетъ голову и кашляетъ*).

Селиверстъ.

Аркадій Артемьичъ... По глупости... Извините... (*Михрюткинъ кашляетъ и кутается въ шинель*). Отъ ревности, Аркадій Артемьичъ. (*Михрюткинъ молчитъ. Селиверстъ въ свою очередь умолкаетъ. Никто не говоритъ въ теченіе*

четверти часа. Лошади едва плетутся рысцой, оводы жадно вьются надъ ними. Селиверстъ опять засыпаетъ. Михрюткинъ, понемногу, поднимаетъ голову).

Михрюткинъ (успокоеннымъ голосомъ Ефрему).

Ну, что, опомнился? (Молчаніе). Тебѣ говорю, опомнился?

Ефремъ (помолчавъ и передернувъ вожжами).

Опомнился.

Михрюткинъ.

Очунѣлъ?

Ефремъ.

Очунѣлъ.

Михрюткинъ.

Ну, что жъ ты, не знаешь порядковъ, что ли? Извиненья попроси.

Ефремъ.

Простите меня, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ.

Богъ тебя простить. (Помолчавъ). А какой масти Евграфа Авдѣчина-то лошадь?

Ефремъ.

Гнѣдая.

Михрюткинъ.

Гнѣдая... А сколько ей лѣтъ?

Ефремъ.

Девять лѣтъ.

Михрюткинъ.

А хорошо бѣжить?

Ефремъ.

Хорошо.

Михрюткинъ.

Какой, однако, у тебя злющій нравъ! Отвѣчаешь мнѣ, словно брешешь... Ты сердишься на меня?

Ефремъ (помолчавъ).

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, развѣ я не знаю? Я все знаю, Аркадій Артемьичъ. Какъ нашему брату не знать? Господинъ, напимѣрь, гнѣваться изволить. Такъ что жъ? Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Михрюткинъ.

Хорошо; вотъ это хорошо.

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, мы, конечно, не то, чтобы въ отдаленности пробавлялись, за моремъ не бывали, точно; въ Петербургѣ больше понатерлись: все-таки, не такіе уже, однако, пенътюхи, чтобы, примѣромъ будучи, коровы отъ свиньи не спознать. Иному мужику, конечно, всякая дрянь въ диво; ему что—онъ деревенщина, неучъ; гдѣ ему! Слѣдуетъ разсудить: во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ разсудить,—съ кѣмъ грѣха не случается? Ну, какъ-нибудь не спашился, или такъ, просто сказать, не въ часъ попался—ну, не показалось господину. Онъ тебя и того; а ты выжидай; глядишь: блажь соскочила—и опять старые порядки пошли.

Михрюткинъ.

Вотъ, что умно, такъ умно; я никогда не скажу, что человѣкъ глупости говорить, когда онъ умно говорить; никогда я этого не сдѣлаю.

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. Вѣдь вамъ все это еще лучше моего извѣстно. Что я за іезопъ такой, чтобы сердиться? За всякимъ толчкомъ, не токмя что за побранкой — не угоняешься. Вы сами знаете: былъ, что смола, небылъ, что вода. А непріятность со всякимъ можетъ случиться; первѣющій астрономъ — и тотъ отъ бѣды не уберется. Стрясется вдругъ... откуда, батюшки? Да и кто можетъ опредѣлить напередъ: это вотъ этакъ будетъ—а это такъ. А Господь его знаетъ, какъ оно тамъ выйдетъ! Это все темнота. Вотъ, на примѣръ, хучь медвѣдь: — звѣрь лѣсной, пространнѣйшій, — а хвостъ у него — такъ, съ пуговку небольшую; а сорока, вотъ, — птица малая, перелѣтная — а вишь, хвостикъ какой нацѣпила. Да кто жъ это пойметъ? Тутъ есть мудрость; тутъ ничего не разберешь: одна надежда на Бога. Вотъ, на примѣръ — позвольте вамъ доложить, Аркадій Артемьичъ, отъ усердія позвольте доложить, — вы, вотъ, изволите отчаиваться, а отчего?

Михрюткинъ.

Какъ отчего? Еще бы мнѣ не отчаиваться! Вотъ, еще что вздумалъ: отчего?

Ефремъ.

Я знаю, знаю, Аркадій Артемьичъ — помилуйте, какъ намъ не знать? Мы все знаемъ. Но вы вотъ что позвольте сообразить: и тутъ, и въ этѣмъ случаѣ, ничего тоже сказать нельзя навѣрняка. Вотъ, наприимѣръ, вы изволите знать сосѣда нашего—Финтренблюдова? Ужъ на что былъ важный баринъ? Лакеи въ кувбическую сажень ростомъ, что одного галуна; дворня — просто картинная галдарея; лошади — рысаки тысячные; кучеръ — не кучеръ, просто единорогъ сидить! Залы тамъ, трубачи французы на хорахъ — тѣ же арапы; ну, просто, всѣ удобства, какія только есть въ жизни! И чѣмъ же кончилось? Продали все его имѣніе сукціону. А васъ, можетъ-быть, Господь и помилуетъ, и все такъ обойдется.

Михрюткинъ.

Дай Богъ! Но мнѣ что-то не вѣрится.

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ. Отчего же не вѣрится?

Михрюткинъ.

Не таково мое счастье, братъ. Ужъ я себя знаю; знаю я свое счастье; выѣденнаго яйца оно не стоитъ, мое счастье — то.

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ!

Михрюткинъ.

Да ужъ ты не говори, пожалуйста. Ты, вотъ, лучше посмотри—лошади-то твои не бѣгутъ вовсе.

Ефремъ.

Помилуйте, лошади бѣгутъ, какъ слѣдуетъ.

Михрюткинъ.

Ну, хорошо... Я не говорю... я съ тобой согласенъ. *(Возвышаетъ голосъ)*. Я согласенъ съ тобой, говорю тебѣ. *(Вздыхаетъ)*. Экая жара, Боже мой! *(Помолчавъ)*. Эка парить, Господи! *(Еще помолчавъ)*. Мнѣ хочется попробо-

вать, не засну ли я маленько... (*Оправляется и прислоняетъ голову къ боку кибитки*).

Ефремъ.

Ну, что жъ — и съ Богомъ, батюшка. (*Продолжительное молчанье. Михрюткинъ засыпаетъ и похрапываетъ, слегка посвистывая и пощелкивая во снѣ. Голова у него заваливается назадъ. Ротъ раскрывается*).

Селиверстъ (*открываетъ сперва одинъ глазъ, потомъ другой, и вполголоса обращается къ Ефрему*).

Однако, ты, я вижу, хорошъ гусь. Чего соловьемъ распѣлся?

Ефремъ (*помолчавъ и тоже вполголоса*).

Чего распѣлся? Экой ты, братецъ, непонятный. Развѣ ты не видишь — баринъ у насъ еще младъ, малодушенъ... Надобно жъ ему посовѣтовать, какъ, то-есть, ему въ жизни дѣйствовать...

Селиверстъ.

Ну его! Вишь, вздумалъ нянчиться!..

Ефремъ.

Что жъ — коли другіе пренебрегаютъ...

Селиверстъ.

Другіе... другіе...

Ефремъ.

Конечно, другіе. — Впрочемъ — ты... извѣстное дѣло. Ты... Для тебя, что баринъ, что чужой человѣкъ — все едино.

Селиверстъ.

А тебѣ, небось, нѣтъ?

Ефремъ (*помолчавъ*).

А что — неужто взаправду опеку хотятъ наложить?

Селиверстъ.

Непремѣнно наложить. Мнѣ самъ секретарь сказывалъ.

Ефремъ.

Вотъ какъ. Ну, а барыня... стало-быть, и она не будетъ — того — распоряжаться?

Селиверстъ.

Вѣстимо, не будетъ. Имѣнье не ея.

Ефремъ.

Нѣтъ, — я по дому говорю, по дому.

Селиверстъ.

Нѣтъ, по дому распоряжаться будетъ.

Ефремъ.

Такъ какой же въ эфтомъ толкъ? Хороша твоя опека, нечего сказать! (*Михрюткинъ ворочается во снѣ. Селиверстъ и Ефремъ зорко взглядываютъ на него; онъ спитъ*)
Еще пуще осерчаетъ, чего добраго.

Селиверстъ.

И это бываетъ.

Ефремъ.

То-то же бываетъ. Его-то мнѣ жаль.

Селиверстъ.

А мнѣ не жаль. Вольно жъ было ему. Несчастный, кричить, человѣкъ я теперича сталъ въ свѣтѣ... А кто виновать? Не дурачился бы сверхъ мѣръ человѣческихъ. Да.

Ефремъ.

Эхъ, Александрычъ, какой ты, право, неразумительный!.. Ты сообрази: вѣдь онъ, все-таки, есть баринъ.

Селиверстъ.

Ну, да ужъ ты мнѣ, пожалуйста, тамъ не расписывай... (*Михрюткинъ опять ворочается и приподнимается слегка. Селиверстъ проворно прячетъ голову въ уголъ, и закрываетъ глаза. Ефремъ проводитъ кнутомъ надъ лошадьми, и кричитъ: а-ва-ва-хвы-хвы-хва...*).

Михрюткинъ (*открываетъ глаза, щурится и потягивается*).

А я, кажется, тово, соснулъ.

Ефремъ.

Изволили почивать, точно.

Михрюткинъ.

Далеко мы отъѣхали? (*Селиверстъ приподнимается*).

Ефремъ.

До повортка еще версты три будетъ.

Михрюткинъ (*помолчавъ*).

Какой мнѣ, однако, непрятный сонъ приснился! Не помню хорошенько, что такое было—а только очень что-то непрятное. (*Помолчавъ*). Насчетъ имѣнья... опеки. Будто вдругъ меня подъ судъ во Францію повезли... Очень непрятно... очень.

Селиверстъ.

Извѣстно... сонное мечтанье.

Михрюткинъ.

Меня это беспокоитъ. *(Кашляетъ)*

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ, зачѣмъ вы изволите беспокоиться? Съ кѣмъ этого не бываетъ? Вотъ, я на дняхъ имѣлъ сонъ, вотъ ужъ точно удивительный сонъ, просто непонятный. Вижу я... *(наклоняетъ голову и у самого своего желудка нюхаетъ изъ тавлочки табакъ, чтобы не засорить глаза барину)*. Вижу я... *(Кряхтитъ и шепчетъ вполголоса)*. Экъ пробралъ, разбойникъ!.. *(Гролко)*. Вижу я себя, этакъ, словно въ полѣ, ночью, на дорогѣ. Вотъ, иду я дорогой, да и думаю; куда жъ это я иду? А мѣста кругомъ, какъ будто незнакомыя—холмы какіе-то, буераки — пустыя мѣста. Вотъ иду я и, знаете ли, этакъ все смотрю—куда жъ эта дорога ведетъ; не знаю, молъ, куда это она ведетъ. И вдругъ мнѣ навстрѣчу будто теленокъ бѣжить—да такъ шибко бѣжить и головой трясеть. — Ну, хорошо. Бѣжить, сударь, теленокъ,— а я будто думаю: э! да это никакъ отца Пафнута теленокъ сорвался, дай, поймаю его. Да какъ ударюсь бѣжать за нимъ... А ночь, изволю вамъ доложить, темная, претемная — просто, зги не видать. Вотъ — бѣгу я за нимъ—за этимъ телёнкомъ-то—не поймаю его — ну, что хошь—не поймаю! Ахъ, братецъ ты мой, думаю я, этакъ будто самъ про себя: да вѣдь это, должно-быть, не теленокъ, а что-нибудь этакое недоброе. Дай, думаю я, вернусь — пусть бѣжить себѣ, куда знаетъ. Ну, хорошо. Вотъ, иду я опять прежней дорогой, а близъ дороги этакъ будто древо стоитъ — иду я — а онъ вдругъ какъ наскочить сзади на меня, да какъ толкнетъ меня рогами въ бедро... Смерть моя пришла. Оробѣлъ я — во снѣ-то, знаете ли — просто, такъ оробѣлъ, что и сказать невозможно, — даже лытки трясутся. Однако, думаю я, что жъ это онъ будетъ меня въ бедро толкать — да, знаете ли, этакъ взялъ да оглянулся... А ужъ за мной не теленокъ, а будто жена стоитъ, какъ есть просто с-

лосая, и смотритъ на меня злобственно. Я къ ней, а она какъ примется ругать меня... Ты, молъ, пьяница, куда ходилъ? Я, говорю, я не пьяница, гдѣ ты этакихъ пьяницъ видала, говорю,—а ты сама мнѣ лучше скажи, какимъ ты манеромъ сюда попала? Я, молъ, барину, пожалуйюсь, — безстыдница ты этакая... И Раисѣ Карпѣевнѣ тоже пожалуйюсь.—А она, будто, вдругъ какъ захохочетъ, какъ захохочетъ... у меня такъ по животу мурашки и поползли. — Гляжу я на нее, а у ней глаза такъ и свѣтятся, зеленые такіе, какъ у кошки. Не смѣйся этакъ, жена, говорю я ей: этакъ смѣяться грѣхъ. Не смѣйся—уважь меня. Какая, говоритъ, я тебѣ жена — я русалка. Вотъ, стой, я тебя съѣмъ. Да какъ разинетъ ротъ — а у ней во рту зубовъ-то, зубовъ — какъ у щуки... Тутъ ужъ я просто не выдержалъ, закричалъ, благимъ матомъ закричалъ... Купріянычъ-то, старикъ, со мной въ одномъ углу спалъ — такъ тотъ, какъ сумасшедшій, съ полатей долой кубаремъ — подбѣгаетъ ко мнѣ, креститъ меня, что съ тобой, Ефремушка, говоритъ, что съ тобой, дай, потру животъ, а я сижу на постелькѣ, да этакъ весь трясусь, гляжу на него, просто, ничего не понимаю—даже рубашка на тѣлѣ трясется. Такъ вотъ, какіе бываютъ удивительные сны!

Михрюткинъ.

Да, странный сонъ. Что жъ, ты женѣ разсказалъ его?

Ефремъ.

Какъ же.

Михрюткинъ.

Ну, что жъ она?

Ефремъ.

Она говоритъ, что телѣнка во снѣ видѣть, значитъ—къ прыщамъ; а русалку видѣть—къ побоямъ.

Михрюткинъ.

А! я этого не зналъ.

Ефремъ.

А, говоритъ, закричалъ ты оттого, что домовый на тебѣ ѣздилъ.

Михрюткинъ.

Вотъ, вздоръ какой! будто есть домовые?

Ефремъ.

А то какъ же-съ? Помилуйте. Намеднись ключница за-чѣмъ-то, подъ вечеръ, въ баню пошла—не мыться пошла—баню-то въ тотъ день и не топили, да и съ какой стати старухѣ мыться, — а такъ — нужда какая-то приспичила. Что жъ вы думаете? входитъ она въ предбанникъ, а въ предбанникѣ-то темно, — протягиваетъ руку — и вдругъ, чувствуетъ—кто-то стоитъ. Она щупаетъ: овчина, да такая густая, прегустая.

Михрюткинъ.

Это вѣрно, тулупъ какой висѣлъ — она его и тронула.

Ефремъ.

Тулупъ? Да въ предбанникѣ отъ роду никакого тулупа не висѣло.

Михрюткинъ.

Ну, такъ мужикъ какой-нибудь зашелъ.

Ефремъ.

Мужикъ? А зачѣмъ мужикъ станетъ тулупъ шерстью кверху надѣвать. Мужикъ этого не сдѣлаетъ.

Михрюткинъ.

Ну, и что жъ случилось?

Ефремъ.

А вотъ что случилось. Говоритъ она, старуха-то: съ нами крестная сила! Кто это? Ей не отвѣчаютъ. Она опять: да кто жъ это такое? А тотъ-то какъ забормочетъ вдругъ по-медвѣжьи... Она такъ и прыснула вонъ. Насилу отдохнула, старая.

Михрюткинъ.

Такъ кто жъ это, по-твоему, былъ?

Ефремъ.

Извѣстно кто: домовой. Онъ воду любить.

Михрюткинъ (помолчавъ).

Ну, глупъ же ты, Ефремъ, признаюсь. (*Обращаясь къ Селиверсту*). И ты тоже въ домовыхъ вѣришь?

Селиверстъ (*съ неудовольствіемъ*).

Охота, вамъ, баринъ, объ эфтихъ предметахъ разговаривать.

Ефремъ.

Да помилуйте, Аркадій Артемьичъ, это малыя дѣтки знаютъ. А на лошадахъ, по ночамъ, кто ѣздитъ? Да у насъ не одни домовые—у насъ и марухи водятся.

Селиверстъ.

Да перестань, Ефремъ!

Ефремъ.

А что?

Селиверстъ.

Да такъ. Не хорошо. Вотъ, нашелъ предметъ къ разговору.

Михрюткинъ.

Марухи? Это что еще такое?

Ефремъ.

А вы не знаете? Старыя такія, маленькія бабы, по ночамъ на печахъ сидятъ, пражу прядутъ, и все этакъ подпрыгиваютъ, да шепчутъ. Намеднись въ Марчукова Ѳедора одна этакая маруха кирпичомъ пустила — онъ было къ ней на печку полѣзъ...

Михрюткинъ.

Онъ, дуракъ, во снѣ это видѣлъ.

Ефремъ.

Нѣтъ—не во снѣ.

Михрюткинъ.

А коли же во снѣ, зачѣмъ онъ къ ней полѣзъ?

Ефремъ.

Видно, поближе разсмотрѣть захотѣлось.

Михрюткинъ.

То-то же, поближе! (*Помолчавъ*). Какой однако это вздоръ, ха-ха! (*Опять помолчавъ*). И къ чему ты объ этомъ заговорилъ—я удивляюсь. Только уныніе наводитъ.

Селиверстъ.

И точно, уныніе.

Михрюткинъ.

Конечно, я этимъ пустякамъ не вѣрю. Конечно. Одни только необразованные люди могутъ этому вѣрить.

Ефремъ.

Ваша правда, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ.

Вѣдь эти марухи, напимѣрь, и прочее—вѣдь ты самъ посуди—это развѣ тѣло? Какъ ты полагаешь?

Ефремъ.

А не умѣю вамъ сказать, Аркадій Артемьичъ, кто ихъ знаетъ, что онѣ такое.

Михрюткинъ.

А коли не тѣло, развѣ онѣ могутъ жить, существовать то-есть? Ты меня пойми: то бываетъ тѣло—а то духъ.

Ефремъ.

Та-акъ-съ.

Михрюткинъ.

Ну, и слѣдовательно, это все вздоръ, одна мечта: просто сказать—предразсудокъ.

Ефремъ.

Тэ-экъ-съ.

Михрюткинъ.

А все-таки, объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Къ чему? Вопросъ.

Ефремъ.

Къ слову пришлось, а впрочемъ, Богъ съ ними совсѣмъ... (*Коренная спотыкается*). Ну, ты, дьяволь—сѣбли тебя мухи-то!

Селиверстъ.

Вотъ, дуракъ, какъ несообразно говорить! (*Плюетъ*). Пфу! Чтобъ имъ пусто было! Экой ты, Ефремъ, легкомысленный человѣкъ—а еще кучеръ!

Ефремъ.

Ну, да вѣдь ужъ вы, Селиверстъ Александрычъ...

Михрюткинъ.

Ну, ну, ну!.. Это что еще? Этого еще не доставало, чтобы вы въ моемъ присутствіи поссорились...

Ефремъ.

Помилуйте, Аркадій Артемьичъ...

Михрюткинъ.

Покорнѣйше прошу васъ обоихъ молчать! (*Небольшое молчаніе*). А тебя, Селиверстъ, прошу не спать. Во-первыхъ, оно неучтиво, а во-вторыхъ—безпорядокъ. Чтò за спанье днемъ? На то есть ночь. Терпѣть я не могу этихъ безпорядковъ!

Селиверстъ.

Слушаю-съ.

Михрюткинъ (*помолчавъ Ефрему*).

Ахъ, да! скажи-ка твоей женѣ—кстати, объ ней рѣчь зашла—чтобы она не забыла окурить коровъ... Мнѣ въ городѣ сказывали—въ Жерловой падежъ.

Ефремъ.

Слушаю-съ.

Михрюткинъ (*помолчавъ*).

А что она... твоя жена... доволенъ ты ей?

Ефремъ.

Въ какомъ, то-есть, напимѣръ, смыслѣ вы изволите говорить?

Михрюткинъ.

Извѣстно, въ какомъ. Такъ, вообще. Я съ своей стороны ея доволенъ. Она скотница хорошая.

Ефремъ.

Знаетъ свое дѣло. (*Медленно*). Извѣстная вещь: безъ жены человѣку быть несвойственно. Жена на то и дана человѣку, чтобы служить ему, такъ сказать, въ знакъ удовлетворенья. Ну, а впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, осторожность не помѣха. Не даромъ въ пословицѣ говорится: не вѣрь коню въ полѣ—а женѣ въ домѣ. Баба, извѣстно—человѣкъ лукавый, слабый человѣкъ; баба—плутъ. А мужъ не зѣвай. Женино дѣло—мужу угождать и дѣтей соблюдать; а мужнино дѣло—жену въ повиновеньи содержать: и въ ласкѣ-то будь онъ къ ней строгъ. Вотъ этакъ все хорошо и пойдетъ. (*Стегаетъ лошадь*). Иные мужья, въ простонародьи, этакъ, я знаю, говорятъ про своихъ женъ: аль погибели на тебя нѣтъ! Я ихъ осуждаю...

Михрюткинъ (*торопливо*).

Какъ—какъ они говорятъ?

Ефремъ.

Погибели на тебя нѣтъ...

Михрюткинъ (*задумчиво*).

Гм... вотъ какъ...

Ефремъ.

Я ихъ осуждаю... Почему? Потому я ихъ осуждаю...

Михрюткинъ (*съ жаромъ*).

А я ихъ не осуждаю... я ихъ не осуждаю... (*Помолчавъ*). Однако, перестань, наконецъ, молоть вздоръ. Право, съ тобой Богъ знаетъ до чего... право. (*Помолчавъ и указывая рукой впередъ*). Что — вѣдь это, кажется, поворотъ въ Голоплеки?

Ефремъ.

Это-съ.

Михрюткинъ.

Ну, и слава Богу! (*Сбрасываетъ съ себя шинель и отряхивается*). Живѣй, Ефремушка, живѣй! (*Наклоняется впередъ*). Вотъ онъ, поворотокъ-то! вотъ онъ! (*Тарантасъ сворачиваетъ съ большой дороги*). Что, теперь версты три осталось—не больше?

Ефремъ.

Будетъ ли еще. Вотъ, только стоить спуститься въ верхъ, а тамъ взобрался на взлобочекъ, да и пошелъ взлызомъ—катай-валяй!

Михрюткинъ (*словно про себя*).

А что ни говорите, пріятно возвращаться на родину. Душа веселится—сердце радуется. Даже лошади съ большимъ удовольствіемъ везутъ. Вишь, вишь, вѣтерокъ—прямо въ лицо мнѣ дуетъ, канашка! (*Къ Селиверсту*). Что, вѣдь это, кажется, Грачевская роща на горѣ?

Селиверстъ.

Точно такъ—Грачевская.

Михрюткинъ.

Славный лѣсокъ! Видный лѣсокъ! Пріятный лѣсокъ! (*Продолжая глядѣть кругомъ*). Вишь, какая гречиха! И

овсы, вотъ, хороши. Такъ и играютъ на солнцѣ, бестьи! Вотъ, и ржы тоже хороши. Чьи эти овсы?

Селиверстъ.

Безкучинскихъ однодворцевъ.

Михрюткинъ.

Вишь, однодворцы!—Что, у нихъ хозяйство каково?

Селиверстъ.

Хозяйство у нихъ не то, чтобы того... а впрочемъ — ничего. Живутъ, чего имъ еще?

Михрюткинъ.

Хорошіе овсы. (*Помолчавъ.*) И у насъ овсы не дурны... Но къ чему мнѣ они теперь? Къ чему все это? Вѣдь я пропалъ, совершенно пропалъ... Пропала моя головушка... Отнимутъ у меня и это послѣднее удовольствіе...

Селиверстъ.

Не извольте отчаиваться, Аркадій Артемьичъ.

Михрюткинъ.

И Раиса Карповна—задастъ она мнѣ встрепку теперь! А я еще, глупый человѣкъ, радуюсь, что на родину возвращаюсь! Ахъ, я несчастнѣйшее, несчастнѣйшее существо! (*Умолкаетъ и спустя нѣсколько времени подымаетъ голову.*) Вотъ, ужъ Ахлопково стало видно... Хорошее село. Вонъ поповскій орѣшникъ. Въ этомъ орѣшникѣ, должно-быть, зайцы есть. Эхъ, ребята, послушайте-ка... Что унывать? Ну-ка: „Въ темномъ лѣсѣ“. (*Затѣваетъ.*) Въ темномъ лѣсѣ...

Ефремъ и Селиверстъ (*дружно подхватываютъ*).

Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ —
Въ темномъ...

Михрюткинъ.

Ты высоко забираешь, Ефремъ — ты не дьячокъ — что ты голосомъ виляешь-то?

Ефремъ (*откашливаясь*).

А вотъ сейчасъ лучше поидетъ.

Михрюткинъ (*тоненькимъ голосомъ*).

Да въ залѣсьи...

Ефремъ и Селиверстъ.

Да въ залѣсьи...

Михрюткинъ (кашляя).

Распашу я... распашу я...

Ефремъ.

Эхъ вы, миленькія!

Распашу я... распашу я...

Селиверстъ.

Распашу я... (Кашель заставляетъ Михрюткина умолкнуть; Селиверстъ запинается. Слышенъ одинъ высочайшій фальцетъ Ефрема, который поетъ):

И па... шин... нику...

И па... шин... нику...

(Тарантасъ възжасаетъ въ березовую рошу.)

1851 г.

Примѣчаніе. — Орловскія слова, попадающіяся въ „Разговорѣ“:
1. Лядащій — никуда негодный, дрянной. — 2. Божевольный — шаловливый, пугливый. — 3. Вохлякъ — неловкій, мѣшокъ. — 4. Очунѣть — придти въ себя. — 5. Спашашиться — справиться, изловчиться. — 6. Лытки — мышцы подъ колѣнками. — 7. Верхъ — оврагъ. — 8. Взлобокъ, взлобочекъ — выдающійся мысъ между двумя оврагами. — 9. Взлызь — покатое мѣсто, pente douce. — И ржы — множественное число слова: рожь.

ВЕЧЕРЪ ВЪ СОРРЕНТЪ.

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Надежда Павловна Елецкая, вдова 30 лѣтъ.

Марія Петровна Елецкая, ея племянница 18 лѣтъ.

Алексѣй Николаевичъ Бѣльскій, 28 лѣтъ.

Сергѣй Платоновичъ Аваковъ, 45 лѣтъ.

Слуга, итальянецъ.

М-г Рорелін, французскій художникъ.

Пѣвецъ.—Импровизаторъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Соррентѣ, въ гостиницѣ, на берегу моря).

(Театръ представляетъ довольно большую комнату, убранную—какъ обыкновенно бываютъ убраны комнаты въ гостиницахъ;—прямо: одна дверь въ переднюю, другая въ кабинетъ;—палѣво два окна—направо дверь въ садъ.—На диванѣ посрединѣ комнаты сидитъ Аваковъ и спитъ, прислонясь къ спинкѣ—голова его накрыта платкомъ.

Аваковъ (*шевелится и издаетъ неясные звуки. — Наконецъ онъ восклицаетъ сонливymъ голосомъ:*)

Оедька!.. Оедька!.. Оедюшка! — (*Онъ вздрагиваетъ, снимаетъ съ себя платокъ и съ изумленьемъ оглядывается.*) — Да гдѣ жъ это я?.. (*Оглядывается опять и помолчавъ, съ*

досадой махаетъ рукой.) Въ Италіи!.. (Помолчавъ опять.)
А какой я-было славный сонъ видѣлъ!—Право.—Будто я
этакъ сижу у себя въ Покровскомъ подъ окномъ—гляжу—
а на дворѣ все утки ходятъ, и у каждой на затылкѣ хо-
холъ. Филиппъ кучеръ телѣгу подмазываетъ—а Оедюшка
мнѣ трубки не несетъ.—Удивительный, пріятный сонъ!—
(Вздыхаетъ.) Эхъ! эхъ!.. Когда-то Господь Богъ приведетъ
увидѣть все это опять... *(Встаетъ.)* Усталъ я, признаться
сказать, усталъ таскаться по трактирамъ... старыя кости
мыкать. Вѣдь третій годъ... Вотъ ужъ точно можно ска-
зать, сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро... *(Помолчавъ.)*
А они, должно-быть, ушли... *(Подходитъ къ двери въ садъ.)*
Въ саду ихъ нѣтъ... *(Подходитъ къ двери въ кабинетъ и*
стучится.) Надежда Павловна... Надежда Павловна... Вы
здѣсь?—Нѣту.—Должно-быть, ушли... Я тутъ вздремнулъ
послѣ обѣда, а они взяли да ушли... Гмъ!—Ушли... Ужъ
этотъ мнѣ Алексѣй Николаичъ — это все его штуки... я
знаю... И кто его принесъ къ намъ... *(Съ волненіемъ дер-*
гаетъ за шнурокъ колокольчика.) Очень было нужно...
(Дергаетъ опять.) Какъ будто безъ него мало ихъ... Да
что жъ это никто не идетъ? *(Дергаетъ три раза сряду.)*
(Изъ передней выскакиваетъ слуга-итальянецъ въ курточкѣ
и съ салфеткой подъ мышкой.)

Слуга *(наклоняясь впередъ встѣмъ тѣломъ).*

'Celenza comanda?

Аваковъ *(глядя на него сбоку).*

Эка зубы скалить! — Странное дѣло! всѣ эти слуги въ
гостиницахъ другъ на друга похожи — въ Парижѣ, въ
Германіи, здѣсь... вездѣ... Точно одно племя... *(Къ слугѣ.)*
Пуркуа не вене ву па тудсюить? — *(Аваковъ не совсѣмъ*
чисто говоритъ по-французски.)

Слуга *(улыбаясь и вертя салфеткой).*

'Celenza, jé... moua... héhé...

Аваковъ.

У э... у сонъ се дамъ?

Слуга.

Soun sourti... per passeggiare... pour proumené... Madama

la Countessa, aveco la Signorina e aveco Moussu Iou Counte—I'otro Counte Roussu...

Аваковъ.

Се биенъ—се биенъ... Аллè.—

Слуга.

Si signore... (*Выскакиваетъ вонъ.*)

Аваковъ.

Боже! Какъ эти мнѣ фізіономіи опротивѣли!.. (*ходитъ по комнатъ.*) Пошли гулять... Гмъ... Моремъ, небось, любоваться пошли.—Воображаю себѣ, какъ этотъ господинчикъ теперь разсыпается... А она... я ее знаю, она рада.... Это ея страсть. — И чтò она въ немъ нашла — не понимаю... Рѣшительно пустой человѣкъ. — И притомъ вовсе не занимательный человѣкъ.—(*Опять ходитъ по комнатъ.*) Господи Боже мой! Когда-то это она успокоится, когда-то ей наскучатъ, наконецъ, всѣ эти новыя лица...

(*Дверь изъ передней до половины отворяется и выказывается М-р Popelin. — На немъ курточка съ большими клѣтками, галстучекъ à l'enfant. — Онъ въ бородъ и длинныхъ волосахъ.*)

М-р Popelin.

Pardon, Monsieur...

Аваковъ (*оглядываясь*).

Это кто еще?

М-р Popelin (*все еще не входя*).

Pardon, c'est ici que demeure Madame la comtesse Gletska?

Аваковъ (*помолчавъ*).

Вуй.—Кеске ву вулè?

М-р Popelin (*входитъ. — У него небольшой портфель подъ мышкой*).

Et... pardon... Madame est-elle à la maison?

Аваковъ (*все не двигаясь съ мѣста*).

Нонъ. Кеске ву вулè?

М-р Popelin.

Ah! que c'est dommage!—Pardon, Monsieur, vous ne savez pas—reviendra-t-elle bientôt?

Аваковъ.

Нонъ... нонъ... Кескè ву вулè?

· M-r Popelin (*поглядывъ на него съ нѣкоторымъ изумленьемъ*).

Pardon, Monsieur... C'est à Monsieur le comte que j'ai l'honneur de parler?

Аваковъ.

Нонъ, мосьё, нонъ.

M-r Popelin.

Ah! (*Съ нѣкоторымъ достоинствомъ*.) Et bien, Monsieur, vous aurez la complaisance de dire à Madame que M-r Popelin, artiste peintre est venu la voir — d'après sa propre invitation — et qu'il regrette beaucoup... (*Видя, что Аваковъ дѣлаетъ нетерпѣливыя движенія*.) Monsieur, j'ai l'honneur de vous saluer. — (*Надѣваетъ шляпу и уходитъ*.)

Аваковъ.

Адіё, Монсьё. — (*Глядитъ ему вслѣдъ и восклицаетъ*).
Еще одинъ! Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ художниковъ, музыкантовъ, пьянистовъ и живописцевъ! — Откуда ихъ только набирается такая пропасть? И какъ это они сейчасъ насъ проноухаютъ. Глядишь! ужъ и познакомились, ужъ и вертятся тутъ, ухаживаютъ. И чѣмъ все это кончится? Извѣстно чѣмъ. Поднесутъ какую-нибудь дрянную акварель или статуетку — а имъ по знакомству и плати втридорога. — И сколько мы съ собой этогохлама возимъ!.. Это ужасно. А вѣдь сначала послушай-ка ихъ... Все такъ свысока... художники дескать... безкорыстіе... Голодный народецъ, извѣстно. Эхъ! (*Вздыхая*). Какъ это мнѣ все надоѣло... Ахъ, какъ это мнѣ все надоѣло! — (*Ходитъ по комнатѣ*).

А они не идутъ. — Гм! — Знать, прогулка по сердцу пришлась. Вотъ ужъ и вечеръ на дворъ. — (*Помолчавъ*). Да пойду-ка я имъ навстрѣчу... въ самомъ дѣлѣ... (*беретъ шляпу и идетъ къ передней*). А, да вотъ и они наконецъ! (*Изъ передней входятъ Надежда Павловна, Марія Петровна и Бѣльскій. Лицо Надежды Павловны выражаетъ нѣкоторое неудовольствіе*). Насилу-то изволили вернуться! — Зачѣмъ же это вы безъ меня гулять пошли?

Надежда Павловна (*подходитъ къ зеркалу направо и снимаетъ шляпу*).

А вы развѣ давно проснулись?

Аваковъ.

Давно.

Надежда Павловна.

Что жъ—выспались?

Аваковъ.

Да я и не спалъ вовсе... Такъ только...

Надежда Павловна (*перебивая его*).

Ну, знаемъ, знаемъ... вздремнули...

Аваковъ.

Хе... хе... А что, пріятная была прогулка?

Надежда Павловна (*сухо*).

Да... Никого безъ меня не было?

Аваковъ.

Никого... То-есть виновать — приходилъ какой-то живописецъ.

Надежда Павловна (*быстро*).

M-r Porélin?

Аваковъ.

Да, кажется, онъ.

Надежда Павловна.

Что жъ вы ему сказали?

Аваковъ.

Да ничего. Онъ васъ спрашивалъ—и велѣлъ вамъ сказать, что былъ...

Надежда Павловна.

Зачѣмъ же вы его не попросили подождать?

Аваковъ.

Я, право, не зналъ.

Надежда Павловна (*съ досадой*).

Ахъ, вы всегда такой! (*обращаясь къ Бѣльскому, который съ самаго своего прихода отошелъ къ окну направо вмѣстѣ съ Маріей Петровной и разговаривалъ съ ней*). Бѣльскій!.. Бѣльскій, да полноте вамъ любезничать съ Машей.

Бѣльскій.

Что вамъ угодно, Надежда Павловна?..

Надежда Павловна.

Что мнѣ угодно... *(Помолчавъ)*. Вотъ что мнѣ угодно: здѣсь сейчасъ былъ М-г Rorelin, живописецъ, вы знаете; тотъ, съ которымъ я третьяго дня познакомилась — онъ еще мнѣ показывалъ виды Везувія... Я его сама пригласила — онъ пришелъ, а этотъ вотъ господинъ *(указывая на Авакова)* не умѣлъ его удержать.

Бѣльскій.

Такъ что жъ вы прикажете?

Надежда Павловна.

Какъ вы недогадливы стали — съ нѣкоторыхъ поръ!.. Извольте сейчасъ идти, сыщите мнѣ его, приведите его сюда—слышите? Непремѣнно приведите его сейчасъ.

Бѣльскій.

Да я его адреса не знаю.

Надежда Павловна.

Узнайте его адресъ — спросите здѣсь, въ гостиницѣ — гдѣ хотите.— Да ступайте же — мнѣ онъ нуженъ — говорятъ вамъ. Ступайте.

Бѣльскій *(помолчавъ)*.

Слушаю-съ.—Иду отыскивать г-на живописца съ видами Везувія. — Должно-быть они вамъ очень понравились...— *(Взглянувъ на нее)*. Иду, иду. *(Уходитъ)*.

Надежда Павловна *(садится на диванъ и нетерпѣливо стучитъ ногой по полу. Аваковъ съ замѣшательствомъ улыбается. Наконецъ она восклицаетъ)*.

Маша!

Марія Петровна.

Ma tante?

Надежда Павловна.

Ma tante... ma tante... Что это ты меня все тетешкой величаешь?—Какъ будто ужъ я такая старуха.

Марія Петровна.

Да какъ же мнѣ, тетешка, васъ называть иначе?

Надежда Павловна *(помолчавъ)*.

Ты напрасно стоишь у окна; ты можешь простудиться.

Марія Петровна.

Помилуйте, на дворѣ такъ тепло...

Надежда Павловна.

Я не знаю... мнѣ кажется, здѣсь дуетъ... Сергѣй Платонычъ, вѣдь дуетъ?

Аваковъ *(вздрагиваетъ и играетъ пальцами обѣихъ рукъ на воздухъ)*.

Дуетъ—дуетъ.

Надежда Павловна *(Маріи Петровнѣ)*.

Ты, мнѣ кажется, слишкомъ легко одѣта?.. Маша... Ты бы лучше надѣла другое платье.

Марія Петровна.

Вы думаете, тетушка?

Надежда Павловна.

Да, думаю, моя племянница.

Марія Петровна.

Извольте—я сейчасъ надѣну другое. *(Стоитъ нѣкоторое время неподвижно, со смѣхомъ подбѣгаетъ къ Надеждѣ Павловнѣ и цѣлуетъ ее)*.

Надежда Павловна *(смѣясь)*.

Ну, хорошо, лиса, хорошо, ступай... *(Марія Петровна выбѣгаетъ въ дверь кабинета. Аваковъ тоже смѣется и потираетъ руки. Надежда Павловна взглядываетъ на него и принимаетъ серьезный видъ. Аваковъ слегка конфузится. Небольшое молчанье)*.

Аваковъ.

Вы... вы, кажется, сегодня не въ духѣ, Надежда Павловна.

Надежда Павловна.

Кто вамъ это сказалъ? — Напротивъ. Ваши замѣчанья всегда ужасно невпопадъ, Сергѣй Платонычъ. Вамъ все такое кажется, чего совсѣмъ нѣту. *(Съ улыбкой)*. Ну, примѣръ, ну скажите правду, развѣ дуетъ здѣсь?

Аваковъ *(глядя на нее)*.

А... А вамъ какъ угодно?.. чтобы не дуло?

Надежда Павловна.

Ну, вотъ видите.

Аваковъ *(помолчавъ)*.

Да если бъ я зналъ, что вамъ такъ хочется видѣть

этого французика... Если бъ вы мнѣ по крайней мѣрѣ сказали напередъ...

Надежда Павловна.

Опять вы невпопадъ. — Мнѣ нисколько не хочется видѣть этого француза... мнѣ онъ совершенно не нуженъ.

Аваковъ (*съ недоумѣньемъ*).

Однако вы послали за нимъ Бѣльскаго...

Надежда Павловна (*помолчавъ*).

Я послала за нимъ Бѣльскаго... потому что... потому что онъ мнѣ надоѣлъ... Мнѣ надоѣло его видѣть.

Аваковъ.

Кого? Бѣльскаго?

(Надежда Павловна утвердительно качаетъ головой).

Аваковъ.

Не можетъ быть!

Надежда Павловна.

Какъ не можетъ быть?

Аваковъ.

Да ей-Богу же не можетъ быть. Помилуйте, Надежда Павловна, сегодня за столомъ, вспомните какъ вы съ нимъ были ласковы? Да не только сегодня—все это время—и въ Римѣ, и на дорогѣ въ Неаполь—и здѣсь...

Надежда Павловна.

Во-первыхъ, это не правда...

Аваковъ.

Какъ неправда?

Надежда Павловна.

А во-вторыхъ что жъ!—Мнѣ хотѣлось васъ помучить.

Аваковъ.

Полноте, Надежда Павловна—меня, старика, вы и безъ того умѣете мучить.

Надежда Павловна.

Вы жалуетесь?

Аваковъ.

О, нисколько — нисколько! Я только хотѣлъ сказать, что... это все не то... что подъ этимъ что-то другое скрывается.

Надежда Павловна.

Что такое, позвольте узнать?

Аваковъ.

Онъ васъ чѣмъ-нибудь разсердилъ сегодня.

Надежда Павловна.

Позвольте узнать, чѣмъ могъ онъ разсердить меня? —
Что такое для меня М-г Бѣльскій?

Аваковъ (*въ раздумьи*).

Съ другой стороны... точно... онъ такъ за вами уха-
живаетъ...

Надежда Павловна.

Вотъ—то-то и есть, мой милый Сергѣй Платонычъ, вы
хотя и безпрестанно за нами подсматриваете — а ничего
не видите... Онъ и не думаетъ за мной ухаживать.

Аваковъ.

Какъ?

Надежда Павловна.

Поглядѣли бы вы на него во время нашей прогулки!

Аваковъ.

А что?

Надежда Павловна.

Ахъ, Боже мой! да неужель же вы давно не замѣтили,
что онъ волочится за Машей?

Аваковъ.

Бѣльскій?

Надежда Павловна.

Ну да.

Аваковъ (*внезапно*).

Это хитрость!

Надежда Павловна.

Какъ?

Аваковъ.

Хитрость, Надежда Павловна, хитрость—и больше ни-
чего. Помилуйте, Надежда Павловна, да вѣдь это ясно,
какъ дважды-два четыре... Хитрость, повѣрьте мнѣ, ста-
рая штука. Онъ хочетъ въ васъ возбудить ревность...
Помилуйте, да это очевидно...

Надежда Павловна.

Что вы говорите, Сергѣй Платонычъ?

Аваковъ.

Очевидно, Надежда Павловна, помилуйте. Вѣрьте мнѣ, вѣдь я вашъ старинный другъ, вѣдь ужъ, кажется, намъ съ вами не знакомиться стать, вѣдь я преданный вамъ человекъ — хитрость, Надежда Павловна, хитрость. Ну, возможно ли предпочесть вамъ кого-нибудь на свѣтѣ? Ну, повѣрю я этому — полноте.

(Надежда Павловна молчитъ и потупляетъ глаза).

Аваковъ *(помолчавъ, не безъ робости).*

О чемъ вы думаете, Надежда Павловна?

Надежда Павловна *(помолчавъ).*

О чемъ... Я думаю, что точно имѣю въ васъ добраго и вѣрнаго друга... *(протягиваетъ ему руку).*

Аваковъ *(съ восхищеніемъ цѣлуя ея руку).*

Помилуйте, Надежда Павловна... еще бы!

Надежда Павловна *(встаетъ).*

А г-нъ Бѣльскій, повѣрьте, мнѣ все равно, волочится ли онъ за Машей или нѣтъ, и съ какой цѣлью онъ за ней волочится, мнѣ это совершенно все равно.

Аваковъ.

Да ужъ я вамъ могу повѣрить...

Надежда Павловна *(перебивая его).*

Ну, полно, Богъ съ нимъ... Богъ съ нимъ совсѣмъ... Мы и безъ него обойдемся, не правда ли?

Аваковъ.

Какъ вы добры... *(Помолчавъ).* А все-таки грѣшно вамъ, Надежда Павловна.

Надежда Павловна.

Что такое?

Аваковъ.

Зачѣмъ вы не велѣли меня разбудить? Зачѣмъ пошли гулять безъ меня?

Надежда Павловна.

Да вѣдь я знаю, Сергѣй Платонычъ, вы до всѣхъ этихъ прогулокъ не охотникъ. Помните, въ Римѣ, въ катаком-

бахъ, какъ вы ко мнѣ приставали, что, дескать, если съ этимъ монахомъ, съ проводникомъ, ударъ случится, ну, какъ мы отсюда выйдемъ?

Аваковъ.

Что же? и точно...

Надежда Павловна.

Трусъ!

Аваковъ.

Да вѣдь это я все-таки для васъ боялся. А впрочемъ, прогулка прогулкѣ рознь. Ну, въ хорошую погоду отчего не пройтись этакъ возлѣ моря... Оно точно, пріятно. Но, на-примѣръ, вотъ на-дняхъ мы ѣздили смотрѣть какія-то подземныя ванны... Ну, что тутъ хорошаго? Темнота, грязь. Сидишь на спинѣ какого-то дурака, а онъ еще смѣется надъ тобой, что ты тяжелъ. Мнѣ говорятъ: въ этихъ ваннахъ консулы купались,—да какое мнѣ дѣло до этихъ консуловъ, позвольте спросить?

Надежда Павловна.

Небось, русскія бани лучше?

Аваковъ.

Да полноте, Надежда Павловна, полноте, захочется и вамъ, наконецъ, домой-то вернуться. Погодите еще, надо-ѣстъ вамъ разъѣзжать съ конца въ конецъ по Европѣ. Прискучать вамъ всѣ эти ваши синьоры, да мейнгеры, да французики... со своими курточками, бородками, ужимочками. *(Передразниваетъ ихъ).*

(Надежда Павловна смѣется).

Аваковъ.

Я одному удивляюсь, Надежда Павловна... Какъ вы, съ вашимъ умомъ, даете себя въ обманъ. Вѣдь вы посмотрите на нихъ, вѣдь у нихъ такъ въ глазахъ и написано, что вы, молъ, варвары, и если бъ не ваши деньги...

Надежда Павловна.

Ну, ужъ извините, Сергѣй Платонычъ, я не думаю, чтобы со мной знакомились изъ-за моихъ денегъ...

Аваковъ.

А то еще хуже... Какой-нибудь этакій фигурантикъ подходитъ къ вамъ такимъ завоевателемъ; ему бы за не-

слыханное счастье надо почитать, что вы его пускаете къ себѣ,—а онъ куда?.. онъ завоеватель, онъ рисуется! Говорить съ вами и палецъ за жилетъ закладываетъ, а? палецъ? каково? Еще иной не умѣетъ... не попадаетъ... за жилетъ-то... (*опять передразниваетъ его*).

Надежда Павловна (*смѣясь*).

Ну, полноте, Сергѣй Платонычъ, не горячитесь; повѣрьте, я не хуже васъ знаю цѣну этимъ господамъ.

Аваковъ.

Да... знаете... А между тѣмъ, небось, что они межъ собой говорятъ: что, молъ, монъ шеръ, чѣмъ ты теперь занимаешься, монъ шеръ?—Да ничѣмъ, монъ шеръ; въ меня одна русская княгиня влюбилась, а самъ этакъ ножкой постукиваетъ да цѣпочкой по пустому-то по желудку играетъ,—юнъ пренсесъ рюссъ, монъ шеръ, такъ я вотъ съ ней отъ скуки, знаешь, монъ шеръ...

Надежда Павловна (*съ нѣкоторой досадой*).

Сергѣй Платонычъ, вы мнѣ напрасно все это говорите... повѣрьте... у меня теперь совсѣмъ другія мысли въ головѣ.

Аваковъ (*помолчавъ и вздохнувъ*).

Да... я согласенъ; у васъ точно... теперь... другія мысли...

Надежда Павловна (*смѣясь*).

Ну, полноте, не вздыхайте. Такъ вамъ жаль, что мы васъ съ собой не взяли сегодня?

Аваковъ.

Еще бы!

Надежда Павловна.

Ну, пойдете, пройдемся по саду. Хотите?

Аваковъ.

Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! (*Ищетъ шляпу*).

Надежда Павловна.

Постойте, я, кажется, слышу шаги Бѣльскаго...

Аваковъ.

Да на что жъ онъ вамъ нуженъ?..

(*Изъ передней входитъ Бѣльскій*).

Бѣльскій.

Уфъ!.. Вотъ бѣжалъ-то... (*Къ Надеждѣ Павловнѣ*). Надежда Павловна, вашъ живописецъ уѣхалъ!

Надежда Павловна.

Какой живописецъ?

Бѣльскій.

Какъ какой? М-г Рореліи, тотъ самый, за которымъ вы меня послали. Онъ уѣхалъ въ Неаполь, полчасу тому назадъ.

Надежда Павловна (*глядя на него*).

Ахъ, какъ вы запыхались, Алексѣй Николаевичъ... (*Смѣется*). Ахъ, какъ вы смѣшны!

Бѣльскій.

Я?

Надежда Павловна.

Да, вы... ха-ха-ха... Не правда ли, какъ онъ смѣшонъ, Сергѣй Платонычъ.

Аваковъ.

Да, да. Ха-ха... Ха-ха.

Надежда Павловна (*Авакову*).

Ну, пойдете, пойдете.

Бѣльскій.

Куда это вы идете?

Надежда Павловна.

Иду гулять съ нимъ въ садъ.

Бѣльскій.

А я?..

Надежда Павловна.

А вы здѣсь останетесь... Да что это такъ темно здѣсь? (*Звонитъ. Входитъ слуга*). Apportez des lumières. (*Слуга выходитъ*). Вы можете, если хотите, читать... Впрочемъ, я васъ оставляю въ обществѣ Маши. Вы, кажется, еще не наговорились съ ней... Или, можетъ-быть, вы опять пойдете отыскивать М-г Рореліи? (*Бѣльскій смотритъ на нее съ изумленіемъ*). Ахъ, не смотрите такъ на меня, вы такъ смѣшны... Пойдете, Сергѣй Платонычъ... (*Взглядываетъ на Бѣльскаго*). Ха-ха-ха!

Аваковъ.

Ха-ха-ха! Въ самомъ дѣлѣ! (Оба уходятъ въ садъ. Слуга вноситъ свѣчи и ставитъ ихъ на столъ подлѣ окна. Бѣльскій стоитъ неподвижно и вдругъ поднимаетъ одну руку. Слуга воображаетъ, что онъ зоветъ его, подбѣгаетъ и говоритъ: „Селенга?“, но видя, что Бѣльскій не обращаетъ на него вниманія, кланяется его спинѣ и уходитъ).

Бѣльскій.

Что это значить? Гмъ! Не понимаю. Какая-нибудь фантазія... (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). А должно сознаться, удивительная она женщина! Умна, насмѣшлива, мила... Да, но теперь мнѣ не до того. Точно, три мѣсяца тому назадъ, когда я ее встрѣтилъ въ Римѣ, она мнѣ вскружила голову, и до сихъ поръ еще я не могу сказать, чтобы я былъ совершенно спокоенъ въ ея присутствіи... но въ сердцѣ у меня... теперь... Ахъ, я слишкомъ хорошо знаю, что у меня въ сердцѣ!..

Она мнѣ сейчасъ сказала, что оставляетъ меня въ обществѣ Марьи Петровны... Да гдѣ же Марья Петровна? (Помолчавъ.) Читатъ мнѣ совѣтовала... Читатъ!—Въ такую ночь — и послѣ сегодняшняго разговора... (Подходитъ къ окну.) Боже! какая великолѣпная ночь! (Изъ кабинета выходитъ Марія Петровна. — Она нѣкоторое время глядитъ на Бѣльскаго и идетъ на середину комнаты.)

Бѣльскій (оглядываясь).

Ахъ, это вы, Марія Петровна—гдѣ вы были?

Марія Петровна (указывая на кабинетъ).

Здѣсь... Мнѣ тѣтенька велѣла надѣть другое платье...

Бѣльскій (оглядывая ее).

Однако я не вижу, чтобы вы...

Марія Петровна.

Да тѣтенька мнѣ это только такъ сказала... Ей хотѣлось поговорить наединѣ съ Сергѣемъ Платонычемъ... Гдѣ она?

Бѣльскій.

Она пошла съ нимъ въ садъ...

Марія Петровна.

А вы что жъ не пошли съ ними?..

Бѣльскій.

Я?—Я предпочелъ остаться.

Марія Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Садится.*)

Бѣльскій.

То-есть — по правдѣ сказать — она сама мнѣ велѣла остаться...

Марія Петровна.

А! Теперь я не удивляюсь... Бѣдный Алексѣй Николаичъ!.. Мнѣ жаль васъ.

Бѣльскій (*подходя къ ней и садясь подлѣ нея*).

Будто? Не думаете ли вы, что я завидую Сергѣю Платонычу?

Марія Петровна.

А развѣ нѣтъ?

Бѣльскій.

Марья Петровна — и вы, я вижу, уже умѣете притворяться...

Марія Петровна.

Я васъ не понимаю... Но, неправда ли, какой Сергѣй Платонычъ прекрасный человѣкъ!

Бѣльскій.

Да.

Марія Петровна.

Какъ онъ преданъ тѣтенькѣ!

Бѣльскій.

Да. — Оттого-то ей и грѣшно его мучить. — Ваша тѣтушка премилая женщина, но ужасная кокетка.

Марія Петровна (*посмотрѣвъ на него*).

А вѣдь, воля ваша, вамъ досадно, что васъ не взяли въ садъ...

Бѣльскій.

Опять!

Марія Петровна.

По крайней мѣрѣ вы прежде такъ объ тѣтушкѣ никогда не отзывались.

Бѣльскій.

Прежде! Еще бы!—Я очень хорошо знаю, что когда я познакомился съ вами — помните — это было въ самый первый день карнавала—я васъ увидѣлъ на балконѣ въ Корсо — я знаю, какое она тогда произвела впечатлѣніе на меня...

Марія Петровна.

Да... помню, какъ вы съ улицы поднесли ей вдругъ на машинкѣ букетъ и какъ она сперва испугалась, потомъ засмѣялась и взяла ваши цвѣты...

Бѣльскій.

Помните, возлѣ нея стоялъ этотъ долговязый джентльменъ, сынокъ какого-то лорда — онъ еще такъ на меня потомъ дулся и ревновалъ и съ достоинствомъ бормоталъ въ носъ—точно тетеревъ...

Марія Петровна.

Какъ же... какъ же...

Бѣльскій.

Но вѣдь это все три мѣсяца тому назадъ происходило... а съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ я узналъ другое чувство—я понялъ, что всѣ очарованія женскаго кокетства ничто передъ стыдливой прелестью молодости...

Марія Петровна (*съ смущеніемъ*).

Что вы хотите сказать?

Бѣльскій (*тоже съ смущеніемъ*).

Я?... Такъ... Ничего.—(*Помолчавъ*). Что вы читали сегодня, Марія Петровна?

Марія Петровна.

Я? Шиллера, Алексѣй Николаичъ.

Бѣльскій.

Позвольте узнать, что именно?

Марія Петровна.

Іоанну д'Аркъ.

Бѣльскій.

А! хорошее сочиненіе... (*Въ сторону*). Какъ я глупъ, Боже мой!—(*встаетъ и идетъ къ окну*).

Марія Петровна (*помолчавъ*).

Что вы тамъ смотрите, Алексѣй Николаичъ?

Бѣльскій.

Я смотрю на небо, на звѣзды, на море... слышите вы его мѣрные, протяжные всплески? Марія Петровна,—неужели эта тишина, этотъ воздухъ, этотъ лунный свѣтъ—неужели вся эта дивная ночь ничего не говоритъ вамъ...

Марія Петровна (*вставая*).

А вамъ, Алексѣй Николаичъ, что она говоритъ?..

Бѣльскій (*съ смущеньемъ*).

Мнѣ?.. Она... Она мнѣ говоритъ множество хорошихъ вещей...

Марія Петровна (*съ улыбкой*).

А! Какія же напримѣръ?

Бѣльскій (*въ сторону*).

Это наконецъ невыносимо... Я долженъ казаться ей смѣшнымъ... Боже мой! Боже мой! сердце во мнѣ такъ бьется—я хочу высказаться—высказаться наконецъ—и не могу... Если бъ хоть что-нибудь—теперь, въ эту минуту... (*За окномъ раздается аккордъ гитары...*)

Марія Петровна.

Что это?

Бѣльскій (*протягивая къ ней руку, съ волненъемъ*).

Не знаю, погодите, должно-быть импровизаторъ... (*Пѣвецъ поетъ серенаду подъ окномъ.—Во все время тѣмъ, оба, Бѣльскій и Марія Петровна, стоятъ неподвижно. По окончаніи перваго куплета, Бѣльскій бросается къ окну и кричитъ: браво, браво...*)

Голосъ пѣвца.

Qualche cosa per il musico, signore...

Марія Петровна (*подходя къ Бѣльскому*).

Бросьте ему что-нибудь.

Бѣльскій.

Постойте — онъ такъ не увидитъ... (*Достаетъ изъ кармана монету, проворно обвертываетъ ее бумажкой, зажигаетъ ее у свѣчи и бросаетъ за окно.*)

Голосъ пѣвца.

Grazie, mille grazie...

Марія Петровна (которая тоже обернула монету
въ бумажку).

Вотъ дайте ему еще...

(Бѣльскій зажигаетъ ее и бросаетъ.)

Голосъ пѣвца.

Grazie, grazie... (Онъ поетъ второй куплетъ. Бѣльскій
и Марія Петровна стоятъ у окна и слушаютъ. Когда
онъ кончаетъ, Бѣльскій кричитъ: браво! бросаетъ ему
еще монету. Марія Петровна хочетъ отойти, но онъ
схватываетъ ее за руку.)

Бѣльскій.

Постойте, Марія Петровна, постойте... До сихъ поръ
мы наградили въ немъ ремесленника, но я хочу теперь
благодарить художника... (Быстро беретъ свѣчу со стола.)
Подойдите я освѣщу васъ... (Марія Петровна слегка про-
тивится, но подходитъ къ окну.)

Голосъ пѣвца.

Ah, que bella ragazza!

Марія Петровна (краснѣя отходитъ отъ окна).

Полноте...

Бѣльскій (ставя свѣчу на столъ).

Нѣтъ, рѣшительно я не могу молчать долѣе... Эта не-
ожиданная пѣснь, этотъ сладкій итальянскій голосъ — и
именно теперь, въ эту ночь, когда ужъ и такъ я готовъ
былъ сказать вамъ, что у меня на сердцѣ — нѣтъ, нѣтъ,
я не могу, я не хочу молчать...

Марія Петровна (съ волненъемъ).

Алексѣй Николаичъ...

Бѣльскій.

Я знаю, что все это безумно, что вы будете негодовать
на меня—но такъ и быть, я не въ силахъ болѣе притво-
ряться...—Марія Петровна, я люблю васъ, люблю васъ
страстно...

(Марія Петровна молчитъ и потупляетъ глаза.)

Бѣльскій.

Да—я люблю васъ—вы давно могли это замѣтить. И
теперь—если... если вы не согласитесь быть моей женой—
мнѣ остается одно: уѣхать отсюда какъ можно скорѣй и

какъ можно дальше... Я знаю, что я своей поспѣшностью, можетъ-быть, все испортилъ, но виновать не я... этотъ пѣвецъ виновать... (*Взглянувъ на Марію Петровну*). Марія Петровна, скажите, уѣхать мнѣ или остаться—сердиться мнѣ на этого пѣвца или вѣчно благодарить его...

Марія Петровна.

Я, право, не знаю...

Бѣльскій.

Скажите, скажите...

Марія Петровна.

Мнѣ кажется... на этого пѣвца трудно сердиться...

Бѣльскій (*схватывая ее за руку*).

Неужели?... Боже мой! неужели я могу...

Марія Петровна.

Но я... но что скажетъ тѣтушка...

Бѣльскій.

Что она скажетъ? Она согласится... Да вотъ она кстати и идетъ... Вы увидите... Я увѣренъ, она согласится...

Марія Петровна.

Бѣльскій! что вы дѣлаете...

Бѣльскій.

Ничего, ничего... вы увидите... (*Марія Петровна старается его удержатъ. Изъ двери сада входитъ Надежда Павловна и Аваковъ*).

Аваковъ.

И вы такъ рано возвращаетесь, Надежда Павловна...

Надежда Павловна.

Да нельзя же... Сергѣй Платонычъ... Чтобъ они тамъ... вдвоемъ...

Бѣльскій (*бросаясь къ Надеждѣ Павловнѣ*).

Надежда Павловна...

Надежда Павловна (*вздрагиваетъ*).

Что съ вами—вы меня испугали... (*Аваковъ съ изумленьемъ глядитъ на него*).

Бѣльскій.

Надежда Павловна—я въ большемъ волненіи... но вы не обращайтесь на это вниманья... Я, видите ли, я не могу болѣе скрыть... я... я рѣшаюсь просить у васъ руки...

Аваковъ.

Боже! Все кончено... *(падаетъ на кресла.)*

Бѣльскій.

Руки вашей племянницы, Маріи Петровны...

Надежда Павловна *(съ изумленьемъ)*.

Моей племянницы...

Аваковъ.

Какъ? Что?... *(вскакиваетъ.)* Вы просите руки Маріи Петровны?... Согласенъ, согласенъ и разрѣшаю... Дѣти, дайте сюда ваши руки *(наильно беретъ руку Маши и соединяетъ ее съ рукою Бѣльскаго)*. Благословляю васъ, друзья мои, живите долго, въ ладу и согласіи, и имѣйте какъ можно больше дѣтей!..

Надежда Павловна.

Да, постойте, постойте, Сергѣй Платонычъ, вы съ ума сошли... Что это такое? Я ничего не понимаю... Вы, Алексѣй Николаичъ, просите у меня руки Маши, вы?

Бѣльскій.

Я.

Надежда Павловна.

А она... что жъ?

Бѣльскій.

Она не противится.

Надежда Павловна.

Маша... ты молчишь?

Аваковъ.

Да помилуйте, Надежда Павловна, что жъ ей говорить? Неужели жъ вы думаете, что все это безъ ея согласія дѣлалось?

Надежда Павловна *(Авакову)*.

Во всякомъ случаѣ, оно сдѣлалось по вашей милости.— *(Къ Бѣльскому.)* Хотя ваше предложеніе, признаюсь, меня очень удивляетъ—оно такъ неожиданно—но я не желаю препятствовать счастью моей племянницы, если только вы можете составить ея счастье...

Бѣльскій.

Стало-быть, вы согласны? *(Цѣлуетъ ея руку.)*

Аваковъ.

Да, конечно, согласна... Ура!—Марья Петровна—подойдите же и вы...

Марія Петровна (*подходя къ Надеждѣ Павловнѣ*).
Chère tante...

Надежда Павловна.

Хорошо, хорошо. (*Треплетъ ее по щекѣ*.) Vous êtes fine, ma nièce... (*Обращаясь къ Авакову*.) А неправда ли, Сергѣй Платонычъ, какъ ваши догадки были вѣрны... и безошибочны...

Аваковъ.

Эхъ, Надежда Павловна, я за свои догадки не стою—и ошибаться мнѣ тоже случается, какъ и всякому смертному, а вотъ за одно я отвѣчаю—за мою неизмѣнную и вѣчную преданность къ вамъ... Надежда Павловна, что бы, право...

Надежда Павловна.

Что такое?

Аваковъ.

По примѣру этихъ молодыхъ людей...

Надежда Павловна.

Молодыхъ людей! Говорите про себя, Сергѣй Платонычъ, а я не нахожу себя старой...

Аваковъ.

Да вы меня понимаете... Право.—И поѣхали бы мы къ себѣ, домой... Надежда Павловна. И какъ бы тамъ зажили!

Надежда Павловна.

Я вамъ не говорю... нѣтъ, но мы сперва въ Парижъ заѣдемъ.

Аваковъ (*чешетъ себя за ухо*).

Да развѣ Парижъ... на дорогѣ... въ Саратовъ?

Надежда Павловна.

Нѣтъ, ужъ это какъ хотите.—Мы непременно ѣдемъ въ Парижъ... молодые люди тамъ женятся...

Аваковъ.

Мы всѣ тамъ женимся... А тамъ и домой...

Надежда Павловна.

Ну, это мы увидимъ... (*Помолчавъ.*) Но не забуду я этого вечера въ Соррентѣ...

Бѣльскій.

Ни я...

Марія Петровна.

Ни я...

Аваковъ.

Да никто его не забудетъ!

Надежда Павловна.

Ну, погодите, Сергѣй Платонычъ, не отвѣчайте за другихъ.

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

10-го января 1852 г.

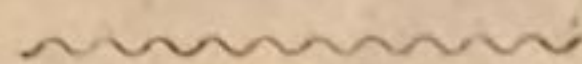
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОДИННАДЦАТАГО ТОМА:

	СТР.
Завтракъ у предводителя. Комедія въ одномъ дѣйствіи . . .	3
Мѣсяцъ въ деревнѣ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.	45
Провинціалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи.	192
Разговоръ на большой дорогѣ. Сцена.	245
Вечеръ въ Соррентѣ. Сцена.	268

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. В. ГОГОЛЯ,

подъ редакціею академика-профессора Н. С. ТИХОНРАВОВА.

Новое, 14-е изданіе, въ 5-ти томахъ, 2730 стр. in 8°,

дополненное составленною В. И. Шенрокомъ біографіею Н. В. ГОГОЛЯ, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двухъ автографовъ Гоголя и нѣсколькихъ его собственноручныхъ рисунковъ. СПБ. 1898 г.

Въ 14-мъ изданіи помѣщенъ составленный извѣстнымъ изслѣдователемъ и собирателемъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, В. И. Шенрокомъ, біографическій очеркъ, въ которомъ живо и интересно, въ сжатой формѣ, очерчены главнѣйшія обстоятельства какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни Гоголя въ разные періоды.

Новое изданіе отпечатано въ томъ же форматѣ, на такой же прекрасной бумагѣ и такимъ же красивымъ, четкимъ шрифтомъ, какъ предыдущее 13-е изданіе.

Цѣна за пять томовъ — 6 р., съ перес. 7 р. 50 к., а въ пяти роскошн. коленк. перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

Сочиненія Гоголя: 1) рекомендованы Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и 2) рассмотрѣны Военно-Ученымъ Комитетомъ, и о выходѣ ихъ въ свѣтъ объявлены въ цирк. Гл. Штаба отъ 17 ноября 1895 г., № 229.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Новое изданіе въ пяти томахъ,

вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и по послѣднему снимку), гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, вошедшее въ составъ полнаго собранія его сочиненій изданія 1885—86 гг., совершенно распродано и, составляя библиографическую рѣдкость, продавалось въ послѣдніе годы по 20 руб. и дороже.

Кромѣ стихотвореній прежняго изданія въ трехъ томахъ, въ настоящее новое изданіе вошли всѣ стихотворенія Я. П. Полонскаго за послѣднія десять лѣтъ. Вслѣдствіе этого, новое изданіе возросло до пяти томовъ и представляетъ собою первое по полнотѣ собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, заключающее въ себѣ всѣ поэтическія произведенія маститаго поэта до послѣдняго времени.

Новое изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ.

Изданіе рассмотрѣно Военно-Ученымъ Комитетомъ, и о выходѣ его въ свѣтъ объявлено въ циркулярѣ Гл. Штаба отъ 17 декабря 1896 г., № 284.

Цѣна всѣмъ 5-ти томамъ 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.; въ 5-ти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ пересылк. 10 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. ФЕТА.

Оригинальныя:

Мои воспоминанія. Въ двухъ частяхъ. Часть I за 1848—1863 гг. VI+452 стран., и часть II за 1864—1889 гг., 402 стран. Цѣна за обѣ части 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 60 коп.

Ранніе годы МОЕЙ ЖИЗНИ. Съ портретомъ А. Фета. Большой томъ in 8°, отпечатанный крупнымъ, четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

Переводныя:

Предлагаемые нами переводы произведеній наиболѣе выдающихся римскихъ классиковъ, помимо того, что они сдѣланы такимъ первокласснымъ поэтомъ, какъ А. Фетъ, отличаются еще тѣмъ, что они очень близки къ подлинникамъ, что даетъ возможность ознакомиться, по переводу, съ особенностями и прелестями поэтического творчества каждаго автора. Благодаря указанной близости къ подлинникамъ, переводы А. Фета могутъ служить также хорошимъ пособіемъ при чтеніи классиковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Въ двухъ частяхъ, съ примѣчаніями. Часть I, 318 стран. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 15 коп. Часть II, изданіе 2-е исправленное, съ предисловіемъ и примѣчаніями, LXI+437+CVIII стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Энеида Вергилія. Въ двухъ частяхъ, съ введеніемъ, объясненіями и про- вѣркою текста профессора Д. И. Нагуевского. Часть пер- вая (пѣсни I—VI), XXVIII+201 стр. Часть вторая (пѣсни VII—XII), 196 стр. Цѣна каждой части 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Публія Овидія Назона XV книгъ превращеній. Съ предисловіемъ, біогра- фическимъ очеркомъ и съ объясненіями А. Фета; XXIV+793 стр. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

Скорби Овидія (Tristia). Съ предисловіемъ и объясненіями А. Фета. 146 стра- ницъ. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

К. Горацій Флаккъ. Съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ и съ объясненіями А. Фета. 2-ое изданіе, XVIII+487 стр. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Стихотворенія Катулла. Съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ и съ объясненіями А. Фета, XXI+140+IV стран. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к. «Стихотворенія» Катулла Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ОДОБРЕНЫ для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій.

Элегіи Тибулла. 2-ое изданіе, съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ и съ объясненіями А. Фета. Цѣна 80 к., съ перес. 1 рубль.

М. В. Марціала эпиграммы. Въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ и съ объ- ясненіями А. Фета. XXIII+933 стран. Цѣна за обѣ части 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

Тита Макція Плавта «ГОРШОКЪ». Aulularia. Съ предисловіемъ, VII+76 страницъ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Комедія «Горшокъ» Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ОДОБРЕНА для ученическихъ, старшаго воз- раста, библіотекъ мужскихъ гимназій.

Элегіи Секста Проперція. 2-е изданіе, съ предисловіемъ и примѣча- ніями А. Фета. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Элегіи Проперція Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. ОДОБРЕНЫ для фундаментальныхъ библіо- текъ мужскихъ гимназій.

Сатиры Персія. Съ примѣчаніями. 45 стр. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 15 к. «Сатиры» Персія Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. РЕКОМЕН- ДОВАНЫ для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ гимназій.

Артуръ Шопенгауэръ. МІРЪ, КАКЪ ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЕ. 4-е изда- ніе. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Артуръ Шопенгауэръ. 1) О четвертомъ корнѣ закона достаточнаго осно- ванія. Философ. разсужденіе. Съ литогр. таблицъ фигуръ. 2) О волѣ въ природѣ. IX+138 стр. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Съ требованіями просятъ обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

Turgenev, Ivan Sergeevič,

Polnoe sobranie sočinenij I. S. Turgeneva v 12 tomach

Bd.: 11

(1898)

P.o.rel. 3538-10/12

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11869753-3